ПИОНЕР

Ноябрь

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда". 1937 г.

11

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

29
34а

№ 11

Ноябрь 1937

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“

О Дюре Рашовиче и царице Ирине безумной

Перевод с сербского

Радуле Стийенский — *Рис. Ю. Кискачи*

Воздвигала города Ирина,
Крепости Ирина воздвигала,
Бастионы, форты и редуты,
Окруженные валами и рвами.
Воздвигала города Ирина,
Крепости Ирина воздвигала,
По Дунай-реке, по Мораче,
По Бояне, по южному Приморью,
Строила гранитные твердыни,
Неприступные, грозные твердыни...

И воздвигла Ирина столицу
На вершине седого Маганика,
Окружила ее стеной зубчатой,
Рвом и валом ее окружила,
У ворот поставила стражу —
До бровей вооруженных пандуров [1].
Перяников с кривыми мечами
Под началом сердаров суровых.
И столица иринина царства
Называлась Ининым градом;
Этот город был угрюм и страшен,
Опоясан черным туманом,
Из ущелий вырос он бездонных,
Где потоки шумят не затихая,
Где влекутся пудовые камни
По наклонным руслам и оврагам.
Крыши башен Иринина града
Выше туч вздымались небесных,
Развевалось знамя Ирины
Рядом с месяцем и солнцем красным.
А внизу, в селеньях безыменных,
Стон стоял от насилий да поборов!
Низко, низко гнулась Рашка-Зета
Под пятой царицы Ирины!
И взмолился народ черногорский
Дюре Рашовичу — великану:
— Ты избавь нас, Рашович Дюро,
От царицы нашей ненасытной!
Надоела проклятая Ирина,
Опостылела пуще волчицы!
Усмехнулся Дюро, в путь собрался,
Взял с собой любимое оружье,
Зычно свистнул Мачеку и Вуку
И пошел по земле черногорской.

Он идет по земле черногорской,
Он шагает, как смерч, по Зете-Рашке,
Через горы шагает и долины,
Крепости опанками [2] сшибает,

[1] Пандуры, перяники — телохранители

[2] Опанки — кожаные лапти.

Словно муравейники лесные.
И пришел он к Иринину граду,
Подступил к воротам столицы,
Под воротами рявкнул по-медвежьи,
Кулаками застучал в ворота.
И, заслышав этот рев медвежий
И почуяв этот стук юнацкий,
Испугалась иринина стража,
Задрожали перянúки и пандýры,
Уронили секиры золотые,
Чуть не плачут от лютого страха.

Вот какой он, Рашович Дю́ро!
Вот какой он, великан могучий!
Ростом Дю́ро в сорок три сажени,
Толщиной в двенадцать обхватов,
Посреди лица висит носище,
Сбитый нàбок и горбатый, как хобот.
Вот какой он, Рашович Дю́ро!
Вот какой он, великан могучий!
Губы, как подушки пуховые,
И глаза подобны огнищам,

Где сверкают красные угли,
Полыхает дымное пламя.
Вот какой он, Рашович Дю́ро!
Вот какой он, великан могучий!
Уши Дю́ро — словно две пещеры,
Шея Дю́ро — башня крепостная,
Ноги — как приморские сосны,
И живот — как барабан турецкий.
Вот какой он, Рашович Дю́ро!
Вот какой он, великан могучий!
Волчья шапка темя покрывает,

На груди стопудовая кольчуга,
А за поясом десятиверстым
Восемьсот пистолей двухстволъных
И четыреста семьдесят ханджаров.
За плечами джефердар закопченный,
Сбоку на ремне кривая сабля...
Вот какой он, Рашович Дю́ро!
Вот какой он, великан могучий!
Рядом с Дю́рой кот его ученый,
Черный Мачек, выступает плавно,
А вокруг шныряет собака,
Рыжий Вук, мохнатый и клыкастый.
И когда грызутся Вук и Мачек,
Дюро гаркнет на них подобно грому!
И смиряются дю́рины звери,
Поджимают хвосты и замолкают.
Вот какой он, Рашович Дю́ро!
Вот какой он, великан могучий!
И стоял он под воротами столицы,
Ударяя кулаками в ворота.
Видят перянúки: дело плохо...
Им не справиться с этаким чудом!
И спросили Дюру перяники,
Робкими запели голосами:
— Что ты хочешь, юнак пресловутый,
Что ты хочешь, герой знаменитый,
Что ты ищешь в Иринином граде,
И зачем ты ворота ломаешь?
Отвечает Дю́ро низким басом,
Восклицает голосом утробным —
Раскатились громы по вершинам,
И шатнулись зубчатые стены:
— Отворяйте мне ворота столицы,
Дайте мне скорей войти в столицу!
А нето я город разрушу
И сравняю башни с землею!
Я пришел к царице Ирине,
Я пришел к царице Зеты-Рашки,
Я пришел по важному делу
И хочу ее видеть немедля!

Говорят перянúки и панду́ры
Тише листьев, жаворонков слаще:
— Нет сейчас царицы Ирины,
Нет сейчас владычицы нашей!..
На охоту отправилась Ирина
В проклятые Албанские горы
И оставила распоряженье —
Не пускать в столицу посторонних!
Если ты подождать ее хочешь,
Если ты ее дождаться желаешь, —
Сдай оружье свое боевое,
Саблю, джефердар и пистоли
И ступай на царские задворки,
Посиди на кухне дворцовой;
Может быть, тебя Ирина примет,
Если ты ей поклонишься в ноги!..

Тут разгневался Дю́ро, раз'ярился
И панду́ра щелкнул длинным пальцем.
До луны взлетел панду́р несчастный
И упал на землю без дыханья.
А юнак разбил ногой ворота,
Закричал на городскую стражу,

И пришел он к Ирикину граду, подступил к воротам столицы...

Замахал как мельница руками
И ногами бешено затопал.
Побледнела стража городская,
Побледнели пандýры, посинели,
Перянúки бросили оружье
И, как мыши по норам, разбежались.
Засмеялся от радости Дюро,
Губы выпятил, задрал носище
И прошел сквозь разбитые ворота
Ко дворцу царицы Ирины.

Он ступает по тесным коридорам,
Подымается по лестницам узким,
Подымается прямо на башню,
Самую высокую башню
Изо всех ирининых башен.
А была эта башня высотою
В тридцать верст и тридцать три сажени.
Подымается по лестницам Дюро,
Тесно Дюре: стены давят Дюру!
Еле-еле протискивает плечи
Сквозь крутые лестничные клетки,
Еле-еле подымает ноги,
Еле-еле шевелит руками.
Под конец остановился Дюро —
Ни вперед, ни назад идти не может.

Обозлился Дюро, надулся,
Покраснел, что кожура граната,
И пробил потолок головою,
Так, что только пыль полетела!
Вылез Дюро на площадку башни,
Видит: вымощена камнем площадка,
Меж камней зеленая травка,
И торчат чугунные пушки
У зубчатого парапета,
Сквозь бойницы торчат, словно когти.
Оглянулся Дюро повсюду,
Видит: под лозой виноградной
Шемаханский ковер пестреет ярко,
На ковре шолковые подушки,
Черногорская софра — низкий столик —
Ломится от пецива и фруктов,
Возле столика кальян стамбульский
И пехары[1] с вином и ракией...

На подушках разнежился Дюро,
На ковре шемаханском разлегся,
Рядом с ним его ученый Мачек,
Верный Вук, мохнатый и клыкастый,
Вытянулись и ворчат умильно,
Наслаждаясь воздухом и солнцем.
Только Дюро закусил и выпил,
Снизу гомон поднялся и крики,
Забрехали своры злобных гончих,
Заклектали соколы ручные,
Егеря в рога затрубили,
Загремело звонкое оружье...
Слышит Дюро конское ржанье,
Слышит Дюро проклятья и ругань,
Перегнулся он, взглянул на землю:
Воротилась царица Ирина,
Воротилась Ирина с охоты!

Под'езжает грозная царица,
Под'езжает к разбитым воротам:
У порога лежит пандýр убитый,
Ни единого нет перянúка,
И везде валяется оружье,
Как бутылки после пированья.
Подымает голову Ирина,
На вершину башни смотрит зорко:
Там вовсю смеется над Ириной
Дюро Рашович ехидным смехом.
Закричала Ирина, завизжала,
Повелела оковать юнака,
Повелела привести героя
И поставить пред собой на колени.
Некому исполнить повеленье,
Некому стащить героя с башни:
Разбежались иринины слуги,
Ни следа от слуг не осталось!
Курит Дюро из ирининa кальяна,
Пьет вино из ирининых пехаров,
Мясо ест за ирининой софрой
И вовсю смеется над Ириной!
Закричала Ирина, завизжала,
Яростно затопала ногами,
Побежала к пропасти бездонной
И, раскинув белые руки,
Прыгнула в гранитное ущелье.

Прыгнула в ущелье Ирина,
Белыми руками взмахнула —
Превратились белые руки
В черно-синие крылья вороньи.
И, прокаркав трижды, царица,

[1] Пехар — кубок.

Полетела в Смедèрево-крепость
За подмогой, за войском могучим.
А Смедèрева больше нет на свете:
Растоптал Смедèрево Дю́ра
Растоптал опанками своими
По дороге в иринину столицу.

Опустилась на развалины Ирина,
Как ворона, на руины села,
Завопила голосом истошным,
Стала грудь свою когтями царапать,
Твердым клювом долбить себя в сердце.
Помутился разум у царицы,
Затуманились ясные очи,
Потеряла царство Ирина,
Вместе с царством потеряла разум.
И взамен вина золотого
Из подвалов Смедèрева-града
Напилась безумная Ирина
Мутноватой водицы дунайской,
Крыльями облезлыми взмахнула,
Полетела обратно в столицу.
Прилетела Ирина в столицу,
Перед Дю́рой упала на колени,
Горькими заплакала слезами
И, рыдая, промолвила Дю́ре:
— Что ж ты, Дю́ро, сделал со мною?
Ты лишил меня короны царской,
Разорил меня, обездолил,
Взял мое богатство и силу,
Так возьми же и меня впридачу
И женись на сербской царице,
На вдове покойного владыки,
Повелителя старой Зеты-Рашки.
Буду я тебе верной хозяйкой,
Буду я тебе верной супругой,
Буду я тебе помощницей верной,
Неразлучной женою, любимой.
Будем вместе мы народом править,
Наслаждаться властью и богатством,
И клыкастый Вук и умный Мачек
Станут нас охранять от всех напастей!

Согласился Дю́ро для виду
В жены взять безумную царицу.
Он проник в ее тайные козни,
Оценил иринино коварство,
Но смолчал, царице руку подал
В знак любви и дружбы нерушимой.
Оживилась безумная царица,
Засверкали царицыны очи,
И велела Ирина без отсрочки
Начинать приготовленья к свадьбе.
Затрубили серебряные трубы,
Загудели цыганские бубны,
Пастухи запели и пастушки
И пошли плясать на лужайках
Вкруг могучих дубов, одиноких.
Из подвалов выкатили бочки,
И потоком хлынула ракия;
Стали резать быков и баранов
Для веселого свадебного пира.
Сбились с ног иринины слуги,
А сама Ирина втихомолку
Отправляется в стойло коровье
С деревянным подойником глубоким;
А за нею наблюдает Дю́ро,
Прячется за каменной стеною
И глядит, как царица Ирина
Над коровами — подлая! — колдует.
Чтоб ее убил святой Василий!

Над коровами колдует Ирина,
Расплетает смоляные косы,
Дует в растопыренные пальцы,
Причитает, шепчет и стонет.
И на этот стон, подобно саже,
Стаи черных ворон летят к царице,
Над колдуньей каркают, вьются,
Помогают волховать Ирине.
И течет в подойник глубокий
Молоко шумящей рекою, —
Но зато в стране черногорской
Ни одна не доится корова!
Лопнуло у Дю́ры терпенье,
Он собрался с силами и гаркнул,
Гаркнул так, что небо пожелтело
И посыпались, как штукатурка,
Метеоры, звезды и планеты,
Облака и тучи грозовые.
Разлетелись черные вороны,
Обомлела от стыда Ирина,
Поняла, что больше нет надежды,
Поняла, что больше нет прощенья,
Нет возврата, нет спасенья больше
И навеки потеряно царство.
И взмахнула Ирина руками,
Белыми руками взмахнула,
Превратилась в черную ворону

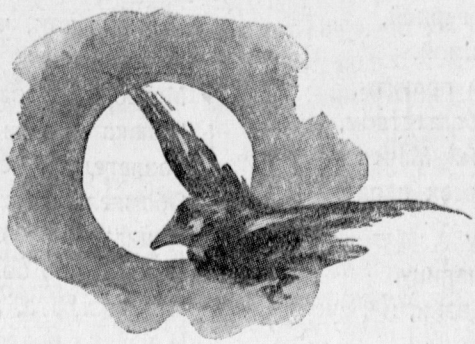
И высоко над городом взлетела.
Ловит Дю́ро царицу на мушку,
Хочет Дю́ро ведьму уничтожить,
Но она к луне подлетела,
К ноздреватой луне, плывущей в небе,
И успела спрятаться за нею.

Ходит Дю́ро по Иринину граду
И наводит в столице порядок,
И, когда он бодрствует, Ирина
Показаться на людях не смеет.
Но лишь только Рашович задремлет,
Каркает Ирина над Зетой,
И от этого карканья глухого
Пропадают облака и тучи,
Дождь нейдет, источники сохнут,
Виноградники гибнут и посевы.
Триста лет и тридцать три года
Дю́ро Рашович с Ириной боролся,
Караулил с метким джефердаром,
Но всегда царица успевала
За луну от пули схорониться.

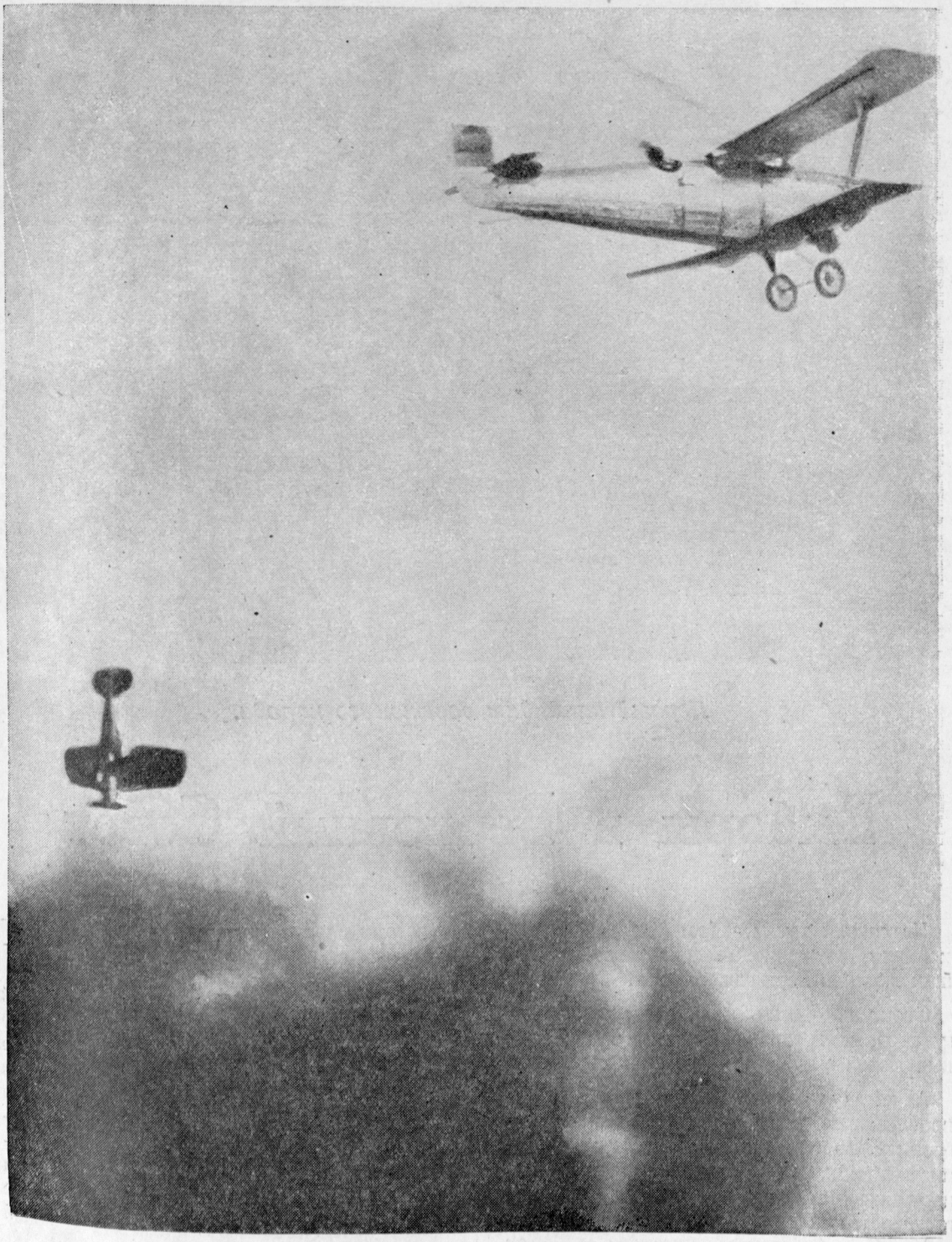
Но однажды, после обеда,
Дю́ро спал под явором тенистым,
И тотчас к нему подлетела
Гнусная царица-ворона,
Чтобы выклевать дю́рины очи,
Ослепить великого юнака.
Но не спал его ученый Мачек,
Он вцепился в крылья вороны,
А ворона превратилась в серну
И проворно кота потащила
К неминучей пропасти бездонной.
Но примчался рыжий Вук лохматый
И зубами схватил за горло серну -
Мигом серна в ежа превратилась,
В иглокожего, колючего зверя.
Дю́ро Рашович очи размыкает,
Трет ладонью слипшиеся веки...
Видит Дю́ро битву над ущельем,
Видит Дюро иринины козни.
Выхватил он нож заповедный,
Наступил на ежа ногою сильной
И вонзил свой нож рукою твердой
Прямо в сердце ежиное злое.
Трижды крикнул еж, заплакал громко,
Голосом ирининым заплакал
И замолк навеки...

Перед Дю́рой
Распростерлась мертвая Ирина.
И промолвил Дю́ро над Ириной:
— Зло посеяла безумная Ирина,
Зло посеяла, горе собрала!
Схоронил Ирину сильный Дю́ро
И покинул проклятую столицу.

Эту повесть рассказал мне Дю́ро,
Сам он спел ее под рокот гуслей
В летний вечер у большого дуба.
В этой повести многое чудесно,
Но зато немало чистой правды,
Ибо до сих пор на Маганике,
У Острожской Планины зеленой,
Древние развалины столицы,
Стены башен Иринина града
Возвышаются грудой печальной
В память о безумной Ирине...



Воздушное сражение в Испании



Немецкий фашистский бомбардировщик «хейнкель» бомбардировал испанскую деревню. Республиканский истребитель (наверху, справа) догнал фашистский самолет и метким огнем сбил его—«хейнкель» падает. Этот снимок сделан с другого республиканского самолета.

Первый кандидат советского народа.

Выборы в Верховный Совет

На сотнях тысяч собраний рабочие, колхозники, служащие выдвинули своих лучших людей в Верховный Совет.

Стоит прочитать газеты с именами депутатов, как увидишь, каких замечательных людей вырастила Советская страна.

А когда узнаешь их биографии, когда прослушаешь их речи на предвыборных собраниях, то ясно видишь, как безошибочно выдвинуты кандидаты — партийные и беспартийные, старики и молодежь, большие государственные люди и простые колхозники, рабочие и ученые, писатели и бойцы Красной армии.

Тысячи собраний выдвинули первого кандидата советского народа — Иосифа Виссарионовича Сталина. Каждый избирательный округ был бы счастлив иметь своим депутатом товарища Сталина.

Он получил тысячи обращений с просьбой дать свое согласие баллотироваться. Но, по закону, депутат может избираться только в одном округе, и вождь партии обратился в Центральный комитет, чтобы он указал ему, как члену партии и члену ЦК, тот округ, которому он должен дать свое согласие. Так поступили и товарищи Молотов и Калинин, Ворошилов и Каганович и другие члены ЦК, показывая пример партийной дисциплины и подчинения воле партии.

Исполняя указание ЦК, товарищ Сталин дал согласие баллотироваться по Сталинскому округу Москвы, и 300 тысяч трудящих-

ся Сталинского округа с радостью и восторгом встретили его согласие.

Товарищ Сталин баллотируется только в одном округе, но граждане Советской страны, голосуя за лучших людей — кандидатов в Верховный Совет, голосуют за дело Сталина, за дело партии, за дело всего народа.

12 декабря — торжественный и праздничный день для Страны советов. В этот день весь мир видит единство нашего советского народа, весь мир видит, что силу такого единства не сломить никакому врагу.

Год прошел с тех пор, как Чрезвычайный VIII с'езд советов принял Сталинскую Конституцию — наш Основной Закон, выше и справедливей которого не было на земле.

Иные буржуазные конституции изложены очень пышными и красивыми фразами.

Так например в американской декларации независимости, которая является вступлением к конституции Соединенных штатов Америки, написано, что все люди сотворены равными и наделены неот'емлемыми правами, в числе которых — жизнь, свобода и стремление к счастью.

Но что толку в этих красивых словах, если все статьи этой конституции одна за другой делают свободных и равных людей рабами капитализма?

Буржуазные законы, буржуазные конституции созданы для того, чтобы охранять права капиталистов.

Наша Конституция, написанная ясными и простыми сталинскими словами, создана для того, чтобы охранять великие права трудового народа, завоеванные им в жестокой борьбе со своими врагами.

Одно из великих прав, завоеванных нами и записанных в Конституции, — право выбирать все органы власти и высший орган — Верховный Совет СССР — на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании всем гражданам, достигшим 18 лет, независимо от того, какой они национальности, женщинам наравне с мужчинами, красноармейцам наравне со всеми другими гражданами.

Ни одного из этих прав не имели подданные бывшей Российской империи. Даже при выборах в Государственную думу — не имевшее никакой власти совещательное учреждение при царском правительстве — один помещик имел столько же голосов, сколько 260 крестьян и 540 рабочих.

Во Франции — гораздо более свободной стране чем царская Россия — женщины, солдаты, молодежь до 25 лет и население колоний не имеют права ни выбирать, ни быть избранными в парламент.

О фашистской Германии и говорить нечего: там назначенный лично Гитлером рейхстаг (нечто вроде парламента, только уж совсем без всяких прав) собирается только для того, чтобы выслушать речь фашистского «фюрера» и промаршировать после этого перед ним военным маршем.

Теперь весь мир — трудящиеся с любовью и сочувствием, капиталисты с ненавистью и злобой — следили за тем, как идет избирательная кампания в Советском союзе, как трудящиеся готовились к выборам в Верховный Совет своей страны.

Вам, нашим читателям, в нынешний состав Верховного Совета выбирать еще не приходится, но в следующие выборы для многих из вас придет время выполнить священный долг советского гражданина.

Все мы уверены, что к этому времени вы сознательно и с честью примете на себя звание граждан Советской страны, высокое звание граждан нового мира.

Впереди у вас еще четыре года. Нужно использовать это время, чтобы научиться быть полезным нашей родине; овладеть знаниями, развивать свой ум и тело, чтобы хорошо служить своей стране. Нам нужны люди смелые, преданные сталинскому делу.

Вы изучаете Сталинскую Конституцию в школе. Это очень хорошо. Но кроме этого выборы в советы трудящихся — для вас прекрасная жизненная школа, где вы на практике видите, как трудящиеся осуществляют свое право управлять государством.

Учитесь, наблюдая, как идут избирательная кампания и выборы, учитесь, помогая избирательным комиссиям. Помните, что самое маленькое поручение по выборам — большая честь для каждого школьника и пионера.

Вы молодая поросль великого многомиллионного советского народа. Готорьтесь с детства стать полезными и преданными гражданами своей родной страны.

Петр Сажин

Рассказ доктора Пулькина

Рис. В. Цельмера

Я, как это вам должно быть известно, врач. Поэтому не ждите от моего рассказа ничего сантиментального. Профессия врача суровая. Она приучает к хладнокровию.

Конечно, мы чувствуем все, что переживает больной. Но когда больной лежит на операционном столе, мы не вдаемся в анализ, больно ли будет ему, если надо ампутировать ногу или руку.

Перед нами стоят два вопроса: целесообразно ли делать ту или иную операцию, и как ее сделать, чтобы больной меньше страдал?

Случай же, о котором я хочу вам рассказать, был из ряда вон выходящий.

Ко мне привезли человека, нет, скорее, его обезображенное тело, с низким дыханием и еле бьющимся сердцем. Я уже спал. Ко мне грубо постучали. Пока я одевался, за дверью слышен был лай собак. Очевидно, дул сильный ветер: лай слышался то тихий, то громкий. Как назло в темноте я долго не мог попасть в рукав куртки.

— Что вы там, померли? Откройте! — донеслось с улицы, когда я, наконец, поймал этот проклятый рукав.

— Сейчас! Не стучите так сильно! — прокричал я, пробираясь к выходу.

Когда я открыл дверь, то увидел на снегу людей и упряжку. Дул шквалистый ветер. Собаки взвизгивали... Да, я совсем забыл сказать вам, где это происходило.

Слышали ли вы что-нибудь о бухте святого Лаврентия? Нет?

Бухта Лаврентия находится на восточном побережье Чукотского полуострова, между мысом Чаплина и мысом Дежнева, в Беринговом море. Представляете себе, где это местечко? Это очень глубокая, защищенная с двух сторон высокими скалами бухта. В нее впадает маленькая речушка Мамка. От Лаврентия до крайней точки Чукотского полуострова—мыса Дежнева—один переход на собаках. Мыс Дежнева, как, должно быть, вам известно, является крайней точкой на северовостоке Советского союза. Дальше — вода и льды. Дальше начинаются владения Североамериканских соединенных штатов—Аляска.

Знаменитая, прославленная Аляска — золотая земля Северной Америки.

Вы, наверное, знаете, что Аляска лет семьдесят назад принадлежала России? Она называлась тогда Русской Америкой. Но царь Александр II, не видя выгоды в содержании этой далекой земли, продал ее Соединенным штатам Америки за какую-то смехотворную сумму. Я сейчас не помню точно, какая это была сумма, но, кажется, что-то вроде восьми миллионов долларов. Кажется, это был первый случай в истории продажи целой страны со всем населением. Царь не позаботился даже о людях, которые населяли Аляску. А там было много русских, потомки которых проживают там и по сие время. Что было дальше с Аляской, я рассказывать вам не буду.

Об Аляске хорошо написал Джек Лондон. Лучше него не расскажешь. Советую почитать, если не все еще из вас читали. Ну-с, вот в этом славном местечке, в бухте Лаврентия, я работал врачом. Больница в бухте Лаврентия по праву считается лучшей на Чукотке. У нас было неплохое оборудование: стерильные шкафы, полный набор замечательного хирургического инструмента, соллюксы, суховоздушные ванны Линдемана, прекрасные койки и так далее...

Да, открыл я дверь. Как я уже говорил, дул шквалистый ветер, и снег валил такой, словно его согнали сюда со всего света. Собаки лежали под ветром. Их засыпало снегом. Они скулили от усталости и голода. Из этого я понял, что они прошли путь по меньшей мере в сто километров. С упряжкой было двое людей. Один из них наклонился над нартами. Другой стоял передо мной. Он держал в руках винчестер. Его лица не было видно. Он весь был в снегу и, как видно, очень устал: его слегка пошатывало. Я невольно попятился назад: вид у него был очень непрезентабельный. Он прислонился к притолоке и спросил меня охрипшим голосом:

— Вы доктор?

— Я, — ответил я, дрожа всем телом от холода.

Вы доктор?

Он опустил винчестер к ногам. Провел свободной рукой по бороде, срывая сосульки, и быстро сказал:

— Живей зажигайте свет! Да наденьте халат и еще там что-нибудь из того, что вы носите в таких случаях.

Я повернулся, чтобы идти в комнату, вспоминая, куда я положил спички.

Он же повернулся к нартам, возле которых хлопотал каюр, и спросил его:

— Ну как, Кмо?

«Ага, — подумал я, — значит, они прибыли издалека: каюра зовут Кмо, а людей с этим именем можно встретить только в Наукане либо в Сешане; в селениях же, расположенных вокруг бухты Лаврентия: в Нуньямо, Яндагая, Поутэна,—таких имен я не встречал. Кмо — типично эскимосское имя.

— Ничего... Спит, — ответил каюр.

Он облегченно вздохнул, стряхнул с себя снег и сказал:

— Хорошо, хорошо.

В его голосе чувствовалось болезненное раздражение и усталость.

А у меня как назло со спичками повторилась та же история, что и с курткой. Я ощупывал каждый предмет на столе, но никак не мог найти их.

Приезжий заметно нервничал. Он переступал с ноги на ногу и шумно вздыхал. Наконец, он не выдержал и спросил сердито:

— Скоро ль вы там, доктор?

— Сейчас, — говорю, — спички куда-то исчезли. Я, кажется, положил их тут.

Говорю это, а сам руками шарю. Должен сказать вам, друзья мои: когда спешишь, всегда получается наоборот.

Он досадливо махнул рукой и попросил у эскимоса сумку.

Я тотчас же услышал щелканье замка сумки. Вслед за тем на меня упал луч света. Приезжий держал в руках длинный электрический фонарь. И тут я заметил, что эти несчастные спички лежали около моей руки. Стоило мне на полдюйма двинуть рукой в сторону — и я их непременно бы обнаружил.

Когда я зажег лампу, то дальше уже все пошло быстрее.

Убрав фонарь обратно в сумку и поставив винчестер в угол, он сказал:

— Разговаривать будем потом. Сейчас перенесем больного. Приготовьте место, а я пойду к нартам.

Я прошел в палату. К счастью, она была пуста. Последний больной выписался дня два назад. Койки были чисты. Я открыл одну из них. Из палаты я прошел в другой конец больницы, где жили сестра милосердия и няня. Разбудил их. Когда я вернулся,

приезжий нетерпеливо расхаживал по комнате, слегка прихрамывая.

— Ну, готово? — спросил он.

Я ответил:

— Готово.

Мы осторожно подняли больного. Он слабо застонал. Мы положили его на носилки. Я взялся за один конец, тот — за другой. Кмо остался около упряжки...

Извините меня, я только закурю свою трубочку, а потом буду продолжать. Но куда девались спички? Спасибо, я уже нашел свои.

Ну-с, внесли мы его в кабинет. Я стал осторожно разворачивать меховое одеяло. Он застонал. Приезжий отвернулся и вышел в мою комнату, сильно припадая на левую ногу. Всматриваясь в лицо больного, я подумал, что, очевидно, придется лишь облегчить ему последние минуты на этом свете.

На его лице уже плотно лежала «маска Гиппократа». Я сейчас об'ясню вам, что такое «маска Гиппократа». Гиппократ, сын Гераклита, уроженец острова Кос, — знаменитый врач древней Греции. В своих трудах он первый дал классическое описание человеческого лица в предсмертный период. Черты «гиппократова лица» характерно обостряются: складки рта становятся резче; нос заостряется; глаза уходят глубже в орбиты; лицо бледное; синюха носа, губ и ушей; кожа холодная и потная. Все это об'ясняется резким уменьшением упругости кожи в связи с угнетением вегетативной нервной системы и расстройством кровообращения. Вот что такое «маска Гиппократа».

Но, осмотрев его получше, я не нашел никаких оснований опасаться за его жизнь. То, что, я принял за признаки «маски Гиппократа», была просто бледность, вызванная испугом: он, очевидно, боялся, что я буду резать, пилить, сверлить его тело.

Я провозился с ним до рассвета. Мне удалось, орудуя ножницами, довольно быстро разрезать на нем белье. Но когда я стал отдирать то, что прилипло к ранам, он громко стонал и мешал мне работать. Дело, которое я делал, было довольно трудное: его раны гноились. Я возился вокруг него несколько часов. Я уже говорил вам, что мы, врачи, в силу суровой своей профессии чужды страха и брезгливости при виде крови или зияющей раны. К утру он был забинтован и уложен в кровать.

В палате при нем осталась сестра. Няньку я отослал спать. А сам, вымыв руки и сняв халат, прошел к себе в комнату, где, приткнувшись на диване, спал приезжий. Я не стал его беспокоить и решил пойти в сени посмотреть, что делает эскимос. Занявшись больным, мы все о нем забыли. На улице было тихо. Пурга улеглась. Эскимос, оказывается, преспокойно спал под нартами, наполовину засыпанный снегом. Около него возвышалось десять снежных сугробиков с дырками. Это были собаки, так же преспокойно спавшие под снегом. Дырочки они продули своим дыханием. Мне страшно захотелось курить. Я вернулся в комнату, ступая на цыпочках, чтобы не разбудить приезжего. Но как назло опять исчезли спички. Я искал их на столе, стульях — нет! Ведь, кажется, после того как я зажег лампу, они были на столе. Наверное, приезжий взял их. Хорошо, что у меня был большой запас на полке. Я встал на стул и взял пачку, лежавшую поверх книг. Закурил. Когда же стал класть обратно, задел рукавом за книги, и они с грохотом посыпались на пол. Он вскочил с дивана и быстро спросонья спросил:

— Что? Что такое?..

Мне стало неловко от того, что я разбудил его. Я смутился и сказал:

— Спички, те самые спички... Вы не брали их? Я адски хочу курить...

Он протянул мне коробку. Но тут же я вспомнил, что уже закурил.

Возвращая ему спички, я растерянно пробормотал:

— Спасибо. Я уже...

Он пожал плечами. Уложив спички обратно в карман, он спросил, кивая головой на палату:

— Благополучно?

Я сказал:

— Кажется, да.

С его лица мгновенно слетело то приятное выражение, которое обычно накладывает сон. Он сурово спросил:

— Что значит «кажется»? Этот человек должен жить. Понимаете?

— Понимаю, — говорю, — а позвольте вас спросить: кто мой больной?

Он обмяк немного и говорит:

— Дорогой доктор, хорошо бы сейчас чайку попить. Устали мы с дороги. А насчет больного вы не беспокойтесь. Это... наш науканский эскимос. Занятный малый.

— Чайку, — говорю, — это можно.

Чай, знаете ли, на Севере что трубка: без него — ни шагу.

Я ушел в кухню. По пути я зашел в палату посмотреть на больного. Он спал крепким сном. Это был хороший симптом.

Ну-с, когда я вернулся в комнату, приезжий сидел за столом. Он ловко охотничьим ножом вскрывал консервные банки. Тут же был и Кмо. Приезжий был без малицы, она лежала в углу. На нем была гимнастерка пограничника. Через плечо был перекинут ремень, на котором болтался маузер.

Он встал из-за стола, протянул мне руку и говорит:

— Познакомимся, доктор: начальник погранпункта мыса Дежнева Степняк. А это,— показывает он на эскимоса, — известный на Чукотке каюр Кмо.

Я пожал ему руку.

— Очень приятно, — говорю. — Доктор Пулькин.

За чаем мы болтали о всякой всячине.

Потом закурили трубки. Кмо после чая тотчас же вышел готовить упряжку. Со двора доносился визг собак: Кмо кормил их юколой. Это сушеная рыба. Да, обыкновенная сушеная рыба. Ею кормят собак на всем побережье от Охотского моря до Медвежьих островов. Юкола—это овес севера, если собак можно условно принять за лошадей. А морж—это свинина Чукотского полуострова. Морж для береговых чукчей и эскимосов — все. Из кожи моржа делаются ремни для собачьих упряжек, лодки и сапоги. Из бивней их чукчи вырезают изумительные вещи: шахматы, фигурки зверей и т. д. Это очень тонкие работы. Даже кружевница не сделает того из ниток, что делают чукчи из кости. Вам не удавалось видеть в Москве, в Музее народов СССР, оленьи и собачьи упряжки, выточенные из моржового бивня? Прелестная работа! Вот посмотрите на мою трубку. Видите здесь что-нибудь? Нравится? Я так и знал. Обратите внимание: прямо ювелирная работа. Эту трубку подарил мне Степняк...

Я немного отвлекся в сторону... Что? Интересно? Да, это верно. Когда начнешь рассказывать что-нибудь из жизни на Чукотке, невольно сбиваешься. Обо всем хочется рассказать. Славное место! Вот отдохну здесь, в Сочи, и опять туда поеду. Только на этот раз на Северный берег.

Позвольте мою трубку. Сейчас мы ее набьем и пойдем дальше.

На чем я остановился? Да, да, спасибо! Вспомнил...

Выкурили мы по трубке. Степняк встал из-за стола, пожелал посмотреть больного. Тихо, стараясь не стучать, мы прошли в палату. Больной находился в забытьи. Его организм, повидимому, совершал тяжелую работу. Грудь у него вздымалась высоко, но при этом дыхание было замедленное. На смуглых щеках пылал жар. Я от удовольствия потер руки. Но сделал это так энергично, что выронил из кармана трубку. Больной проснулся, открыл глаза. И так зло посмотрел на нас, что я готов был раздавить эту проклятую трубку. Желая как-нибудь исправить это, я спросил его:

— Ну, как вас зовут?

Он молча отвернулся к стене.

Степняк поднял трубку, взял меня за руку и сказал:

— Идемте отсюда.

Мы вышли в мою комнату. Эскимос сидел на полу, чинил шлейку вожака. Игла с ниткой из моржовой жилы ловко скользила у него между пальцев.

Закончив починку, он подошел к Степняку и сказал:

— Умилек, собаки готовы.

Умилек — это начальник по-эскимосски.

Степняк похлопал его по плечу:

— Хорошо, иди. Я сейчас.

Эскимос вышел.

Степняк неспеша надел малицу. Потом взял винчестер, подошел ко мне и говорит:

— Вот что, доктор: этот человек должен жить. Делайте, что хотите, но, повторяю, он должен жить. Это интересный человек. Когда-нибудь я вам расскажу о нем. А сейчас, извините, мне нужно спешить. Я здесь буду через несколько дней. Недели через три — четыре больной должен быть готов к путешествию на материк. На севере, во льдах, зимует пароход «Гиляк». Я полагаю, через три — четыре недели он будет здесь. Берингов пролив чист. Около острова Врангеля появились уже разводья. Итак, доктор, я надеюсь на вас и ваши знания. До свиданья.

Он протянул мне руку. Я пожал ее и хотел уже сказать «счастливо», но вовремя вспомнил.

— Постойте! — крикнул я. — А как же имя больного? Я должен заполнить историю болезни.

Он улыбнулся.

— Ах, да, — говорит, — а я и забыл. Дайте сюда бланк, я напишу.

Я подал все, что требовалось. Он написал: «Имя — Иерок, лет — 28, национальность—эскимос с острова Большой Диомид». Он еще раз пожал мне руку и, прихватив винчестер, вышел.

— Поть, поть! — закричал Кмо на собак, орудуя шестом.

Вскоре они скрылись.

Мне досмерти захотелось спать. Я прилег на диван и уснул как убитый. Разбудила меня сестра. Она спросила, что делать с больным. Я прошел в палату. Больной был в забытьи. Я отослал сестру и взял за руку больного, чтобы прощупать пульс. Он открыл глаза. Я спросил его:

— Как вы себя чувствуете?

Он, как и в тот раз, не ответил, презрительно сжав губы. Я не придал этому никакого значения. Желая проверить, в сознании ли он, я спросил:

— Как вас зовут?

Глаза его сразу же сузились, и он посмотрел на меня как на злейшего врага своего. Он был в полном сознании.

Так, друзья мои, продолжалось около двух недель: он не хотел отвечать на мои вопросы, я не хотел прекращать их.

Должен вам сказать, друзья мои, с каждым днем у меня росло чувство неприязни к нему. Не могу об'яснить, почему это, но не нравился он мне. Даже самому неприятно было от этого. Но, помня строгий наказ Степняка, я все же тщательно ухаживал за ним.

Через три недели приехал Степняк. Он рассказал, что «Гиляк» уже поднял пары в котлах и ждет первой хорошей подвижки льдов. Через неделю он будет здесь. Степняк остался доволен видом больного и уехал, пообещав приехать к приходу «Гиляка», крепко наказав мне следить за больным. Вас интересует, чем он был болен? Неужели я вам не сказал? Обычная вещь на севере: он был сильно обморожен. Да! Только и всего.

Так, но что же было дальше? Дальше была какая-то фантасмагория. Дней десять приблизительно дул чудовищный ветер с севера. Он все рвал и метал на своем пути—в поселке несколько домов осталось без крыш. Друзья мои, хорошо сейчас под этим солнцем рассказывать обо всем этом, но тогда было так жутко, что порой казалось, наш дом взлетит на воздух. Такие ветры бывают только на Чукотке. Я думаю, что современем там будут строить дома обтекаемой формы. Это вполне возможно...

Но нашего больного этот ветер не смущал. Он повеселел и настолько поправился, что даже изредка присаживался, прислонившись к подушкам.

Когда ветер стих, в бухту вошел «Гиляк», и почти в то же время приехали Степняк и Кмо. Очевидно, этот вихрь сломал льды вокруг «Гиляка». Но что за отличная упряжка у этого эскимоса! Его собаки пробежали восемьдесят километров и были свежи, точно только что готовились в путь. Особенно был хорош большой лохматый вожак. Когда я вышел встретить их, он лежал впереди упряжки, высунув длинный красный язык. Он часто дышал и внимательно смотрел на каюра, готовый по первому приказанию встать на ноги. Красавец пес: черный, с белой манишкой на груди, остромордый, с веселыми ушами,— картина!

Вошли мы в комнату. Степняк откинул капюшон малицы и говорит:

— Ну, доктор Пулькин, как дела?

Я ответил, что дела в наилучшем положении.

Он начал расспрашивать меня про больного.

Я сказал, что состояние больного улучшается с каждым днем, но меня удивляет его поведение: на мои вопросы он не отвечает, при приближении к нему отворачивается к стене. Степняк сказал, что все это пустяки, хорошо, что он поправляется. Он поблагодарил меня и говорит:

— А теперь, доктор, я пройду в палату и прошу вас не входить до тех пор, пока не скажу вам...

Он вышел оттуда через час очень возбужденный и говорит:

— Доктор Пулькин, приготовьте больного. Я скоро вернусь.

И ушел к пароходу.

Приготовление больного у меня заняло очень мало времени. Оставив его с сестрой, я вышел на улицу.

Около входа в больницу лежали собаки Кмо. Он сам возился у нарт, прикручивая мешок с юколой. Я крикнул ему:

— Как дела, Кмо?

— Ничего,— отвечает он ломаным русским языком, на котором говорят все умеющие говорить по-русски эскимосы и чукчи.

— Какие новости?

— О! Много,— говорит он, не вынимая трубки изо рту.

— Да!— говорю.— Какие же?

— Один иннынека убили,— отвечает он.

Эскимосы называют себя «иннынек», что значит человек.

Я говорю:

— Где?

Он отвечает:

— В Наукана.

— Давно?— спрашиваю.

— С месяц, — говорит, — будет.

— Кто, — спрашиваю, — убил?

— Злой человек.

— Поймали, — говорю, — его?

— Нет, убег.

Я удивился, зная, что человеку на Чукотке, когда нет пароходов, некуда бежать.

— Куда же, — говорю, — он мог убежать?

Он отвечает:

— Не знаю.

— А кто он?

Посасывая свою маленькую трубочку и безмятежно поглядывая прищуренными глазами на собак, он отвечает:

— Никто не знает.

Я спрашиваю:

— И Степняк не знает?

— Наверно, — говорит, — не знает, а то бы поймал. Умилек может самого чорта поймать, когда захочет.

Ничего не добившись больше от каюра, я вернулся в дом, раздумывая над тем, что услышал от эскимоса. За все время моего пребывания на Чукотке это было первое убийство, оно произвело на меня большое впечатление. И то, что убийца убежал, говорило о том, что это пришлый человек, но хорошо знавший всю обстановку здесь. А обстановка на Чукотке любопытная. Как я уже говорил вам, оконечностью Чукотского полуострова является мыс Дежнева. Это крайняя точка советской земли. Дальше—вода Берингова пролива, а за ней — владения США — Аляска. Примерно по середине Берингова пролива проходит наша граница с Соединенными штатами Америки. В этом месте стоят два острова: Большой и Малый Диомид. Они разделены проливом в три километра шириной. Большой Диомид принадлежит СССР, Малый — США. Ширина всего Берингова пролива равна девяноста шести километрам. В ясную погоду плоский берег Аляски хорошо виден с мыса Дежнева невооруженным глазом. А в морской бинокль совсем отлично виден мыс Сьюард, на котором около небольшого заливчика Нортон расположен один из крупнейших городов Аляски — Ном,— с полуторатысячным населением. А эскимосы из селения Наукан, что расположено недалеко от мыса Дежнева, на восточном берегу Чукотки, отлично и без бинокля видят американские шхуны, идущие из Ситки в Ном. На хорошем вельботе из Наукана до Нома можно в ясную погоду дойти за восемь часов.

До 1925 года здесь хозяйничали предприимчивые американцы Стифансон и Свенсон. Это были крупные скупщики мехов. Трюмы их шхун были набиты табаком, чаем, галетами, дешовым мылом, жевательной резиной и еще чорт знает чем.

Что? Почему американцы? Видите ли, как вам известно, интервенция на Дальнем Востоке затянулась. В то время не до Чукотки было. Только в 1924 году прошел первый советский пароход на север. После интервенции граница была закрыта. Во всех пунктах Чукотки была выставлена погранохрана.

Но известно ли вам, друзья мои, что-нибудь о взаимоотношениях советских и американских эскимосов? Нет? Почти все береговые эскимосы Аляски и Чукотки находятся в родстве. Да, в настоящем родстве через побратимство. Что такое побратимство? Это очень сложный вопрос, и я о нем расскажу как-нибудь в другой раз. А сейчас позвольте продолжить дальше. Только я попрошу кого-нибудь из вас набить мне трубочку, если это нетрудно.

Ну-с, до сих пор сохранился обычай — езда в гости друг к другу. Аляскинские эскимосы ездят к нам; наши—туда. Поездки эти приурочиваются к праздникам. На этих праздниках танцуют танцы «Обработка моржовой шкуры», «Танец ворона» и др. и об'едаются «копальхеном» или вареной печенью моржа. Что такое «копальхен»? Вы ели когда-нибудь прокисшее вяленое мясо? Нет? Так это и есть «копальхен». Чему вы удивляетесь? А сыр со слезой вы кушаете? И ничего? Словом, это на любителя.

Очевидно, всю обстановку на Чукотке хорошо изучил убийца, и поэтому ему так легко удалось удрать. Но кто он? Этот вопрос занимал меня до прихода Степняка. Степняк подтвердил все, что сказал мне Кмо, но подробности обещал сообщить потом. Но, по правде говоря, когда Степняк вернулся, я больше думал о своем больном, чем о той истории, которую рассказал каюр.

Степняк вернулся не один: с ним был врач с «Гиляка». Старый полярный волк. Он ознакомился с историей болезни и сказал, что больной вполне может добраться до Владивостока, ничуть не ухудшая своего состояния.

Больного завернули в меховое одеяло, осторожно уложили на нарты и увезли к пароходу.

Я остался.

Да, друзья мои, остался я в положении писателя, у которого украли конец рассказа — самую развязку... Вы спрашиваете: что же было дальше? Извольте, расскажу. Только дайте мне отдохнуть немного, а кстати, и набить трубочку. Что вы сказали? Ах, спички! Нет, они у меня в руках.

Ну-с, продолжаю. С того момента, как увезли от меня больного, прошло недели три. Наступило северное лето. Над бухтой заиграли чистики, люрики и чайки. Какая-то смутная зелень пробивалась на мшистых скалах. С утра до поздней ночи над бухтой тянулись утки. Я не охотник, но, должен сказать, с волнением следил за их перелетом. Я в то время читал охотничьи рассказы Мамина-Сибиряка, и очень меня поражали всякие охотничьи штучки. Знаете, в этом много романтики. Однажды я даже весь вечерок просидел, наблюдая за перелетом уток. Хорошо, что няня вовремя меня утащила, а то бы я выпросил у кого-нибудь ружье и, чего доброго, отправился бы на охоту. Нянька пришла в тот момент, когда я как раз раздумывал, у кого бы это взять ружье. Она сказала, что меня кто-то спрашивает.

Это был Степняк со своим неразлучным спутником Кмо.

Увидев меня, он еще издали закричал:

— А-а! Доктор, здравствуйте. А я вам приятную весть привез: ваш больной благополучно прибыл во Владивосток.

— Спасибо, — отвечаю, — за добрые вести.

— Ну-с, доктор, весна?—говорит он.

— Весна, — говорю.

— Скоро домой?

— Да, — говорю, — скоро домой.

У меня, знаете ли, кончался двухлетний срок зимовки в бухте Лаврентия.

— Что же,— говорит,— вы повезете с собой на память о Чукотке?

Я говорю:

— Главным образом хорошее настроение и приятное воспоминание.

А сам думаю: «К чему все это он клонит?»

— Вы, — говорит,— извините меня, доктор,— и подает мне сверток,— вот вам подарок от пограничников за ту заботу и внимание, которые вы оказали больному, спасая его от смерти.

Я взял сверток. Развернул. Там лежала вот эта самая трубочка моржовой кости. Преотличная вещь, как вы видите. И две коробки капитанского табаку. Кстати, вы заметили надпись на трубочке? Как превосходно она исполнена!

Ну-с. Потом подвигает к себе большой фанерный ящик, который они привезли, открывает крышку и говорит:

— А вот вам спички...

Что? Шутник? Да-а, большой шутник, но подождите: еще не все. Я поблагодарил и за этот «подарок». Ну-с, с часок мы еще сидели, болтали о том, о сем. Я наслаждался новой трубочкой и прекрасным табачком. Кмо сидел на полу и мурлыкал какую-то песенку себе под нос. Степняк шутил, смеялся. Потом я попросил его рассказать мне подробности убийства эскимоса в Наукане и о бегстве убийцы в Америку.

— Хорошо, — говорит, — только сначала дайте мне историю болезни того больного, если она сохранилась у вас. Мне нужно сделать там кое-какие исправления.

Я принес историю болезни Иерока. Степняк зачеркнул все старое и написал что-то новое.

— Вот,— говорит,— так будет правильнее.

Я взял историю болезни. Прочитал и ужаснулся.

— Как так?—говорю.—Не может быть! Так вы издевались надо мной? А?

Он посмотрел на меня спокойно и отвечает:

— Не волнуйтесь, доктор, иначе нельзя было.

Вы спрашиваете, что там было написано? Извольте: «Имя — Окита, возраст — 32 года, национальность — японец (из Иокагамы), место работы — третий отдел японского генерального штаба».

Друзья мои, я был в таком состоянии, точно меня избили мокрым полотенцем. Еще и сейчас при одном воспоминании об этом у меня начинает плавать лед вокруг сердца.

Что? Зачем туда попал шпион? Вы плохо знаете японцев, друзья мои. Я в то время был так же наивен, как и вы. Теперь я знаю, что нет такого уголка на земле, куда бы не стремился японский шпион. Он может быть кем хотите: эскимосом, индейцем, негром, женщиной, туристом, охотником на морских зверей, парикмахером,— словом, всем, кем хотите, вплоть до полярного исследователя, хотя японцы скверно переносят холод.

Ну-с, я, конечно, немедленно возвратил подарки Степняку. Он долго меня уговаривал, и, как видите, ему это удалось. Мы просидели с ним всю ночь.

...Этот Окита был очень опытный шпион. Несмотря на свои тридцать два года он уже был в чине полковника. Он выдвинул идею «Северного фронта», т. е. производства шпионских и диверсионных актов против Советского союза с севера.

Что может интересовать японского шпиона на Чукотке? Вы плохо знаете Чукотский полуостров. А золото? А графит? А пушнина? Это что же, по-вашему, чепуха? Наконец, мимо Чукотки проходит недавно вступившая в действие одна из мощнейших водных магистралей союзных республик — Северный морской путь!

Ну-с, с вашего позволения, продолжаю дальше. В Советский союз он прибыл из Америки. Там Окита прожил год среди аляскинских эскимосов; он изучал их язык, повадки, движения, — словом, все для того, чтобы стать в любое время эскимосом.

Пробравшись с Аляски на Чукотку с американскими эскимосами, приезжавшими в гости, он сразу же подался в глубь полуострова. Он побывал в бухте Провидения. Интересовался графитовыми месторождениями около залива Лаврентия. Побывал у оленных чукчей. И, наконец, после путешествия по полуострову вернулся в Наукан как раз к осеннему празднику. Там в это время гостили американские эскимосы.

Он сразу же примкнул к ним. Угощал их спиртом и вообще был очень любезен с ними. А вожаку даже подарил нож. Все это показалось подозрительным советским эскимосам с острова Большой Диомид. Среди советских эскимосов был и председатель Большедиомидского островного сельсовета Ага. Это толковый человек. Он учился в Ленинграде, в Институте народов севера, и понимал многие вещи лучше чем его собратья. Он поручил одному эскимосу следить за японцем, а сам отправился в погранпункт.

Гости гуляли долго. Пьяные валялись всюду.

Окита великолепно разыгрывал из себя пьяного, чутко прислушиваясь ко всему. И, очевидно, он заметил, что за ним следят. Особенно ему подозрительным показался эскимос с острова Большой Диомид, по имени Иерок, который почти не отходил от него. Он решил разделаться с ним. Вечером, подпоив Иерока, он увел его к берегу и ударом ножа свалил с ног. Переоделся в его одежду, а тело выбросил в море.

В ту же ночь он был взят пограничниками. А на следующий день его доставили в Уэллен.

При нем были найдены чертежи, рисунки и удостоверения, отпечатанные на шелку, нож, карманный маузер, флакончик с ядом.

Ну-с, вот и вся история, которую мне рассказал Степняк в ту ночь. Что? Как он обморозился? Да, простите, я совсем забыл об этом рассказать.

Когда шпиона доставили в Уэллен, Степняка на фактории не было. Он был в тундре у оленных чукчей по какому-то делу.

Японца поселили в одной из яранг.

Вскоре изменилась погода, подул «савук»—морской холодный ветер,—и в воздухе закружились снежинки — надвигалась зима, холодная, снежная.

В проливе вздулись волны. Чукчи и эскимосы не вылезали из своих яранг, греясь вокруг очагов. И вот в один из таких дней японец во время обеда убил Вуквола — хозяина яранги, который протянул ему нож для того, чтобы ему удобней было есть мороженое мясо.

Как только чукча затих, японец схватил со стены винчестер и мешочек из моржового пузыря, в котором Вуквол хранил деньги и документы, и, чтобы замести следы, поджег ярангу. Когда огонь разгорелся, он вышел из яранги и, вскочив на упряжку, приготовленную Вукволом, собиравшимся ехать на факторию в Дежнев, бежал. К счастью, в этот же день в Уэллен вернулся Степняк.

Не раздеваясь, он выслушал все, затем сел на упряжку и бросился в погоню.

Степняк настиг его примерно в шестидесяти километрах от Уэллена. Шпион шел на юг. А упряжка Вуквола возвращалась на север. Очевидно, собаки не слушались его, хотя управлять он умел. Он учился этому у аляскинских эскимосов. Но, в общем, это не столь важно: факт тот, что, когда его нагнал Степняк, он уже был без собак. Завидев Степняка, он вскинул винчестер и начал стрелять. Степняк приказал каюру спрятать упряжку в распадке, а сам лег за большой камень и дал несколько выстрелов под ноги японцу. Пули его ложились веером вокруг японца. Степняк — прекрасный стрелок, но он не хотел ни убивать, ни ранить японца. Японец на что-то рассчитывал и продолжал стрелять. Степняк считал. Пять выстрелов он уже сделал. Нужно было узнать, есть ли у него запасная обойма, так как винчестер его был пя-

— Вперед! — говорил Степняк. — Вперед, самурай!

тизарядный. Степняк снял капюшон с малицы, нагнул голову на грудь, а капюшон поддел винчестером и высунул чуть-чуть из-за камня. Если японец выстрелит, значит у него есть запасная обойма. Японец молчал, хотя Степняк чуть не замерз, ожидая выстрела. Степняк надел капюшон снова на голову и посмотрел на японца. Тот лежал на снегу, целясь в Степняка. Что тут было делать? Степняк выстрелил еще. Пуля легла в нескольких сантиметрах от японца, подняв снежный фонтанчик. Японец не ответил. Тогда Степняк встал из-за прикрытия и крикнул:

— Эй, господин полковник, бросьте дурака валять. Все равно вам не уйти.

Японец встал и, прислонив к плечу винчестер, долго целился в Степняка. Но Степняк не растерялся, он кинулся вперед, зная, что японец хочет сделать «психологический выстрел». Ведь пуль-то у него не было. Японец с досады швырнул винчестер в снег и стал быстро раздеваться, держа в руке охотничий нож.

— Эй, господин полковник, — крикнул Степняк, — бросьте нож! Я верю в вашу храбрость. Зачем вспарывать себе живот? Это же дико.

И вслед за этим Степняк подскочил к нему, выбил из рук его нож и заставил одеться. Подобрав винчестер и нож и обыскав его, Степняк приказал ему идти вперед, к распадку, где ожидала их упряжка. Японец шел тяжело, то и дело присаживаясь на снег. Степняк подымал его и толкал вперед. Упряжки в распадке не было. Очевидно, испугавшись выстрелов, каюр от'ехал далеко. Они вышли на холм. Но кругом ничего не было видно. Пошел снег. Степняк повел японца по своим следам на север. Вскоре начала мести поземка и все кругом закрылось снегом. Японец все чаще и чаще присаживался. Они шли словно в молоке.

— Вперед! — говорил Степняк. — Вперед, самурай!

Японец двигался молча. Потом, зацепившись за камень, он упал и не встал. Степняк поднял его, он снова упал. Он снова его поднял. Японец снова упал. Тогда Степняк поднял его и взвалил на спину. Как только он это сделал, японец вмиг ожи-

вился, схватил Степняка за горло и начал душить. Степняк тряхнул его. Но он вцепился как кошка. Тогда Степняк опрокинулся навзничь и стал давить его своим весом. Японец разжал руки.

Степняк дал ему хорошего тумака, и они пошли дальше. Шли они долго. Пурга не переставала бушевать. Скоро и Степняк начал уставать. Снег был глубокий — ноги проваливались. Вдруг ему послышался лай собак. Он подтолкнул японца в ту сторону, откуда доносился лай собак. Но тот не захотел идти: лег на снег и не встает. Степняк начал кричать. Лай собак пропал. Он стал прислушиваться, нюхать воздух. Но ничего утешительного не было. Идти дальше было бессмысленно.

— Ройте себе берлогу, господин полковник, — сказал он японцу.

Тот не ответил и яму рыть не стал. Тогда Степняк вырыл ему в снегу яму, посадил туда его, засыпал, чтобы он не замерз. А сам стал ходить вокруг, так как его клонило ко сну. В это время он боялся сна больше чем пурги. Во сне он мог замерзнуть. Наконец, его мог убить его же оружием японец. Это адская штука, друзья мои, — бодрствовать на морозе, когда вы устали и хотите спать. Это страшная пытка. Степняк ходил шесть часов вокруг берлоги, в которой лежал японец. Степняк не давал и ему спать. Он заставлял его шевелиться.

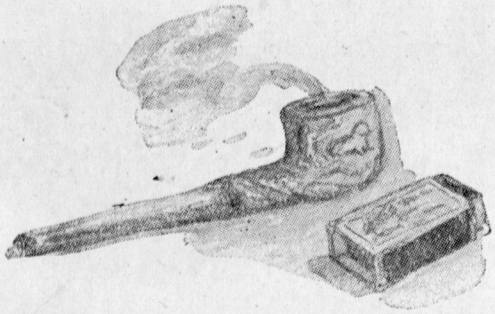
Но, знаете ли, когда человек хочет спать, шевели его как угодно, он все равно будет спать. Конечно, сон этот будет относительный. Вы слышали о том, как солдаты в строю, в марше, спят? А про кавалеристов, спящих в походе, тоже нет? Так вот, японец спал. Когда Степняк будил его, он открывал глаза. Но стоило ему отойти, он засыпал. Когда стихла пурга, Степняк с трудом вытащил его из берлоги: он обморозился. Степняк же потерял два пальца на левой ноге. Но он нашел в себе силы, поднял японца на плечи и нес его несколько километров, пока не упал. Он мгновенно заснул. Хорошо, быстро подоспела упряжка, а то бы и он обморозился. Иногда подумаешь: какая все-таки у него чудовищная сила воли, у Степняка! Так держаться, как он держался, может только сильный человек. Ведь сон на морозе, когда человек устал, сильнее смерти. Упряжка привезла их в Уэллен. Врача там в то время не было: его вызвали в Ванкарем, к больному зимовщику. Сестра кое-как сделала перевязку... Ну, а дальше вам все известно.

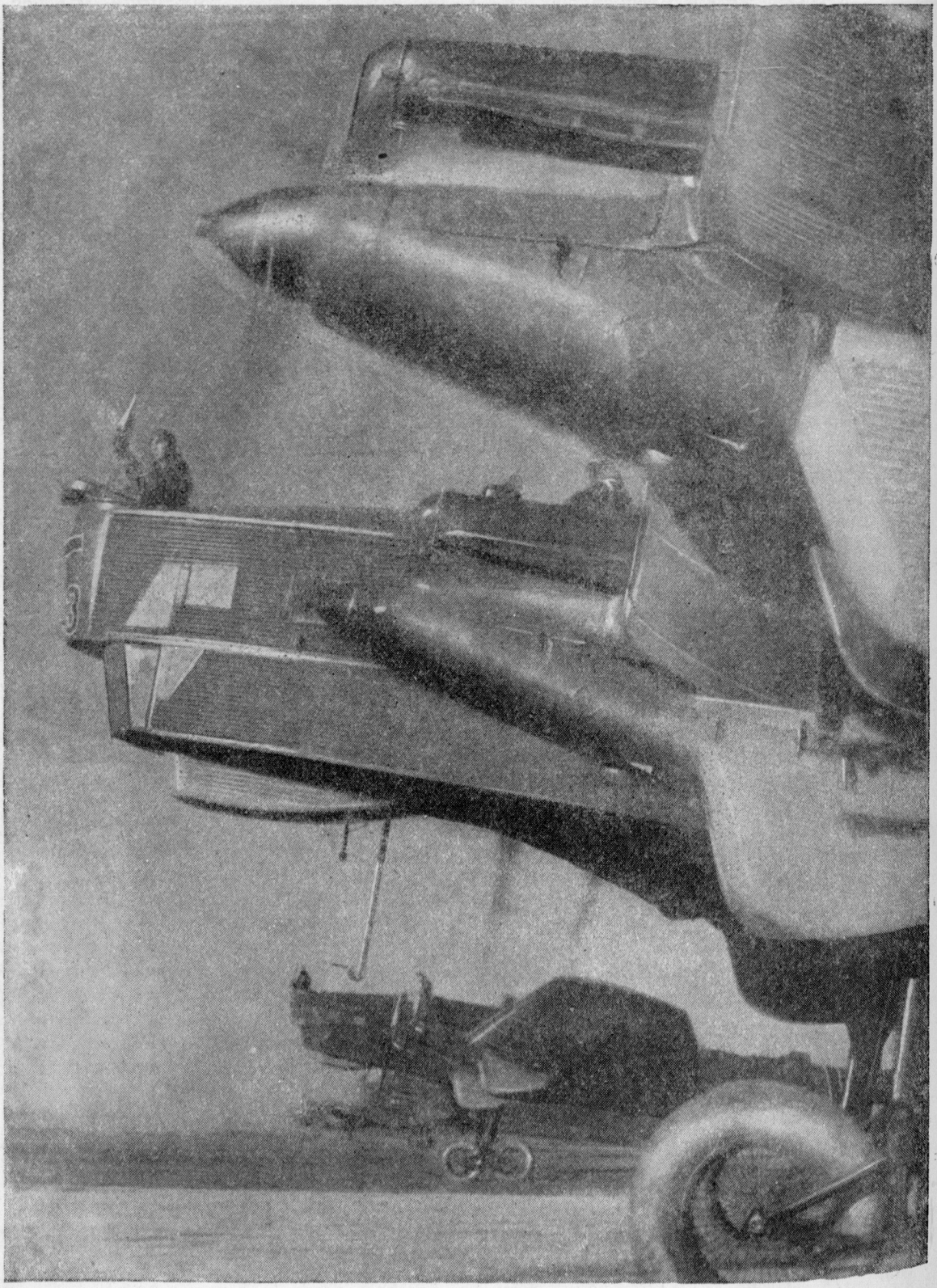
Что? Ах, да! Действительно, я об этом не говорил. Я сейчас вам отвечу. Я рад, что вы со вниманием слушали мой рассказ и не пропустили ни одной детали. Вас удивляет, как же это такой важный шпион был оставлен у меня в больнице без охраны?

Видите ли, во-первых, потому, что он был серьезно болен, а во-вторых, за ним было наблюдение, о котором, правда, я не знал. Ну-с, вот и весь мой рассказ. Ужин у нас в девять? А сейчас... Сейчас на моих часах ровно семь.

Пожалуй, неплохо будет искупаться в море. Надо спешить пользоваться. Кто знает, когда еще доктор Пулькин будет снова здесь, у берегов этого чудесного моря!

Позвольте, но куда делись мои спички? Они только что лежали здесь...





На одном из таких самолетов летает тов. Опадчий.

Как я летаю

Рассказ командира корабля старшего лейтенанта Опадчего

Главное — здоровье

— Самолет, на котором я летаю, — огромный, четырехмоторный воздушный корабль, сделанный целиком из металла.

Летаю я давно. Но до сих пор помню свой первый под'ем в воздух пассажиром-учеником и первый полет без учителя. Эти полеты остаются в памяти каждого летчика всю жизнь: такие замечательные испытываешь чувства.

Потом я был инструктором в школе, учил летать. Ученики, возвращаясь из первого полета, рассказывали мне о своем ощущении. Оно для разных людей разное: иным во время самого взлета, когда машина начинает бежать и отрываться от земли, кажется, что воздух сжался и им трудно дышать; другим, когда самолет идет на посадку, кажется, будто что-то сжалось у них в груди и дышать нечем. Эти ощущения происходят от того, что человеческий организм не привык к большим скоростям. Потом летчик привыкает, втягивается в скорости и летает так же свободно, как вы ходите по земле.

Правда, большая скорость (как например у французских самолетов Бреге и Блок — километров 450—500 в час) очень сказывается на организме человека, на кровеносных сосудах, на сердце. Резкий вывод из пикирования (падение самолета, когда скорость у таких скоростных самолетов достигает 500—600 километров в час) иногда создает такую перегрузку сосудов и сердца, что летчик может на несколько секунд потерять сознание. Но после тренировки организм человека без вреда может переносить такие скорости. Когда самолет идет вниз (пикирует), то скорость у него бывает и больше, потому что к мощности мотора прибавляется еще сила тяжести.

Летчики, которые летают на истребителях, т. е. на самолетах с большими скоростями, летают всего несколько часов, потому что сильно устают. Поэтому-то на истребителях летают самые крепкие, самые здоровые летчики.

Чем нормальнее образ жизни человека и чем лучше его физическое здоровье, тем легче он будет переносить полеты. Основа основ для летчика — здоровье. Если есть здоровье, — значит есть главное для того, чтобы научиться хорошо летать.

Летать может каждый здоровый человек, но летают все по-разному. Одни летают отлично, как Чкалов. Для этого надо иметь очень развитые способности, талант. Но летать, как говорят в школах, «посредственно» и «хорошо» может почти каждый из вас.

Большое значение для будущих летчиков имеет крепкая воля, желание научиться летать. Бывают люди, которые готовы на все для того, чтобы научиться летать. Они живут только полетами. Вот из таких-то и выходят хорошие летчики.

А есть такие люди, у которых нет решимости. Был такой, правду сказать, очень редкий случай, когда новичок испугался самолета. Учебный самолет — это, собственно говоря, тоненькие сосновые палочки, обтянутые полотном-перкалем. Приехал к нам новичок учиться летному делу, походил, походил вокруг самолета, посмотрел и говорит: «Делайте, что хотите, не полечу. Я ду-

мал, что он железный, а он из полотна». Его уговаривали, показывали ему, как безопасно летать на этом самолете, но он так и не полетел!

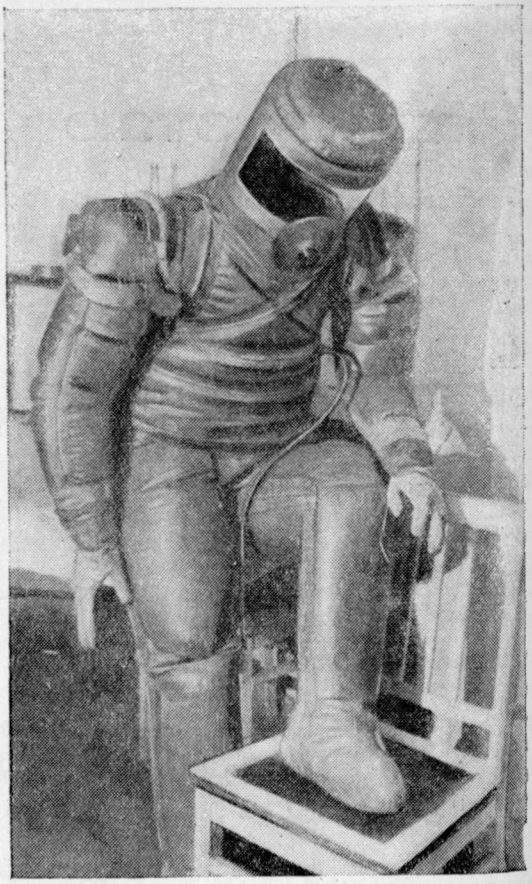
Где приятнее летать

Управлять самолетом очень просто. На самолете есть две педали для ног и одна ручка. Когда летчик берет ручку на себя,— самолет поднимается, от себя, — самолет снижается. Нажмет летчик ногой на правую педаль —самолет идет вправо, на левую педаль — влево. Это просто. Самое сложное — это координировать, согласовывать свои движения. Летчику надо сделать штопор: он должен нажать на одну педаль и одновременно взять ручку от себя. Тогда самолет начинает падать носом вниз и кружиться, штопорить. Штопор — неопасная и нетрудная фигура, и, чтобы выйти из нее, летчик должен только делать точные, координированные движения.

Самое трудное в обучении — это посадка, летать гораздо проще. Если человек усвоит посадку, то остальное он все оттренирует. Если посадочная скорость у самолета небольшая, то садиться еще легко. Но если вы летите на скоростных самолетах, то определить стандартную высоту над землей, на которой надо выравнять и плавно посадить самолет на три точки (колеса и костыль), дело очень трудное. Вспомните, с какой скоростью бежит все по сторонам, когда вы едете в поезде, а тут вы летите на самолете раза в три—четыре быстрее.

Обыкновенно, когда летчик во время отпуска приезжает к родным, ему говорят: «Высоко-то страшно летать, ты уж летай, пожалуйста, пониже». Родные знают, что если залезешь на крышу высокого дома, то страшно, а пониже — ничего. А у нас в воздухе наоборот: чем выше, тем безопаснее летать, чем ниже, тем опаснее. Если что-нибудь случится с машиной, когда она невысоко над землей, то положение выправить трудно, машина легко может врезаться в землю. А если высота большая, вы можете спланировать машину, как планер, а в крайнем случае выпрыгнуть. У летчика есть друг — парашют, с которым он не расстается в полете.

Приятнее всего летать примерно на высоте 1000 — 1500 метров. Нехорошо, когда летом на земле градусов 25—30 тепла, вспотеешь, а потом взлетишь очень высоко,



Советский скафандр для высотных полетов, скафандр такой плотный, что может даже стоять без человека.

а там 30° холода—замерзаешь. Зимой лучше, потому что и наверху и внизу холодно. Наверху максимально низкая температура— 56° холода, но она начинается примерно с 10 тысяч метров. Очень высоко летать безопасно, но трудно. На небольших высотах человек чувствует себя нормально, потому что тут достаточно кислорода для дыхания и нормальное давление. А вот поднимитесь повыше, там воздух разреженный и дышать трудно. Высотные полеты требуют добавочного кислорода для дыхания. Его надо брать с собой.

Каждый летчик, как и самолет, имеет свой определенный потолок — высоту подъема. Этот потолок зависит от его физического состояния. Выше этого потолка он не может подниматься даже с кислородом. Обычно думают, что если есть кислород,— все хорошо, лети хоть на луну. Оказывается, что это не так: кислорода достаточно, а человек чувствует себя плохо. На высоте примерно 8 тысяч метров очень трудно

поднять руку. Надо сделать большие усилия, чтобы повернуться несколько раз, пройти по самолету (потому что давление воздуха на такой высоте очень низкое). Человек делается вялым, сонным, от физической работы появляется одышка. Если подниматься без кислородной маски еще выше, то эти явления усиливаются, появляются судороги, и наступает смерть. Даже в кислородной маске летчик может потерять сознание, когда он поднимется до своего потолка.

Поэтому для высотных полетов пришлось изобрести скафандр. Скафандр — это непроницаемая одежда, внутри которой поддерживается давление, близкое к нормальному. В такой одежде человек может подниматься до тех пор, пока выдержит мотор.

Для каждого дела свой самолет

В авиации для каждого дела есть свой тип самолета. Самолет-истребитель держится в воздухе недолго, потому что ему далеко не надо летать. Уничтожил или отогнал самолеты врага — и сделал свое дело. Истребителям необходимы мощные моторы и большие скорости для того, чтобы они быстро могли набрать высоту, когда им сообщат о противнике, и догнать его.

Разведчики летают дальше истребителя. А тяжелые корабли должны заходить далеко. Их задача — разбомбить какой-нибудь неприятельский военный завод, скопление врага, укрепления. И поэтому, например, американские бомбардировщики Бейнг-299 могут пролетать 3—4 тысячи километров. У каждого самолета своя специальность. И каждый тип самолета может летать без посадки определенное количество часов.

Летчику дают такой тип самолета, который ему подходит по способностям и по физическому состоянию. Наиболее выносливые идут на истребители и на скоростные самолеты.

На одноместном самолете

На истребителе летает обыкновенно один человек, и он все должен делать один. Если у него неполадки в моторе, — он должен сам справиться с ними. Он должен следить за тем, чтобы мотор не перегорел, чтобы в нем было масло, чтобы хватило бензина (на самолете есть приборы, которые все это показывают, и летчик должен следить за этими приборами).

Нужно еще смотреть по сторонам и управлять самолетом. Летать — это не то, что по Москве ходить. В воздухе не написано, куда летчик залетел. Сверху речки, горы нам кажутся одинаковыми. Летчику нужно тщательно следить за землей, чтобы не заблудиться. И он должен это твердо помнить, потому что когда человек войдет в азарт и преследует противника, то легко забыть все на свете. За каждую минуту самолет пролетает несколько километров. А в самолете горючего на определенное время, через несколько часов оно кончится, и нужно садиться. Очень трудно с высоты 4 — 5 — 6 тысяч метров определить, какой внизу город: сверху все города приблизительно одинаковые. Летчик предварительно изучает их по карте и точно запоминает их очертания. Во время полета летчик все это восстанавливает в памяти, а кроме того ему помогают компас и карта.

Следя за приборами, ориентируясь в воздухе, летчик должен заниматься и главным своим делом: нападать или самому отражать нападение противника. На самолете есть пулемет; надо прицелиться, открыть огонь и постараться самому не попасть под огонь.

Тут все зависит от ловкости человека. Летчик так натренирован, что его руки и ноги как бы служат продолжением приборов и как будто сливаются с управлением самолета. Он все движения делает автоматически.

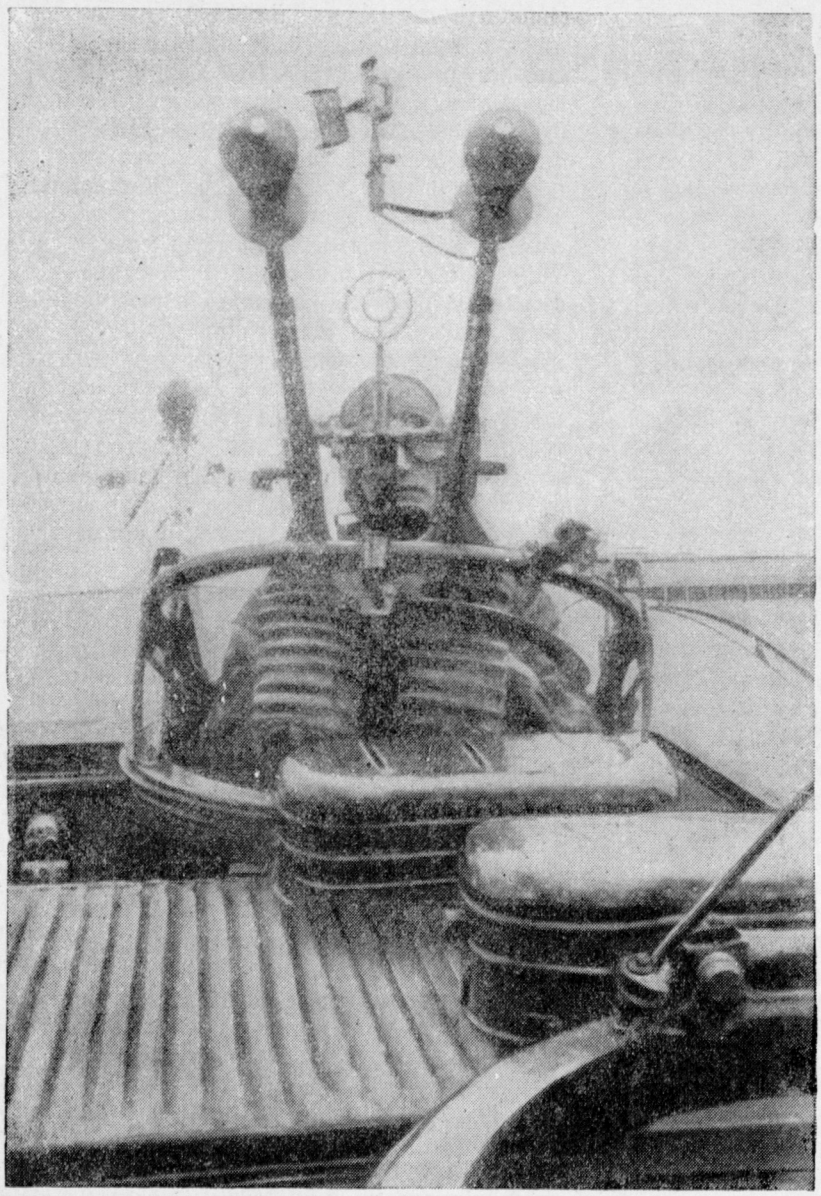
На двухместном самолете летят два человека: летчик и наблюдатель, который смотрит за землей и кроме того может вести огонь.

Тяжелые корабли

Есть воздушные корабли, на которых летает экипаж из нескольких человек. На таких кораблях у каждого есть свои точные обязанности, каждый посажен на свое дело.

На воздушной дороге не так спокойно, как на железнодорожном пути. Дует ветер. От ветра самолет летит не прямо, а вкось. Чтобы ориентироваться правильно, надо точно учитывать снос самолета ветром, силу ветра и его направление. Это довольно сложная работа, и ею заведует штурман корабля.

Каждая часть корабля имеет свое назначение, и каждый человек имеет свое место. На корабле есть штурман, который следит за путем корабля и указывает летчикам дорогу. Перед летчиками управление



Авиационный пулемет.

самолетом: штурвал, приборы. Система управления самолетом связана между собой через разные рычаги. Летчик может не сходя с места передать управление.

Перед бортмехаником приборы, которые показывают работу моторов. У радиста есть радиостанция и телефон, соединяющий его со штурманом, с командиром корабля. У пулеметов сидят стрелки. Если на земле стреляют из пулемета, то можно установить его неподвижно и стрелять, а на самолете, не зная теории стрельбы, вы целите в какую-нибудь определенную точку, а попадаете из-за большой скорости самолета на сотню метров от нее. Поэтому нужно хорошо знать теорию стрельбы, скорость своего самолета, скорость противника.

На некоторых самолетах можно стрелять прямо перед собой через пропеллер с помощью системы шестеренок. У летчика есть прицел, он направил прицел на цель, нажал кнопочку, и пули летят между вращающимися лопастями винта, не задевая их. На некоторых самолетах бывают и пушки.

Как бросают бомбы

На корабле мы можем возить бомбы всевозможных калибров. Раньше летчик бросал бомбы руками. Так трудно попасть в цель. Ну, а большую бомбу на руках не удержишь. Тогда придумали прятать бомбы внутри кораблей. Сделали под самолетом замки, на них за ушко подвешивают бомбы. Если сбросить 100-килограммовую бомбу, то она сделает яму в 4—5 метров глубиной.

Для сбрасывания бомб есть рукоятка, похожая на рукоятку тормоза у автомобиля. От этой рукоятки идет тяга (проволока) к шестеренке. Эта тяга вращает шестеренку, шестеренка нажимает на выступы рычага, который открывает замок, и бомба падает.

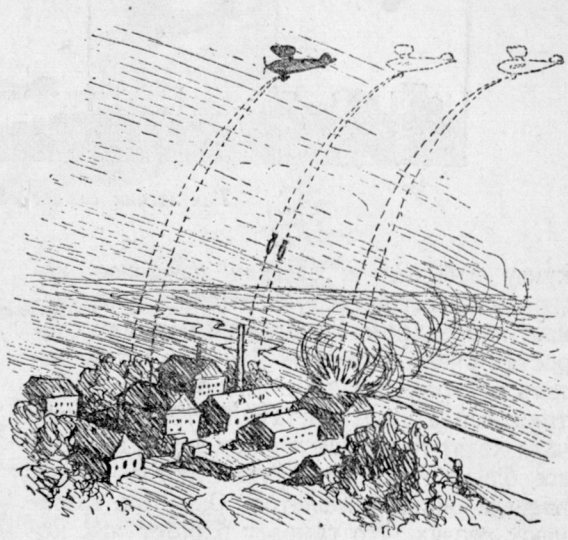
Нужно только знать, когда бросить бомбу. И это самое трудное. Когда бросишь бомбу, она не сразу падает прямо вниз, а некоторое время по инерции летит вместе с самолетом. Парашютист, когда выпрыгивает из самолета, некоторое время по

инерции идет рядом с самолетом. Потом сопротивление воздуха останавливает его. Так падает и бомба. Сначала она идет по инерции рядом с самолетом и с такой же скоростью. Потом начинает отставать и снижаться. Самолет идет прямо, а бомба падает по кривой. Время падения бомб с разных высот разное.

Если надо попасть в какую-нибудь небольшую станцию или железнодорожный мост, то это очень трудно. Ведь, кроме пути падения бомбы, который мы знаем, на нее еще действует ветер, который изменяет ее путь. Когда бросаешь бомбу, нужно учитывать и силу ветра. Есть еще особый прицел. Зная вес бомбы, силу ветра, расстояние до цели и скорость самолета, можно точно рассчитать, куда упадет бомба. Летчик должен провести самолет над целью. Когда летчик летит низко, ему видно хорошо, а вот когда самолет находится высоко, то летчику кажется, что он находится над целью, а на самом деле он на 500—600 метров в стороне. Вывести самолет так, чтобы точно пролететь над намеченным пунктом, вовремя бросить бомбу так, чтобы она попала именно туда, куда надо, очень трудно. Для этого нужно много тренироваться. Если нужно разрушить железнодорожный мост противника (мост с высоты 5—6 тысяч метров кажется с ладонь), то бросается одна за другой несколько бомб — целая серия.

„Слепой полет"

Очень интересны «слепые полеты». У летчика на самолете есть много приборов. Есть гироскопический прибор, называемый «Пионер». Он показывает, в какую сторону разворачивается или кренится самолет. Авиогоризонт указывает, не кренится ли самолет и не снижается ли он. Есть прибор, который показывает скорость, прибор, который показывает высоту, на которой вы идете. Есть компас. С этими приборами летчик может закрыться колпаком, не смотреть на землю и все-таки лететь правильно. Иногда самолет попадает в облака, будто в молоко: все бело, и даже крайних моторов на самолете не видишь. Но летать вслепую очень трудно, потому что внимание человека очень напряжено. Когда видишь землю, то видно, как идет самолет. А вот когда кругом ничего не видно и руководствуешься только приборами, то чувства тебя обманывают, приходится бороться с собой. Приборы тебе показывают, что нужно идти в эту сторону, что самолет накренился влево, а чувства говорят, что нужно идти в другую сторону и крен у самолета вправо. В этом обмане виновато положение жидкости во внутреннем ухе человека. Поэтому-то лететь вслепую, т. е. в облаках или под колпаком, очень трудно. От долгого полета вслепую очень устаешь,



Самолет бросает первую серию бомб, еще не долетев до цели. Самолет пролетит над целью, а первые бомбы еще только взрываются.

потому что все время видишь только приборы да стрелки и приходится уверять себя, что приборы не врут, а обманывают тебя твои чувства. Чтобы хорошо летать вслепую, необходима долгая тренировка.

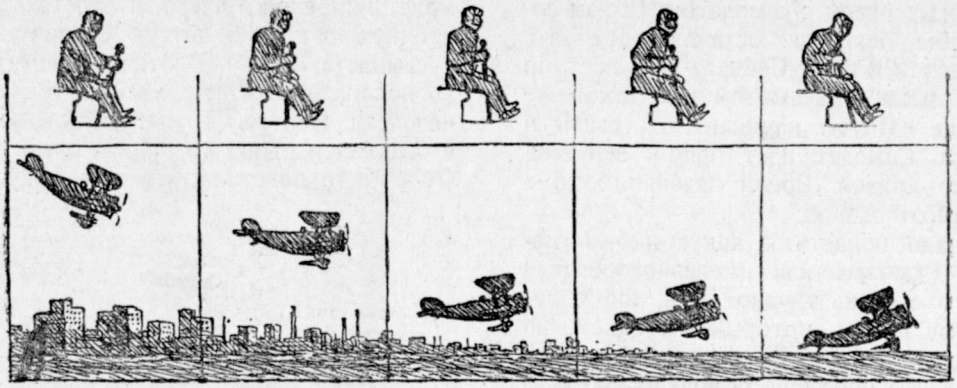
Когда летишь первый раз в «слепой полет», то очень кувыркаешь самолет. Накроют тебя колпаком, и видишь ты одни приборы. С непривычки самолет у тебя виляет и туда и сюда.

Не очень приятно летать летом: сильная болтанка. Хуже чем на телеге по разбитой мостовой. Особенно в середине дня.

Вечером и утром летать лучше, тогда воздух нагревается одинаково и самолет идет нормально.

Очень сильно дают себя чувствовать движения облаков и вихри, которые гуляют вокруг них. Особенно неприятны грозовые облака. Тогда самолет бросает как щепку.

Из-за болтанки очень трудно летать в строю на парадах. Самолеты могут летать очень близко, даже на метр друг от друга. Снизу кажется, что они летят в одной плоскости. Но на самом деле они летят не в одной плоскости, а один над другим и с большой быстротой. Если вы на одну се-



Так летчик сажает самолет на три точки.

кунду забылись и сделали малейшее неверное движение руля, то машина сразу меняет направление: самолет на больших скоростях очень послушен. Для того чтобы летать в строю, нужна очень большая практика. Когда учатся летать в строю, то сначала ходят подальше друг от друга, а потом все ближе и ближе. Трудно летать, когда впереди много самолетов. Они так взволнуют воздух, что самолет бросает как корабль в бурю на море. Надо крепко держать руль в руках.

„Один за всех, все за одного"

На большом корабле очень важна сработанность экипажа, потому что в воздухе не поговоришь, особенно у нас: наши четыре мотора страшно шумят. Махнешь рукой, и человек уже должен понять, что делать. В этом и заключается сработанность экипажа.

На корабле летает всегда один и тот же экипаж. Тут главное, чтобы каждый отлично знал свое дело. Никто не должен беспокоиться, что товарищ подведет и сделает что-нибудь не так, как нужно.

В воздухе нельзя теряться. Был случай, когда парашютист неудачно спрыгнул, зацепился парашютом за костыль и повис. Идти на посадку — значит убить человека. Летчик решил — надо все сделать, чтобы его спасти. Вырубили дыру в корабле и выбросили из нее веревку. А ветер сносит веревку в сторону. Тогда к ней привязали тяжесть, парашютист схватил веревку — и его втащили в самолет.

Вы все читали, что республиканские летчики в Испании владеют воздухом. Республиканцы ни разу не возвращались на свой аэродром, не выполнив боевого задания, а мятежники часто удирают от республиканских истребителей. Почему это? Потому что республиканцы — смелые люди и сражаются за свободу своего народа. Вот почему они так бьют фашистов.

Моральную устойчивость, стремление к победе, смелость и настойчивость необходимо у себя воспитывать с детства. И вот мы опять пришли к тому, с чего начали: нужно быть здоровым, смелым человеком и хорошим физкультурником. Раз человек здоров и знает, за что он борется, он будет бороться так, что его никто не одолеет.

Наши летчики непобедимы и преданы нашей родине, партии и самому большому другу летчиков — вождю народов товарищу Сталину. Таким летчикам нестрашен ни один враг. Такие летчики готовы на все, чтобы защитить родину, они смело ведут самолеты в бой и обязательно победят любого врага.

◇ ◇ ◇

С О Б О Л Ь

М. Ошаров

Тунгусская сказка

Рис. М. Аксельрод

1. Как соболь чебачиху лечил

Чебак жил в речке. Семья у него была небольшая: жена да сын — чебачонок.

Речка покрылась льдом. Стал жить чебак подо льдом. Вдруг в его чуме случилось несчастье: у чебачихи накопилось так много икры, что она заболела.

Не знал чебак, чем ей помочь. Думал-думал и говорит чебачонку:

— Сын, иди скорее за шаманом. Найдешь, зови его к нам. Мать, скажи, помирает.

Выслушал чебачонок отца и отправился на поиски. Вышел он из речки через полынью и зашагал в лес. Шел, шел... Встретил соболя и спрашивает его:

— Друг, скажи: не знаешь ли ты, где мне найти шамана?

— Шамана? Зачем он понадобился тебе? Что такое случилось?

— Да мать тяжело захворала. Ее бы надо скорей полечить, а я не знаю, куда мне идти.

Соболь жалостливо посмотрел на чебачонка и говорит:

— Не печалься. Я помогу вашему горю. Лечить я умею. Веди меня к матери.

Пошли лесом. Соболь прикинулся усталым и спрашивает:

— Где вы живете?

— Живем мы в речке, — ответил чебачонок. — До речки недалеко осталось.

— Недалеко? Тогда пойдем дальше.

Вышли на берег. Соболь посмотрел кругом и говорит чебачонку:

— Что-то я не вижу вашего чума. Где он стоит?

— Подо льдом.

— Как же вы туда попадаете? Я не вижу дороги.

— В речке есть полынья, через нее мы и ходим. Иди за мной.

Соболь согласился идти за чебачонком. Подошли к полынье. Нырнули оба в речку, попали на стойбище.

В чуме соболь увидел толстую икряную чебачиху и говорит чебаку:

— Твою старуху я вылечу. Только ты сначала продолби над нами прорубь и поставь в нее шест. Иначе я не смогу лечить.

Соболь был хитрый, а у чебака какой ум? Продолбил он прорубь и поставил в нее шест.

«Вот теперь я знаю отсюда дорогу», — подумал соболь и велел чебаку с чебачонком уйти подальше от чума.

— Вы мне будете мешать,—сказал он.— При людях я не умею лечить. Когда я вылечу больную, я вас позову.

Чебак с чебачонком поверили соболю, и оба вышли из чума. Соболь принялся лечить: он задавил икряную чебачиху, с'ел ее, выскочил по шесту из воды на лед и убежал в лес.

С тех пор в речке испортилась вода, и по зимам в ней рыба задыхалась: загрязнил соболь речку.

2. Как соболь кукшу обманул

Было лето. Соболь шел по тайге. Наткнулся на стойбище кукши[1]. У кукши был хороший чум, жена, дети. Было много оленей, сети и берестяная лодка.

«Это хорошо!» — подумал весело соболь и вошел в чум, который стоял возле самой реки.

— Кукша, — сказал он, — ты знаешь, что у устья этой реки живут худые люди. Пока они на нас с тобой не напали, я пришел звать тебя идти на них войной. Пойдем со мной. Мы сядем в твою лодку, тихонько подберемся к стойбищу, нападем на них врасплох, всех перебьем и заберем все ихнее добро.

Кукша согласился.

— Тогда плывем! — сказал соболь. — Бери свой боевой лук и стрелы.

Сели в лодку и поплыли вниз по речке. Немного от'ехали, соболь захотел спать. Лег он и говорит кукше:

— Ты плыви, а я вздремну.

— Ладно, — говорит кукша, — отдыхай.

Соболь спал, спал... Проснулся, посмотрел на берега и говорит кукше:

— Я отдохнул хорошо, теперь можешь и ты отдохнуть. Ложись, а я поплыву.

Кукша отдал соболю весло, прилег и сразу уснул. Соболь тихонько повернул лодку и погнал ее обратно, против течения. Проехал мимо стойбища кукши, заехал за первый мыс и тут же повернул лодку снова назад. Едут опять вниз по течению, кукша ничего не знает, спит себе да посыпает. Только с мыса показался кукшин чум, соболь разбудил кукшу и тихонько говорит ему:

— Злые люди близко. Вон их чум. Вставай, бери скорее лук.

Кукша взглянул на знакомые берега и говорит соболю:

— Ты не замечаешь, что этот чум на мой чум походит?

— Какой твой чум! Все чумы друг на друга походят. Стрелять будем.

Под'ехали ближе. Кукша увидел людей и говорит:

— Смотри, как все эти люди на мое семейство похожи.

— Нашел своих! — сказал соболь. — Мало ли на земле схожих между собой людей. Это наши враги. Стреляй!..

Кукша поднял лук и видит возле чума привязанного оленя.

— Соболь, этот бык-то, однако, мой?

— Что ты говоришь, кукша! Мало ли в тайге таких оленей, как у тебя. Пока злые люди нас с тобой не убили, давай в них скорее стрелять.

И началась стрельба. Когда все люди и олени были убиты, соболь выскочил из лодки и скрылся в тайге.

Увидел кукша свою мертвую семью, упал и давай реветь. Доплакался до того, что высох весь. С той поры и не может поправиться от своей худобы.

...Скажи, добывал ли ты когда-нибудь хоть одну жирную кукшу? Нет. И я тоже.

[1] Птица из семейства «вороновых», выделяемая иногда в особый род.

3. Как хитрый соболь был наказан

А хитрому соболю что? Бегает по лесу, путает добрых людей.

Бегал, бегал... Нашел людское стойбище. Подошел к нему и видит, что на стойбище нет ни одного мужика, сидят только две женщины да малые дети.

— Вы одни? — спросил их соболь.

— Да, одни: мужики ушли на охоту.

— Что же вы делаете?

— Собираемся доставать из лабазов теплую одежду: надо готовиться к зиме.

— Я вам помогу с'ездить, достану из лабаза ваши вещи, погружу их в лодку и вместе с вами приеду обратно.

Женщины обрадовались. А соболь говорит:

— Лабаз ваш стоит отсюда неблизко. На дорогу вы захватите с собой побольше сушеного мяса: устанем — поедим.

Женщины набили турсук [1] сушеным мясом, поставили в берестяную лодку, накрыли его комуланом [2], сели и поплыли к лабазу вниз по течению.

Соболь начал зевать: будто бы спать захотел.

— До лабаза далеко, — сказал он женщинам. — Пока вы плывете, я немного усну. Чтобы не проехать нам лабаза, вы хорошенько смотрите по сторонам. Как только увидите устье речки, будите и спрашивайте меня, а я буду сказывать вам, что это за речка. Тогда мы мимо лабаза вашего не проедем.

Соболь лег головой на турсук с мясом, закрылся комуланчиком и захрапел. Храпит да вкусное мясо из турсука поедает.

Женщины увидели первое устье и спрашивают соболя, что это за речка.

— Эта речка «Начинаю», — говорит им соболь. — Плывите.

Женщины плывут. Увидели второе устье. Разбудили соболя. А он им в ответ:

— Это речка будет «Распочал». Плывите дальше.

Опять женщины гребут веслами. Показалось третье устье.

— Соболь, смотри: устье!

А соболь не посмотрел и говорит:

— Это речка «Половина». Плывите еще.

Плыли, плыли. Увидели четвертое устье.

— Соболь, смотри: опять речка.

— Эта речка «На дне осталось». Скоро будет лабаз!

Женщины верят, плывут.

Соболь доел в турсуке остатки сушеного мяса, вылез из-под комулана и говорит:

— Вы видите вон ту огромную ель? Вот там и причаливайте лодку, а я помогу вам таскать из лабаза вещи.

Женщины поровнялись с высокой старой елью, повернули к берегу. Соболь выскочил из лодки, залез на самую вершину ели и кричит им оттуда:

— Эй, бабы! Посмотрите, что у вас в турсуке-то осталось!

Посмотрели: в турсуке пусто. Рассерди-

[1] Переметная меховая сума с берестяным каркасом.

[2] Меховой коврик.

лись, схватили скребок и начали рубить им толстую ель. А соболь сидит на вершине и шаманит:

«Скребок, скребок,
Сломайся!..»

Скребок сломался. Женщины схватили зубчатый кадерорун [1] и пилят им ель. А соболь сидит на вершине и свое... шаманит:

«Кадерорун, кадерорун,
Сломайся!..»

И тот сломался.

[1] Пилка для выделки замши.

Тогда женщины взяли огниво, высекли огонь и подожгли ель. Ель запылала. Огонь охватил ветки, полез к вершине. Соболю некуда стало деваться: он начал гореть. Больно ему. Закричал. Принялся упрашивать огонь:

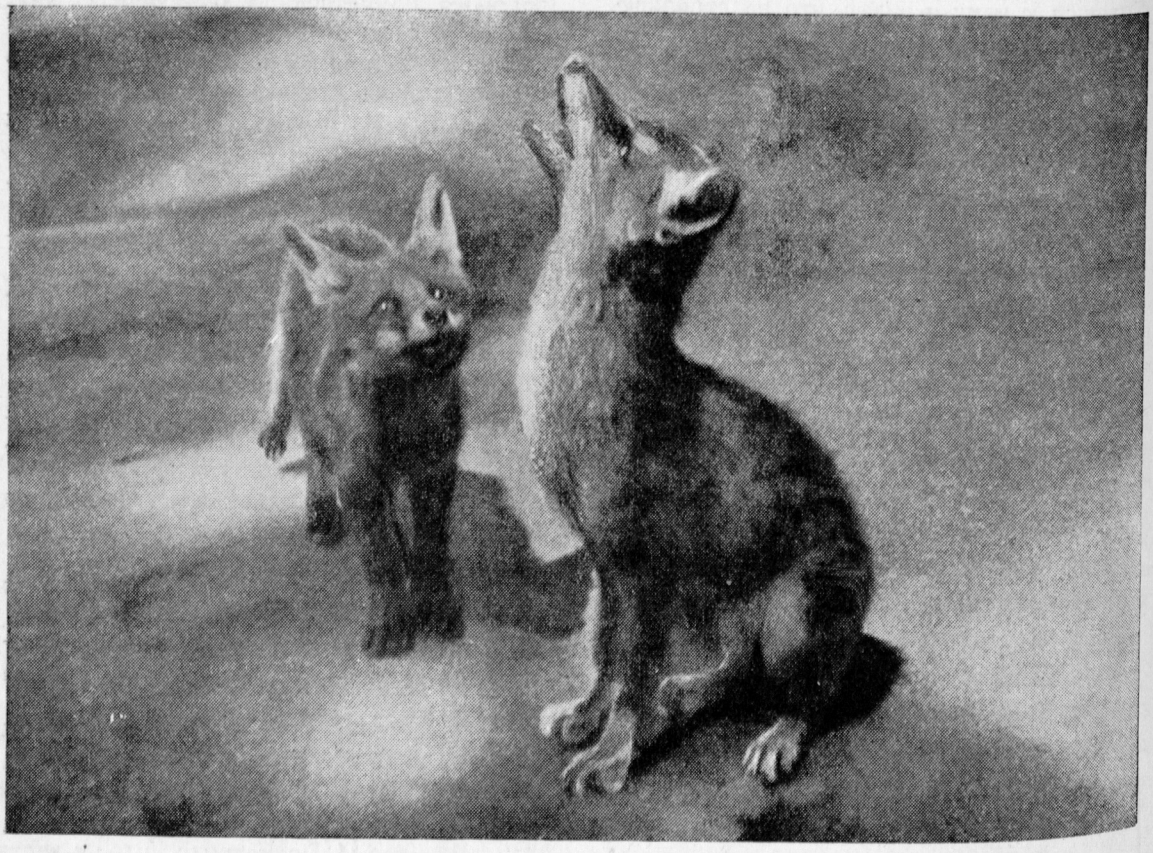
— Огонь, огонь! Пожалей, не губи меня. Я жить хочу!.. Оставь от меня хоть маленький кусочек.

И огонь пожалел. Он оставил соболя живого, но величиной с рукавичку.

Вот потому-то соболь и мал и хитер. Раньше, говорят, он был величиной с человека.

В Московском зоопарке

Снимок П. Воробьева



Где это ты, лисичка-сестричка, так отлично выучилась петь? Как послушаешь тебя, просто зависть берет!

Проф. С. Бахрушин

Царь Иван Васильевич Грозный

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО

ЧЕТЫРЕСТА лет назад, в 16-м веке, наша родина называлась по имени своей столицы Московским государством. Еще не далеко было то время, когда на месте Московского государства находилось несколько крупных и мелких княжеств: Московское, Тверское, Нижегородское и другие. В каждом княжестве был свой князь, у каждого князя были свои войска. Князья стремились захватить себе побольше земли и крестьян, чтобы их эксплоатировать, и все время воевали друг с другом. Пользуясь этими раздорами, татары подчинили своей власти русские земли, собирали с них дань и грабили их. Русский народ тяжело страдал и от княжеских раздоров и от татар.

Мало-помалу самыми сильными среди русских князей становились московские. Они прибирали к своим рукам все новые и новые земли, стали называться «великими князьями всея Руси» и постепенно подчиняли себе других князей. В конце 15-го века московский великий князь Иван III присоединил к своим владениям княжество Тверское и Новгородскую землю. Рязанские князья тоже во всем повиновались ему. Москва при Иване III была уже настолько сильна, что смогла окончательно освободиться от татарского ига.

Сын Ивана Василий III присоединил к Москве последнее независимое княжество Псковское и отвоевал обратно у поляков русский город Смоленск.

Но князья, хоть и покорились великому князю московскому, все же остались в своих княжествах и сохраняли еще довольно большую власть. У них попрежнему были свои войска. И когда Московское государство воевало, каждый князь выходил на войну со своими ратными людьми. Конечно, таким войском, состоявшим из отдельных отрядов, было трудно руководить, да и великий князь не всегда мог рассчитывать на помощь князей: они часто сопротивлялись ему и постоянно враждовали между собой. Сохраняли свою независимость и бояре, т. е. крупные землевладельцы. Между тем для успешной борьбы с внешними врагами, для защиты от них страны московским великим князьям необходимо было сосредоточить в своих руках все военные силы.

Портрет царя Ивана Грозного. С картины художника В. Васнецова.

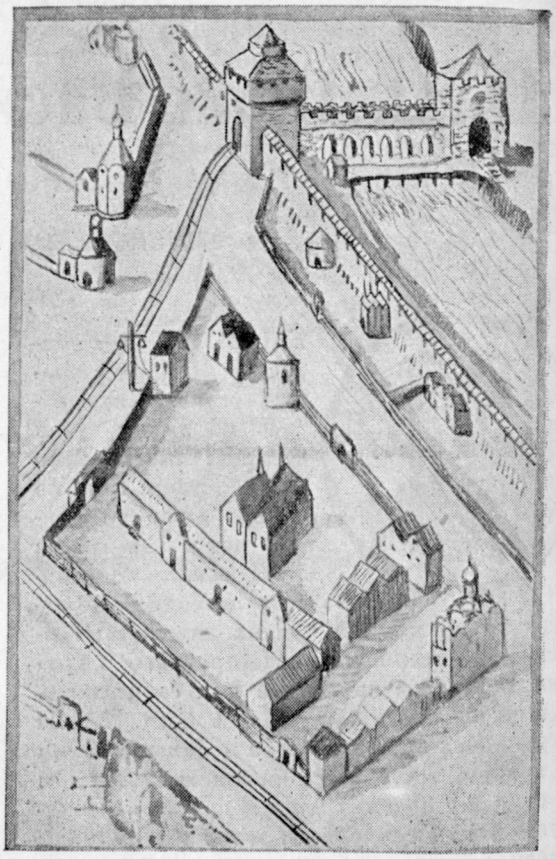
Окончательно об'единил Московское государство и разрушил остатки независимости отдельных князей и бояр царь Иван Васильевич, по прозвищу Грозный.

Гос. Публичная б-ка

БУДУЩЕГО царя было необычное для великого князя детство. Его отец Василий III внезапно умер в 1533 году, когда Ивану было всего 3 года. Государством вместо ребенка стала управлять его мать — княгиня Елена Васильевна Глинская. Это была женщина умная, с твердым и решительным характером. Когда умер Василий III, то притихшие было при нем мелкие князья снова зашевелились и начали борьбу за власть. Против великой княгини поднялись даже родные братья ее мужа— Андрей и Юрий Ивановичи. Но княгиня справилась с ними при помощи московских бояр. Она крепко держала власть в своих руках, но это продолжалось недолго: через 5 лет после смерти мужа умерла и сама княгиня. В Москве ходили слухи, что ее отравили бояре. Маленький Иван окончательно осиротел. Из дворца сразу были удалены все люди, к которым он привык, которые хорошо к нему относились. Князя Ивана Васильевича Телепнева-Оболенского, ближайшего помощника и советника великой княгини, как только та умерла, бояре схватили и бросили в тюрьму. Сестру его — няню маленького Ивана — упрятали в монастырь.

Всеми делами заправляли теперь бояре. Особенно сильны среди них были князья Шуйские и Бельские. Эти князья не хотели делить между собой власть и вступили в отчаянную борьбу. Верх брали то одни, то другие: то Шуйские, то Бельские, то опять Шуйские. Наконец Шуйские победили. Собрав преданных себе людей, они ночью ворвались в Кремль и даже в самый дворец, перепугали маленького Ивана и на глазах у него хватали друзей Бельских. Самого Бельского заточили в тюрьму и там удавили.

Ни Шуйские, ни Бельские и никто из других бояр не заботились о государстве, заботились они только о том, как бы нажиться. Шуйские, став у власти, всюду пристраивали своих родственников и приятелей, а те грабили народ. Тогдашний летописец говорит про ставленников Шуйских, что они были «свирепы как львы», а люди их — «как звери дикие».



Усадьба князей Бельских в Кремле.

Никто не заботился о маленьком Иване. Он именовался «великим князем всея Руси», рос во дворце, но рос заброшенным, одиноким ребенком. Часто его с младшим братом Юрием забывали даже покормить.

До сих пор сохранились непеределанными некоторые части старого дворца, так что мы вполне можем себе его представить. Маленькие низкие комнатки со сводчатыми потолками лепились здесь одна к другой. Маленькие оконца с цветными разрисованными стеклами скупо пропускали свет. Стены были раскрашены пестрыми узорами и картинами. В этих маленьких пестрых и душных комнатах прошло детство Ивана.

Во дворце грубо хозяйничали бояре. Детей часто пугали их дикие раздоры и даже драки. На мальчика никто не обращал внимания, им пренебрегали. Он таил в себе свои обиды, становился не-

доверчивым и скрытным. Даже став взрослым, царь Иван с глубокой горечью вспоминал свое детство и гневно упрекал бояр. Он вспоминал, как, бывало, он играл с братом, а князь Шуйский сидел, привалясь локтем к постели их покойного отца да еще и ногу на нее клал.

Людей, к которым маленький князь привязывался, Шуйские от него немедленно убирали, так как ни с кем не хотели делить власть. Когда Ивану было лет 12, он очень полюбил боярина Воронцова. Шуйские заметили это и однажды почти на глазах Ивана схватили Воронцова и начали его бить. Иван сидел в соседней комнате и дрожал от страха, что его любимца убьют. По его просьбе, митрополит стал уговаривать Шуйских остановиться. У митрополита в драке оборвали подол его мантии. Избитого Воронцова несмотря на просьбы Ивана сослали. Маленький великий князь просил, чтобы хоть не очень далеко ссылали-то, но на его просьбу никто не обратил внимания.

Мы не знаем, кто и когда научил Ивана читать, но этот заброшенный мальчик читал очень много, а когда вырос, стал одним из самых образованных москвичей своего времени. Правда, книги Иван читал немудрящие, по большей части духовные. Но в те времена в Москве других, недуховных, книг было не так-то уж много.

Попадались маленькому великому князю и исторические сочинения. Он читал их с жадностью и узнавал из них о знаменитых греческих и римских царях. Иван мечтал, что, когда вырастет, будет таким же могущественным и великим царем и уж тогда-то он покажет всем этим боярам!

В той грубой обстановке, в какой рос Иван, он с малолетства стал жестоким. Ивану нравилось мучить животных. Бывало, он сбрасывал с высокого дворцового крыльца щенят и с любопытством смотрел, как они разбивались. Бояре не останавливали его. «Пусть развлекается, — говорили они, — храбр будет». Боярам было важно одно: совершенно отстранить великого князя от государственных дел.

Когда Иван подрос, развлечения его стали еще более жестокими. С целой ватагой своих сверстников он скакал на коне по улицам и топтал народ. Бояре и тут не видели худа: «Ох, храбр будет этот царь!»

Но скоро бояре убедились, что от этой храбрости им солоно придется. Совершенно неожиданно, ни с того ни с сего, Иван, которому в то время было всего 13 лет, приказал своим псарям схватить самого именитого из московских бояр — князя Андрея Васильевича Шуйского. Псари поволокли Шуйского в тюрьму и по дороге убили.

Конечно, тринадцатилетний мальчик не сам до этого додумался: убрать Шуйского надоумили Ивана его дядья Глинские, мечтавшие отнять у Шуйского власть и забрать управление в свои руки. Но все же после этого случая бояре стали побаиваться Ивана.

Так рос Иван. И все чаще и чаще утешеньем от всех его обид и горестей являлась мысль, что, когда он вырастет, он будет повелителем целого огромного государства, что он не простой человек, что он царь. О величии царской власти рассказывали ему книги, да и бояре, те самые, которые в обычное время обходились с ним так пренебрежительно, оказывали ему в торжественные дни, когда Иван являлся к народу или принимал послов, величайшие почести. Бояре надевали на Ивана великолепный кафтан из золотой парчи и шапку Мономаха, сажали на престол и кланялись ему в землю.

Правда, потом, когда торжество кончалось и с Ивана снимали его пышные одежды, бояре забывали о своем великом князе, и он опять превращался в простого заброшенного мальчика, сироту. Но сам-то Иван никогда не забывал о том, что он царь, а все эти хозяйничающие во дворце бояре — его подданные.

ОГДА Ивану исполнилось 17 лет, он об'явил боярам, что хочет называться царем. Это было новостью на Руси. До этого московские государи назывались просто великими князьями, они были как бы только самыми главными среди других князей. Теперь Иван не даром заговорил о самодержавной власти: все мелкие княжества были об'единены в одно государство, оставалось только окончательно прибрать к рукам князей и бояр.

В 1547 году Иван венчался на царство.

Первое время после коронации молодой царь попрежнему не вмешивался в управление страной, всем ведали Глинские и беспощадно грабили народ. И народ, измученный постоянными грабежами бояр, поднял против Глинских восстание. Началось оно во время страшного пожара Москвы. Лето в 1547 году было необычайно жаркое, а Москва тогда была, как большая деревня, вся сплошь деревянная. Только у царя да у некоторых особенно богатых бояр были каменные палаты. Даже улицы были замощены деревом (остатки этой деревянной мостовой нашли несколько лет назад, когда прокладывали канализационные трубы на улице Горького). Достаточно было одной искры — и Москва запылала. Огонь перебрасывался из улицы в улицу, сметая все начисто. Даже в каменном Кремле было опасно оставаться, так как внутри его стен было много деревянных построек. Царь бежал на Воробьевы горы. Там, в селе Воробьеве, был у него дворец, которого теперь уже давно не существует, только изразцовые кирпичи от него нашли как-то при постройке водопровода в Воробьеве. Царь уехал благополучно, а митрополит уже не смог выйти из Кремля через ворота: так бушевало перед ним пламя. Митрополита пришлось спускать со стены на веревке, он сорвался и разбился. Через несколько дней Иван приехал его навестить, и тут-то некоторые бояре рассказали царю, что Москва сгорела не просто так, а от колдовства. Иван, как и большинство людей того времени, верил в колдовство. Перепуганный, вернулся он в Воробьево и послал приказ произвести следствие.

Русские бояре времен Грозного.

В Москве в это время было очень неспокойно. Половина жителей осталась без крова и потеряла все свое имущество. Много народу погибло в огне. Народ и без того был озлоблен притеснениями бояр и в особенности Глинских. Бедствия, вызванные пожаром, окончательно истощили народное терпение. На Кремлевской площади собралась и беспокойно шумела огромная толпа. Бояре, которым было поручено следствие, решили воспользоваться случаем и спихнуть Глинских, которым завидовали. Они выехали на площадь и спросили:

— Кто поджег Москву?

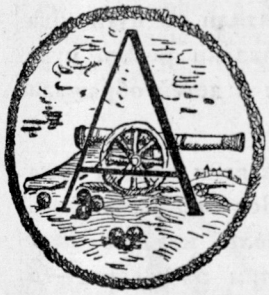
Из толпы закричали:

— Глинские!..

Кто-то пустил слух, что бабушка царя княгиня Анна Глинская вынимала сердца у покойников, опускала их в воду и кропила этой водой улицы — от этого, мол, и случился пожар. Юрий Васильевич Глинский, увидев, какой оборот принимает дело, спрятался в церкви, но толпа бросилась за ним и убила его. Остальные Глинские убежали к царю в Воробьево. Народ требовал их выдачи, но Иван успел собрать телохранителей и разогнал восставших.

Восстание показало Ивану, в каком тяжелом положении было Московское государство, как плохо управляли им корыстные бояре. Царь стал искать себе новых советников. Одним из ближайших к нему людей стал Алексей Адашев. Адашев был не боярин, а человек очень незнатный. Царь говорил про него, что он его «поднял из навоза». Зато он был очень умен и ловок. При помощи царского духовника Сильвестра он умело влиял на Ивана и управлял всеми делами.

ЗАВОЕВАНИЕ КАЗАНИ



АДАШЕВ понимал, что грабежи, которым подвергали крестьян и городскую бедноту бояре, рано или поздно приведут к народному восстанию. Мелкие помещики или дворяне тоже были недовольны своим положением. Они имели маленькие клочки земли да по нескольку человек крестьян. Как ни беспощадно выколачивали они оброк с этих крестьян, а много выколотить, конечно, не могли. Между тем они обязаны были нести тяжелую военную службу и ходить в походы. «Служим мы государю с травы и с воды», — жаловались они и с завистью смотрели на огромные владения богатых бояр, мечтая поживиться за их счет. Адашев хотел обеспечить дворян землею, потому что они несли военную службу царю, но и бояр обижать не хотел. Поэтому землю и новых крепостных для помещиков надо было добывать у соседей в войне. Тогда был решен поход на Казанское татарское ханство.

Мелкие русские князьки давно подбирались к Казани. Ханство лежало по Волге, по большой судоходной реке. Там были богатейшие, тучные земли. Вот бы где устроиться русским дворянам, а татар превратить в крепостных и заставить работать на себя!

В 1552 году Иван собрал громадное — в 150 тысяч человек — войско и двинулся на Казань. Хан заперся в городе с тридцатитысячным войском. Русское войско было в пять раз больше и во много раз лучше вооружено чем татарское. У Ивана была хорошая по тому времени артиллерия, его регулярная пехота — стрельцы — была вооружена ружьями. У него на службе были иностранные инженеры. И все же татары отчаянно защищались. Когда осажденные казанцы делали вылазки, из лесов выходили татары и марийцы, жившие в окрестностях, и били московское войско с тыла. Так прошел месяц. Начались дожди и холода. В войске Ивана стали поговаривать о том, что не лучше ли снять осаду. Но тут иностранным инженерам удалось сделать подкоп, вкатить туда бочки с порохом и взорвать стену. Татары бились в проломах, но были оттеснены. Московские войска ночевали на развалинах стен. Утром яростно загремели барабаны, заиграли всевозможные инструменты, и русские со всех сторон ринулись на решительный штурм города. Татары героически защищали свою независимость. На каждой улице была устроена засада, каждый дом был превращен в крепость. Последним укреплением был ханский дворец на вершине холма. Когда

Вооружение русских конных воинов времен Грозного.

Стрелец.

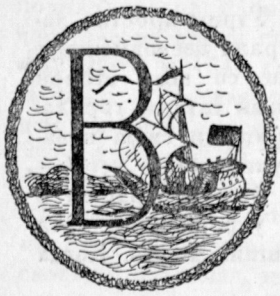
татары убедились, что не могут удержаться, тогда они с вершины башни повели переговоры.

— Мы сражались за ханство, пока оно было цело, — сказали они, — а теперь отдаем вам нашего хана!..

Татары стали прыгать со стен и пытались пробиться в окрестные леса, но царские войска их перехватили по пути. Два дня продолжалась в Казани резня, мужчин убивали, а женщин и детей обращали в рабство.

Через 4 года после взятия Казани была захвачена Астрахань. Вся Волга оказалась в руках Москвы. А Волга издавна была крупным торговым путем на Восток — в Иран и другие восточные страны.

СНОШЕНИЯ С ЗАПАДОМ



В 1553 году из Англии вышла на Север морская экспедиция, состоявшая из нескольких кораблей.

Англия в то время была самой богатой торговой страной в Европе. Английские купцы стремились отыскать новые рынки для своих товаров. Они хотели найти новый, более короткий морской путь в Китай, чтобы не об'езжать кругом Африки и Азии. Перед экспедицией была задача — попытаться пройти в Китай Северным Ледовитым океаном, то есть тем путем, который теперь освоили наши отважные советские моряки. Но англичане не знали, как длинен этот путь. Они думали, что в Китай можно пройти по реке Оби. Добраться до Обской губы экспедиции не удалось: сильные бури потрепали ее около мурманских берегов, а один из кораблей, плывших под командой капитана Ченслера, был заброшен бурей в Белое море, в устье Северной Двины. Там его встретили русские рыбаки-поморы. От них англичане узнали, что недалеко находится город Холмогоры, и отправились туда. Когда царь Иван

Заморские гости.

получил известие о прибытии в Холмогоры «английских немцев», он вызвал капитана Ченслера в Москву. Немцами называли тогда на Руси всех иностранцев. Слово «немец» значило немой, не умеющий говорить по-русски.

Иван понимал, как необходимо завязать постоянные деловые связи с Западной Европой, которая тогда была культурнее и богаче Московского государства, и охотно вступил в переговоры с Ченслером. Ченслер выговорил для английских купцов право приезжать на берега Белого моря. Позже на Северной Двине, близ ее устья, был построен город Архангельск, куда приезжало на своих кораблях много иностранцев.

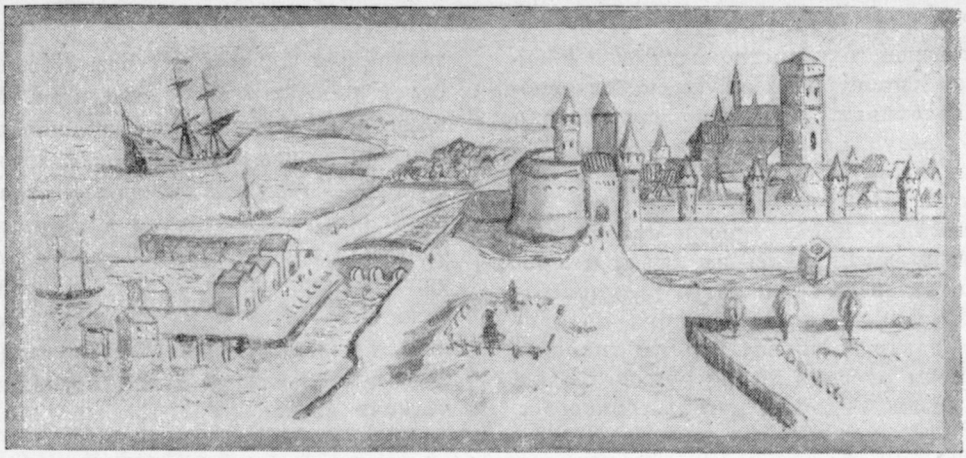
Московское государство не могло обойтись без европейской науки и без европейской техники. Это было совершенно ясно умному Ивану Васильевичу. Для своего времени он сам был человеком образованным. Он не только много читал, но и сам писал и писал умно и сильно. Современники восхищались им как красноречивым писателем. Иван хотел распространить образование и среди своих подданных. Он завел в Москве первую типографию. Среди русских людей нашелся один мастер, Иван Федоров, который вместе с товарищем своим Петром Мстиславцем сумел наладить печатание книг. Но москвичи в то время были очень невежественны; они во всем видели колдовство, и когда в 1564 году вышла из-под станка первая книга, напечатанная Федоровым, его обвинили в колдовстве. Толпа разгромила типографию, оба печатника должны были бежать в Литву и на Украину. Несмотря на эту неудачу Иван IV не оставил начатого дела и вскоре затем возобновил печатание книг.

ЛИВОНСКИЕ ВОЙНЫ

АРХАНГЕЛЬСК был для Московского государства плохим «окном в Европу»: Белое море зимой надолго замерзает. Гораздо важнее было бы пробиться к Балтийскому морю, более близкому и более удобному для судоходства. Но между Москвой и Балтийским морем находилась Польша. Поляки боялись усиления Москвы и всячески старались ее ослабить. Иван IV выписывал из Германии и Англии мастеров и других знающих людей, а польские короли не пропускали их. Иван решил завоевать берега Балтики, чтобы не зависеть от Польши. На берегах Балтийского моря в то время лежала страна, называвшаяся Ливонией. Жители ее не были свободным народом: их поработили немецкие рыцари, образовавшие Ливонский орден. Эти рыцари настроили неприступные замки, укрепились, заставили местных жителей работать на себя и обращались с побежденными как с рабочим скотом, с необычайной жестокостью подавляя всякое сопротивление. Народ ненавидел своих поработителей, но ничего не мог сделать с вооруженными до зубов рыцарями. Вот этим-то рыцарям и об'явил войну Иван IV. И тут выяснилось, что в битвах они были совсем не так смелы, как перед мирным населением. Московский царь стал забирать у них один город за другим, и очень скоро Ливония очутилась в руках московских воевод. Иван подбирался уже к самому морю, но тут в дело вмешались ближайшие соседи — Швеция и Польша. Они об'явили войну Москве, чтобы отнять у нее Прибалтику.

Война затянулась. У Москвы теперь были многочисленные и сильные противники, а в самой Москве не было единодушия. Мелкие помещики, дворяне, хотели продолжать войну, чтобы захватить новые земли, а у бояр земель было достаточно, торговля с Западом их тоже не интересовала, для них война была только лишним расходом и беспокойством. Сильвестр и Адашев были против войны. Но Иван уже не доверял попрежнему этим советчикам. Он видел, что они держат во многих делах руку бояр, которых Иван считал врагами государства и своими личными. Он убедился, что не может вполне положиться на Адашева и Сильвестра после взятия Казани. Иван тогда очень тяжело заболел. Все думали, что он не выживет. Иван велел созвать во дворец бояр, чтобы они присягнули его маленькому сыну Дмитрию. Но нашелся другой претендент на престол—князь Владимир Андреевич Старицкий. Несколько дней при дворе шли споры, чуть ли не драки. Больной, почти умирающий царь тревожно прислушивался к крикам бояр из своей комнаты. Многие бояре поддерживали Старицкого, говоря, что не хотят присягать ребенку, вместо которого будут править его родичи. Поддерживал Старицкого и Сильвестр, а Адашев держался весьма уклончиво. В конце концов бояре все-таки присягнули маленькому Дмитрию, а там и сам царь поправился. Но он не забыл этой истории.

Враждебное отношение Адашева к войне за Ливонию совсем рассорило его с царем. И дело кончилось тем, что Иван



Ливонский город Ревель. С гравюры XVII века.

назначил его начальником одного из завоеванных городов, а Сильвестра сослал в монастырь.

Иван стал преследовать бояр — друзей Адашева и Сильвестра. Среди них был князь Курбский, командовавший в то время войском. Тогда Курбский изменил своей родине: он вступил в переговоры с поляками, потерпел поражение, повидимому умышленно, и перешел к врагам.

Иван узнал об измене Курбского, которого очень любил и ценил как полководца. Он стал еще подозрительнее относиться к боярам. Он видел, что бояре нарочно затягивают войну, и понимал, что удачно воевать он сможет только тогда, когда заберет **всю власть в свои руки.** Каждый боярин в своих владениях был настоящим маленьким государем; если б бояре об'единились против царя, то Московское государство распалось бы на отдельные куски и любая иностранная держава могла бы завладеть ими. Иван всюду видел боярские заговоры и восстания. Он казнил бояр без милосердия, не даром получил он прозвище Грозного. Но чем больше казнил, тем больше боялся. И, наконец, предпринял необычайные меры.

ОПРИЧНИНА

В ДЕКАБРЕ 1564 года, в разгар войны за Балтийское море, царь внезапно покинул Москву. Он взял с собой тех придворных, которым доверял, и всякое имущество: дорогую посуду, одежду, казну. Длинный царский поезд поехал по направлению сперва к Троицкому монастырю, к теперешнему городу Загорску, а затем дальше, пока не остановился в крупном царском имении — в Александровской слободе.

Там был у Ивана дворец, окруженный крепкими стенами. Запершись в этой крепости, Иван послал в Москву грамоту о том, что отказывается быть царем, так как бояре ему изменяют, перебегают на сторону врагов и своевольничают в государстве. А купечеству и простым людям Иван писал, что на них он не в обиде, «гнева на них не держит».

Москва пришла в смятение: закрылись лавки, опустели приказы, прервались все обычные дела. Простой народ понимал, что если власть заберут бояре, то грабежи пойдут еще пуще прежнего. Народ кричал, чтоб Иван вернулся на царство и защитил его от лиходеев и грабителей — бояр. А бояре и духовенство насмерть перепугались того, что народ восстанет против них, и бросились в Александровскую слободу умолять Ивана вернуться. Тот согласился, но поставил условием, что он будет впредь казнить своих изменни-

ков без пощады, а кроме того возьмет себе в собственность, «в опричнину», как тогда говорили, целый ряд земель Московского государства и заведет там такой порядок, какой пожелает.

Со взятых в опричнину земель Иван согнал бояр и их сторонников и посадил туда тех людей из мелкого дворянства, которым доверял. Эти люди стали называться опричниками. Они присягали, что отказываются от родителей, детей и друзей, что будут служить царю, выслеживать его врагов, грызть им горло, как собаки, и выметать из страны измену. В знак этого у седла каждого опричника болтались собачья голова и метла.

Иван хотел создать в помощь себе силу, на которую он мог бы опереться, и разгромить бояр. Поэтому он дал опричникам большую власть. Но они ею злоупотребляли. От опричнины страдали не только бояре, но и крестьяне. Когда опричники подозревали какого-нибудь боярина в измене, они разоряли принадлежавшие ему земли, сжигали деревни, убивали скот. Опричники насильно переселяли боярских крестьян в свои поместья, не стесняясь для этого никакими средствами.

Опричник.

Эти грабежи стали смущать Ивана. К тому же опричнина сыграла свою роль: множество бояр было истреблено, самодержавная власть царя стала единственной властью в Московском государстве. Один иностранец писал: «Нынешний великий князь добился того, что только он один и правит. Все, что ни прикажет он,— все исполняется, а все, что запретит, действительно остается под запретом».

Опричнина была больше ненужна, и Иван ее отменил.

КОНЕЦ ЖИЗНИ ИВАНА

МОСКОВСКОЕ государство переживало тревожные дни. С юга грозила новая опасность: усилились набеги крымских татар на русские границы. Татары разоряли селения, уводили с собой пленных и продавали их в рабство. В 1571 году крымский хан Девлет Гирей добрался даже до Москвы и сжег весь город, за исключением Кремля. Много тысяч народа погибло в пламени.

Война за прибалтийские земли тянулась 24 года и стоила Московскому государству огромного напряжения сил, но кончилась она неудачно: поляки, шведы и литовцы отняли у Грозного те земли, которые он, было, завоевал, и поделили между собой Ливонию. Для торговли Москвы с Западом опять осталось только Белое море.

В 1584 году Ивану Грозному было 54 года, но он казался дряхлым стариком, так истощила его организм полная тревог и волнений жизнь. Да к тому же он много пьянствовал. Он был болен, силы его уходили с каждым днем. Однажды, почувствовав себя немножко лучше, царь сел играть в шахматы и тут же внезапно умер.

Несмотря на неудачи ливонской войны Иван Васильевич Грозный оставил после себя единое, крепкое и могущественное государство, которое в состоянии было защищать свои границы от врагов. Это нелегко далось всему русскому народу; особенно тяжело пришлось крестьянству. Но как ни страшно было время Ивана Грозного с постоянными войнами и казнями, с притеснением и грабежом крестьян помещиками, государство Московское при нем усилилось и оказалось достаточно сильным, чтоб впоследствии отстоять себя от притязаний Польши и занять при Петре Великом крупное место среди европейских государств.

Летающая станция

Фантастический роман Г. Гребнева *Рис. Ю. Кискачи*

Часть вторая

Будут существовать больницы для умерших

Это была просторная комната, облицованная большими, цвета слоновой кости кафельными плитами. Посреди комнаты стояло сооружение из белого мрамора, отдаленно напоминавшее огромный саркофаг, с той разницей, что никаких надписей и рельефных изображений на верхней его крышке не было. Подле большого окна, в углу, стоял стол, уставленный стеклянными сосудами с трубками, и металлические ящики, соединенные проводами.

Группа корреспондентов в белых халатах, окружив профессора Британова, седого, величественного старика, внимательно и почтительно слушала его. Профессор об'яснял устройство и назначение мраморного саркофага.

— Тело замерзшего мальчика,— говорил профессор,— еще до моего прилета помещено вместе с куском льда, в котором оно заключено, в эту мраморную кану, соединенную с термоэлектронной установкой. Вы видите установку вон там, в углу. Здесь происходит измерение количества льда в организме мальчика. Я вас предупреждал: ничего исключительного в этой комнате нет. Взглянуть на тело сейчас нельзя, да я его и сам еще не видел. Местные врачи изолировали его еще до моего прилета. Я их просил об этом по радио. Это только первый шаг. Для того чтобы представить себе всю серьезность предстоящей работы, необходимо уяснить, что случилось с мальчиком, тело которого заключено вот в эту кану. Человеческий организм оледенел под воздействием низкой температуры. Что это значит с точки зрения науки об анабиозе?..

Профессор выдержал паузу. Тишину нарушал лишь легкий шорох валиков портативных фонографов, висевших на груди у всех корреспондентов.

— Произошло вот что: в этом организме прекратилось кровообращение, затем кровь, лимфа и межклеточная жидкость кристаллизовались. Все жидкие элементы организма, кристаллизуясь в сравнительно короткий срок обезводили органическую клетку. Это произошло путем наращивания кристаллов вне клетки. Разрастаясь, кристаллы как бы вытягивали из клетки сок. Стенки клеток сжались, потрескались, покоробились. Простите, что я так примитивно об'ясняю.

— Ничего, ничего. Очень хорошо,— нестройно загудели корреспонденты.

— Но это еще не все. Коллоиды, то есть, иначе говоря, различные металлические и минеральные соединения, растворенные в крови и в межклеточной жидкости, как бы осели на стенках кровеносных сосудов и клеток.

— Живая ткань омертвела и распалась,— подсказал один из журналистов.

Профессор улыбнулся и отрицательно покачал головой:

— Нет. Не распалась. Вот на этом-то и основаны мои работы по оживлению замерзших организмов. Если мы возьмем такой процесс, как гниение, и сравним его с обмораживанием, разница получится колоссальная. Гниение именно и есть распадение всех элементов организма. Обмораживание хоть и вносит в организм серьезные разрушения, но не уничтожает его.

— Я уже говорил,— продолжал профессор после небольшой паузы,— мы, ученые, не просто размораживаем трупы: мы ищем путей к жизни человека, столь долгой, что она будет уже эквивалентна бессмертию.

— Бессмертна только амеба, профессор. Она размножается делением...

Корреспонденты обернулись к маленькому коротконогому человеку в больших желто-зеленых полярных очках-светофильтрах, произнесшему эту фразу.

Профессор внимательно поглядел на своего неожиданного оппонента (очкастый человек стоял позади всех).

— Вы, товарищ Мерс, твердо уверены в том, что бессмертна только амеба? — спросил профессор.

— Да. Совершенно твердо.

— А вот у меня вызывает сомнение

человек. Я подозреваю, что человек, даже не размножаясь делением, станет в будущем бессмертным.

— Об'ясните! Убедительно просим! — зашумели корреспонденты.

Профессор задумался.

— Это очень сложный вопрос,— сказал он наконец.—Вы знаете, что медицина сейчас уже располагает такими средствами, которые позволяют ей восстанавливать любой орган человеческого тела, вплоть до клеток нервного волокна, поврежденного болезнью или старостью. Кстати, как видно из последних работ профессора Гофмана, старость — это тоже болезнь... Так вот. Мы можем у человека, страдающего пороком сердца, извлечь его больное сердце, произвести в нем, если можно так выразиться, капитальный ремонт и водворить обратно. Мы искусственным путем можем вызвать сокращение сердечных мышц. Идея искусственного сердца — аппарата, снабжающего кровью организм во время этой обыденной хирургической операции,— берет свое начало от автожектора доктора Брюхоненко. Весь фокус в том, что Брюхоненко не давал организму умирать: он находу переключал организм на искусственное сердце и обратно. Другое дело, если человек умер... Кровь умершего человека продолжает жить еще восемь часов после остановки сердца. Не сразу умирают и некоторые другие элементы организма, но с момента остановки сердца, паралича мозга и дыхательных органов во всем организме умершего начинаются большие физические и химические изменения. Сейчас мы еще не можем устранить эти изменения, но уже с некоторыми видами смерти мы научились бороться, например со смертью, вызванной холодом. Мы сейчас уже имеем право сказать, что для нас человек замерзший не есть умерший, мы рассматриваем его как суб'екта, подвергшегося тягчайшей болезни. И я замерзшего мальчика собираюсь не воскрешать, как о том возвестили многие газеты: я собираюсь его вылечить...

— Вылечить от смерти?.. — спросил Мерс.

— Вылечить от смерти,— твердо сказал профессор.— Может быть, вас это ошеломит, но я заявляю, что в скором времени будут существовать особые больницы для умерших от холода... Я, по крайней мере, собираюсь в недалеком будущем организовать такую клинику. Потом можно будет попытаться оживить и любого умершего. Немедленное замораживание трупа только что умершего человека позволит нам устранить основную причину его смерти, а затем уже мы легко выведем его из анабиоза, вызванного холодом. Вот над чем я работаю уже тридцать лет.

Мерс вместе со всеми выдержал паузу и вкрадчиво спросил:

— А если человек умрет насильственной смертью? Ну, например, от сильного удара с полным размозжением головы?

На мгновенье стало тихо. Потом корреспонденты сразу все зашумели, зашевелились, послышались возмущенные восклицания:

— Бред!

— Дикая фантазия!..

Мерс стоял, чуть склонив голову на бок, и, повидимому, ни малейшего внимания не обращал на шум.

Здесь уместно будет познакомить читателя с тем, кого профессор Британов называл Мерсом. Этот маленький круглый человек появился на острове накануне ночью. Утром он пришел к профессору, прибывшему в Арктику со сверхскоростным стратопланом, и, назвавшись специальным корреспондентом «Антарктического биологического радиовестника», взял у профессора интервью о применении радия при размораживании обмерзших организмов. Уже при первом свидании профессор обратил внимание на странную внешность антарктического корреспондента: у него было круглое женоподобное лицо, необычайно бледное. При первом взгляде на него профессор определил злокачественное малокровие, но, наблюдая дальше, заколебался: у Мерса лицо было не бледное, а какого-то фарфорового цвета. «Отсутствие пигмента в коже»,— решил профессор.

С желто-зелеными очками Мерс, видимо, никогда не расставался.

— Почему вы носите светофильтры? — спросил Британов.

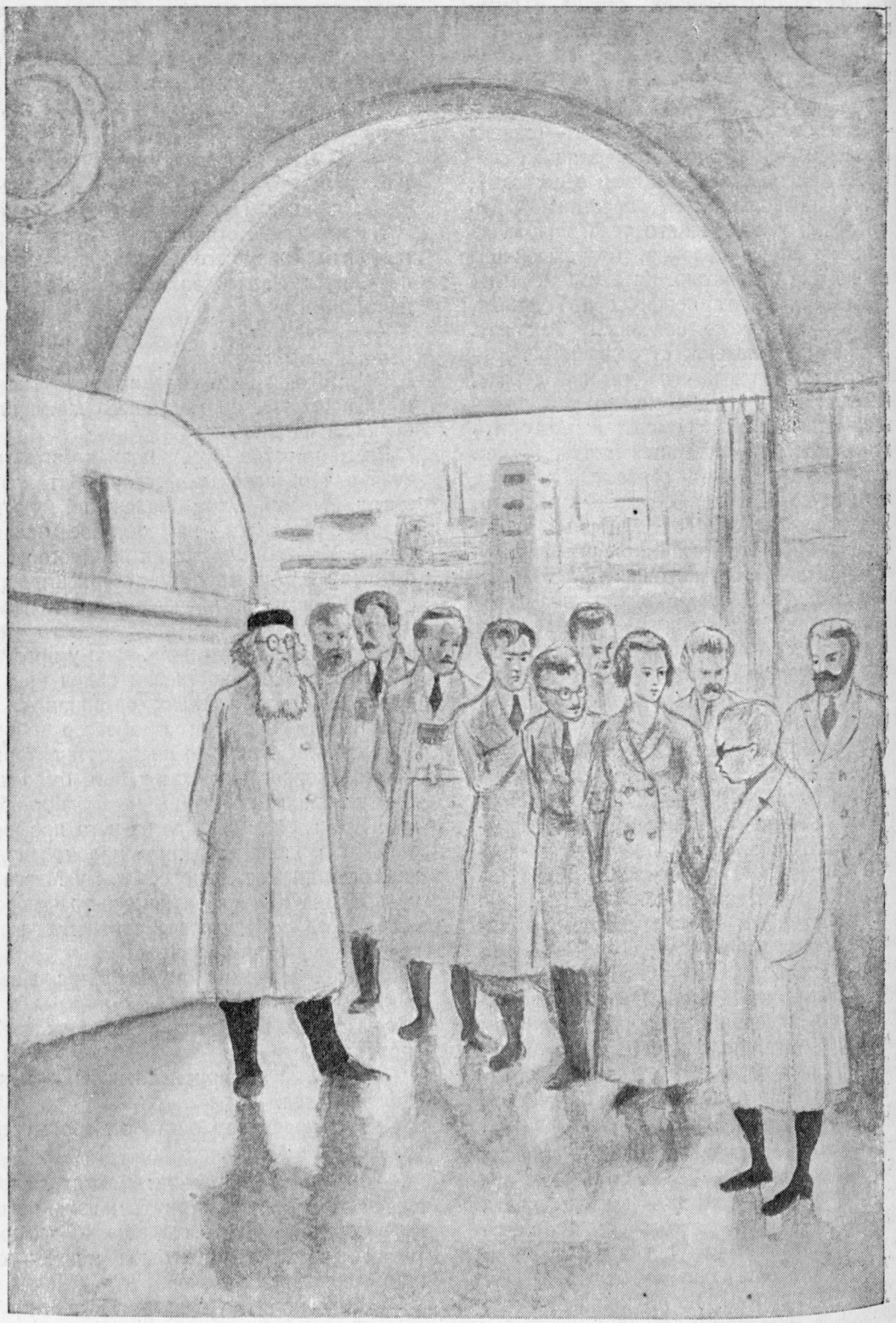
— Остатки полярной слепоты, — нехотя ответил Мерс.

Сейчас профессор опять с любопытством разглядывал Мерса.

— Вы хотите спросить: сможет ли в будущем наша наука вернуть жизнь человеку, у которого будет совершенно деформирован или даже уничтожен мозг? — спокойно спросил Британов.

— Да,— коротко ответил Мерс.

— Сможет. Это не отвлеченные мои утопические размышления, а твердая вера в гений науки коммунистического общества. Я думаю, что я ответил на ваш вопрос, то-



Профессор с любопытством разглядывал Марса.

варищ Мерс,—закончил профессор и отвернулся от бледного антарктического корреспондента.

— Вы меня простите, товарищи,— сказал он, взглянув на часы-перстень,— я не могу задерживать вас в этой комнате. Длительное пребывание здесь такой большой группы людей может вызвать скачок температуры в кане. Я, кажется, не удовлетворил вашей любознательности и не рассказал о сущности предстоящей своей работы. Но я надеюсь, что мы еще не в последний раз встречаемся.

Потрясающее сообщение Ирины Ветлугиной

Ирина сидела между двумя койками. Справа лежал Владимир Ветлугин, слева, спустив ноги, обутые в мягкие комнатные туфли, сидел дед Андрейчик.

В этой палате они лежали вдвоем: Владимир Ветлугин и его тесть. Здесь было тихо и уютно. На подоконнике стояли цветы и маленький аквариум с красивыми амазонскими рыбками-полумесяцами.

Ирина, ее муж и дед Андрейчик молчали, и оттого больничный уют, тишина, цветы и даже ярко раскрашенные рыбки в аквариуме казались печальными, как тишина и цветы на похоронах. Каждый думал по-своему, но все об одном и том же — о погибшем мальчике.

— Я не могу себе простить,— сказала Ирина,— почему я в тот день не сказала при нем, что будет буря.

— Откуда тебе знать, что он такое выдумает? Это я, старый осел, знал о его затеях и молчал,— сокрушенным тоном произнес дед Андрейчик.

И снова воцарилась тягостная тишина. Ирина закрыла глаза. Перед глазами у нее тотчас же возникла мраморная гробница в пустой, выложенной кафелем комнате. Величественный старик с головой микельанджеловского Моисея стоял подле мраморной каны и говорил: «Это твердая вера в гений науки...»

Молчание нарушил Ветлугин, он будто рассуждал вслух:

— Это — преступление....

Дед Андрейчик взглянул на него вопросительно:

— Ты о чем?

— Это — преступление,— словно не расслышав вопроса, продолжал Ветлугин.

Он поднял над одеялом свои забинтованные руки.

— Подарить ребенку самолет и разрешить ему летать у полюса, где погода меняется каждые полчаса!

Ветлугин приподнялся на локтях. Дед Андрейчик вопросительно взглянул на бледное возбужденное лицо зятя.

— При чем тут полюс? Просто мы с тобой растяпы.

Ветлугин подержался еще немного на локтях и опустился на подушку.

— А я все-таки надеюсь на этого профессора. Если бы он не был так уверен, он не взялся бы за это дело. Факт! — убежденно сказал старик.

— Он даже не называет это опытом. Он все время говорит: моя работа. Я тоже в него верю,— в раздумье произнесла Ирина.—Верю, и все же чего-то боюсь...

Снова наступило молчание, слышно было только, как посапывал дед Андрейчик.

В дверях появилась няня.

— Ирина Степановна, — сказала она.— Профессор Сергей Сергеевич Британов просит вас зайти в операционную.

Ирина тревожно взглянула на мужа и торопливо вышла.

Дед Андрейчик засопел еще громче и ни с того ни с сего стал на своей койке старательно приводить в порядок сбившееся на сторону одеяло. Ветлугин хмуро наблюдал за ним. Оба они понимали, что случилось что-то серьезное, иначе профессор не вызвал бы Ирину так экстренно в операционную, где он работал уже над трупом Юры.

«Но что же могло случиться?» — этот томительный вопрос не выходил из головы у старика и Ветлугина.

Ирина появилась в дверях внезапно. Она остановилась и обвела всех изумленным, растерянным взглядом.

— Володя! — крикнула она и бросилась к мужу. — Володя! Это не он!

— Кто не он? — тихо спросил Ветлугин.

— Не он! Не он! Не Юра! — закричала она и, спотыкаясь, побежала по комнате.— Это другой мальчик!..

Странные гости на станции „Северный полюс“

Свенсон находился в диспетчерской станции «Северный полюс». Вдруг он услышал глухой, но очень сильный удар, похожий на взрыв. Свенсон взглянул на репродуктор внутреннего радиофона. Прошло двадцать секунд; никто ничего не сообщал. Свенсон выбежал на площадку. Подле стеклянного барьера стояли два механика, ме-

теоролог, пилот-разведчик, океанограф и показывали пальцами куда-то вдаль. Свенсон пошел осведомиться, что их там заинтересовало.

— А вот взгляните, Свенсон, вон туда и скажите, что там происходит? — сказал один из механиков и передал Свенсону биноскоп.

Свенсон взял биноскоп. Действительно, то, что он увидел, показалось ему очень странным: приблизительно в полукилометре от станции, во льду, который плотным массивным полем лежал на много километров вокруг, образовалась огромная полынья диаметром метров в пятьдесят. Свенсон знал, что ледяные поля в районе станции в эти дни достигают трех метров толщины, в шторм они часто трескаются, взламываются льдины, с грохотом нагромождаются одна на другую, но очень редко в тихую погоду здесь образуются такие большие полыньи. Воронка же почти правильной круглой формы, с огромными глыбами льда по краям, выброшенными каким-то неведомым могучим ударом снизу, из воды,— это было действительно диковинное явление. Свенсон родился и вырос в Арктике и знал все, что касалось льда и воды северных полярных морей, но такую полынью он видел впервые.

Свенсон уже хотел было сходить к радиосейсмографу посмотреть, не зарегистрировал ли он землетрясение или вулканическое извержение на дне океана в районе полюса, как вдруг странное движение в полынье привлекло его внимание. Гидрограф поднес к глазам биноскоп и ясно увидел, что из воды поднимается башенка подводного судна. Затем крышка в башне откинулась, и на лед полетел трап с кошками на конце. Немного погодя по трапу стали подниматься люди: один, другой, третий...

О том, что какое-то подводное судно взорвало лед и, пользуясь воронкой, всплыло на поверхность, уже догадались и Свенсон и остальные работники станции. И все же Свенсон был удивлен: с тех пор как подводные корабли стали совершать безостановочные тысячекилометровые переходы подо льдом, ему никогда не приходилось видеть, чтобы субмарина таким образом выбиралась на поверхность. Он уже твердо был уверен, что на судне случилась серьезная авария и людям нужна помощь станции.

Трое людей, поднявшихся на лед, приближались к станции; они спотыкались и неловко ковыляли среди глыб и ледяной крошки, выброшенных взрывом.

Свенсон велел одному из механиков, Хьюзу, спустить под'емник. Люди поднялись. Свенсон направился к ним навстречу, но гости остановились, не подходя близко и не произнося никакого приветствия. Один из них, косоглазый, скуластый старик-японец с зеленоватым лицом, вяло глядя в лицо Свенсону, спросил:

— Вы Свенсон?

— Я,— сказал Свенсон, недоумевая, откуда может знать его фамилию этот старик.

Дальше последовало несколько вопросов подряд. Японец задавал их безразлично, словно следователь, которому подобные вопросы уже надоели и сам допрашиваемый нисколько не интересен. Говорил он на плохом английском языке.

— Вы замещаете Ветлугина?

— Да.

— Сам Ветлугин где?

— На острове Седова.

— Жена Ветлугина где?

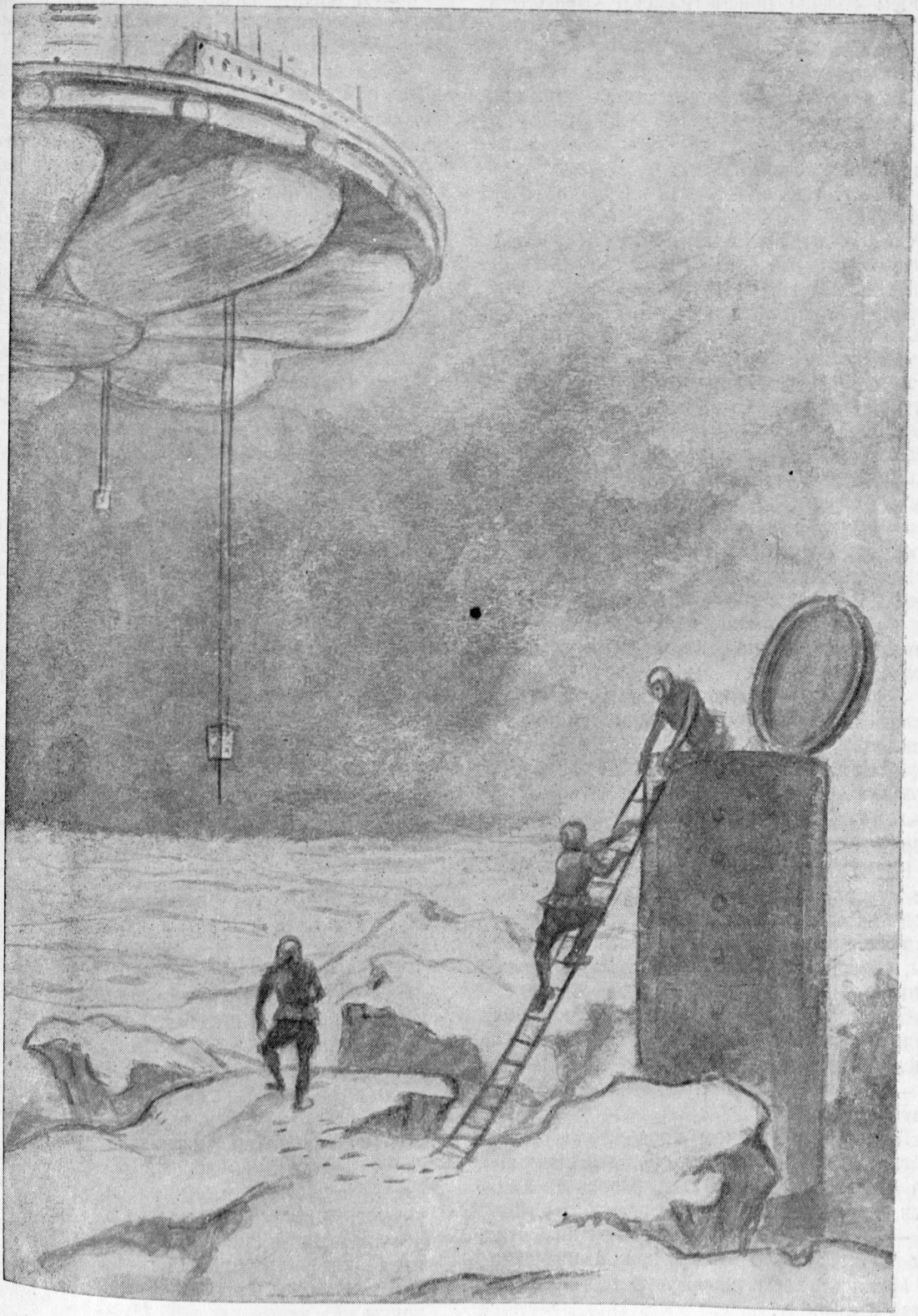
— Там же.

— Они должны были сегодня прилететь уже на станцию. Мы имеем об этом сведения.

— Да. Они задержались еще на день.

Японец оглянулся на своих спутников и заговорил с ними на каком-то непонятном гортанном языке, явно неевропейском.

Торопливость была несвойственна Свенсону. Он видел, что группа работников станции сгорает от желания узнать, кто такие подводные путешественники и что заставило их подняться на поверхность. Но Свенсон молчал, пристально разглядывая неожиданных гостей. Все в них казалось ему непонятным и необычайным. Одеты все трое были почти одинаково: на них были серые короткие куртки, подбитые мехом, стального цвета военные рейтузы, желтые краги на ногах и лисьи малахаи на головах. Но особенно поразительными казались их лица. Свенсон знал, что лица подводников всегда отличаются некоторой бледностью, у этих двоих лица были даже не бледные, а какие-то белые, будто фарфоровые. У старого же японца бледность породила зловещую зелень на лице. Кроме того все трое оседлали свои носы желто-зелеными светофильтрами, хотя положение солнца в это время не было угрожающим для зрения.



Свенсон велел одному из механиков, Хьюву, спустить под'емник.

Чем больше присматривался Свенсон к загадочным посетителям, тем больше недоумевал.

— Может быть, я или мои сотрудники сможем вам быть полезными? — спросил, наконец, Свенсон.

Старик навел на него свои желто-зеленые окуляры, помолчал и промямлил:

— Нет. Нам нужен кто-нибудь из Ветлугиных.

Свенсон стал об'яснять, что случилось и почему вся семья Ветлугиных оказалась на острове Седова, но старик бесцеремонно перебил его.

— Мы все знаем. Мы думали, что здесь осталась жена Ветлугина.

— Вам с Ветлугиным необходимо говорить по личному делу или по служебному? — спросил Свенсон.

— По личному.

— Вы можете поговорить с ним отсюда по радиофону.

— Нет, — старик мотнул головой, — мне нужен разговор с глазу на глаз.

Затем последовали новые переговоры между стариком и его бледными спутниками на непонятном наречии. Свенсон терпеливо ждал. Наконец, когда гости умолкли, сказал:

— Мне показалось, что ваше судно поднялось на поверхность из-за какой-то аварии.

— Нет. Все благополучно,— промямлил старик.

— Вы шли из Европы в Америку или в обратном направлении? — спросил Свенсон.

На этот раз японец ничего не ответил; он отвернулся от Свенсона и произнес несколько слов на своем таинственном языке. Его спутники, застывшие словно ад'ютанты, повернулись на каблуках. Все трое зашагали к под'емнику.

Старик вел себя вызывающе. Это расшевелило даже флегматичного норвежца. Он сделал шаг вперед и сказал:

— Хелло, товарищи! Об'ясните, что значит эта комедия!

Подводники гуськом продолжали пробираться к под'емнику, не обращая внимания на слова Свенсона. Тогда норвежец засопел и крикнул каркающим голосом:

— Хелло, Хьюз! Спустишь вниз этих людей только по моему приказанию!

Механик Хьюз запер люк под'емника и стал в сторону.

Странные посетители остановились и повернули к Свенсону свои фарфоровые физиономии.

— Я прошу сейчас же спустить нас на лед, — негромко, но внятно сказал старик-японец.

— Я должен знать, кто вы такие и зачем пожаловали на станцию, — спокойно сказал Свенсон.

Спутники японца мгновенно забросили руки назад и стали отстегивать что-то подле задних карманов. Старик строго взглянул на них, и они опустили руки.

— Мы... океанографическая экспедиция... — с досадой сказал старик.

— Фамилия? — резко спросил Свенсон.

— Мы... мое имя Осуда... профессор Осуда.

Свенсон вопросительно взглянул на океанографа Валя, сотрудника станции, вместе с группой других наблюдавшего эту сцену. Валь пожал плечами, давая понять, что о таком профессоре океанографических наук он не слыхал.

— Что вам здесь нужно?

Свенсон спрашивал спокойным тоном, но формой вопросов явно мстил посетителям-невежам за их нежелание об'яснить цели своего визита.

— Ветлугин — мой старый друг... — сказал старик.

Гидрограф задал еще несколько вопросов и велел спустить всех троих на лед.

Они спустились, добрались до своей воронки и полезли вниз по трапу к башенке субмарины.

Юру Ветлугина ищет вторая экспедиция

25 мая, утром, корреспонденты радиогазет передали с острова Георгия Седова сообщение:

«21 мая спасательная экспедиция доставила на остров труп мальчика, погибшего на льду во время шторма. Врачи островной больницы обратили внимание на темный цвет кожи рук и лица погибшего. Недоумение вызвала также одежда мальчика. Вчера вечером труп был вынут из мраморной каны, в которой производилось оттаивание под высоким давлением. С мальчика сняли одежду. Это действительно был каучуковый глубинный скафандр с металлическим креплением. Шлема и камер верхних конечностей (рукавов) не оказалось. Под скафандром на трупе были надеты одни трусы.

Профессор Британов показал матери Юры Ветлугина труп ее сына. Молодая женщина едва не лишилась сознания, когда увидела

его: перед нею лежал чужой мальчик. Только тогда для всех стало очевидным, что спасательная экспедиция нашла на льду какого-то другого, неизвестного замерзшего мальчика. Дед и отец Юры Ветлугина были подобраны другим звеном экспедиции. Они не могли видеть льдину с трупом, а мать Юры, Ирина Ветлугина, прибыла на остров уже после того, как глыба льда была водворена в дилатометрическую кану.

Нам точно известно, что Юра Ветлугин вылетел со станции один. Непонятно, каким образом очутился во льду на 86-й параллели второй мальчик.

Командир дивизиона и пилоты спасательной экспедиции утверждают, что все пространство в 23 тысячи квадратных километров, на котором 21 мая свирепствовал шторм, обследовано самым тщательным образом: подобраны не только люди, но даже обломки разбитого автожира, самолета-«молнии» и отцепной кабины, в которой спустились Владимир Ветлугин и старик Андрейчик. Подобрана также и электрокирка Юры, которой он рубил лед. На льду оставлен лишь дохлый моржонок, который служил для Юры Ветлугина своеобразным посадочным знаком во время поисков трупа Амундсена.

Сегодня же, как только была обнаружена ошибка, 60 легких самолетов-разведчиков вылетели на поиски исчезнувшего Юры Ветлугина. Вечером все 60 самолетов вернулись на остров Седова. 20 машин самым тщательным образом обследовали район, где был обнаружен разбитый автожир «Полярный жук». Остальные 40 машин взяли под наблюдение соседние районы и буквально обшарили каждый километр льда на площади в 200 тысяч квадратных километров. Найти мальчика не удалось. Опытные летчики и альпинисты, участвовавшие в поисках, допускают, что Юра Ветлугин во время шторма угодил в трещину, пошел под лед и утонул. Иного об'яснения такого бесследного исчезновения мальчика летчики и альпинисты дать не могли».

Корреспондентам удалось переговорить с профессором Британовым. Профессор смог уделить им 20 секунд. Радиогазеты передали собственные слова профессора Британова, записанные фонографом. Вот они:

«Я приступил к работам по выведению из анабиотического состояния пораженного холодом неизвестного мальчика. Дилатометр показал, что мальчик оледенел пять лет назад. Это не отразится на результатах моей работы. Вся операция протекает нормально. Я уверен в благоприятном исходе работы. Кстати, врачей и пилотов поразила странная окраска кожи мальчика. Теперь я понял, в чем тут дело: темная кожа является для мальчика естественной: он не принадлежит к белой расе...»

Водоход идет по дну бассейна

Мерс всхрапнул, пожевал губами и открыл глаза. В комнате было темно, только розовые огоньки радиевых часов светились на стене. Мерс прищурился, взглянул на часы и тотчас же вскочил. Заслонил где-то у окна тонкий луч света, направленный на катодную лампу, и послушное реле швырнуло вверх от подоконника к потолку темную вуалетку. Буйный поток утреннего света ворвался в комнату. Мерс прикрыл глаза от света и слепо слепец стал шарить на ночном столике. Наконец нащупал очки-светофильтры, надел их и только тогда спокойно огляделся вокруг. Затем надел канареечную пижаму и направился в смежную комнату. Называлась она ванной. Здесь находились ванна, великолепный мраморно-зеркальный умывальник, с потолка свешивались гимнастические кольца, в углу стояли гантели[1], с пола поднимался и вился змеевиком вверх спиральный душ. Тут же, в стене, устроена была воздушная ниша, теплыми струями воздуха она заменяла простыню. Эта светлая, просторная, сверху донизу выложенная фаянсовыми арабесками[2] комната как бы делилась на две части: отгороженную барьером часть комнаты занимал бассейн.

Мерс заглянул в бассейн, отвернул один из пяти кранов и вышел. Затем он вызвал по внутреннему радиофону буфет и попросил подать завтрак в его комнату.

Через пятнадцать минут молодой, розовощекий санитар остановился у двери комнаты № 15 и, приветливо улыбаясь в рамку комнатного стереовизора, вделанную вместе с микрофоном в дверь, сказал:

— Вы, если не ошибаюсь, просили подать завтрак?..

Санитару никто не ответил. Он переступил с ноги на ногу, покосился вверх на репродуктор и уже громче повторил:

— Алло! Если не ошибаюсь, вы просили завтрак?.. Он уже поступил к вам в комнату. Разрешите накрыть стол.

---

[1] Гантели — ручные гимнастические снаряды, два литых чугунных шара, соединенных осью.

[2] Фаянсовые плитки с причудливым рисунком.

Никто не отозвался.

Санитар тронул дверь — она оказалась незапертой, — вошел, оглянулся: никого. В комнате на столике стоял изящный портативный словофон, похожий на флакон духов, с небольшим раструбом вместо горлышка.

— Накройте стол и можете идти, — сказал сухим, потрескивающим голосом словофон.

Санитар открыл в стене дверцу пневматического конвейера: завтрак, посланный из буфета, был уже в конвейерной нише. Санитар поставил поднос на маленький столик, расставил приборы и завтрак. Он хотел было уйти, но в этот момент из ванной послышался плеск воды. Санитар прислушался и сказал негромко:

— Товарищ Мерс, завтрак у вас в комнате.

Ответа не последовало. Из ванной опять послышались фырканье и плеск.

Санитар постоял в раздумье. Он уже знал, что жилец из комнаты № 15 отличается нелюдимым характером и неприятными манерами. То, что Мерс и сейчас отмалчивается, очевидно, входило в его обычную манеру обращения с персоналом больницы. Подумав с минуту, санитар решил все же дать о себе знать Мерсу.

— Стол накрыт. Вам больше ничего не нужно? — громко спросил он.

Но и на этот раз в ответ раздалось только продолжительное сопенье. Не случилось ли чего? Санитар тихонько толкнул дверь ванной — эта дверь также оказалась незапертой. Шагнул смелее, приблизился к бассейну и испуганно попятился к двери...

В бассейне, до краев наполненном водой, на бледнорозовом мозаичном дне его, разбросав в стороны руки и ноги, лежал великан с огромной стальной головой и с железными клешнями вместо кистей рук. На поверхность воды головастое чудовище выбрасывало с громким плеском и сопеньем пенистый фонтан. Затем внезапно сопенье прекратилось, и великан затих.

Санитар выпрыгнул из ванной, растерянно метнулся по комнате, заколотил кулаком в стену соседней комнаты, а потом, видимо, вспомнив о внутренней сигнализации, нажал кнопку у кровати с надписью «Экстренный вызов». Через минуту в комнату № 15 ворвались сразу трое: дежурный врач, уборщица и старик Андрейчик, поселившийся по соседству с Мерсом после выхода из больницы.

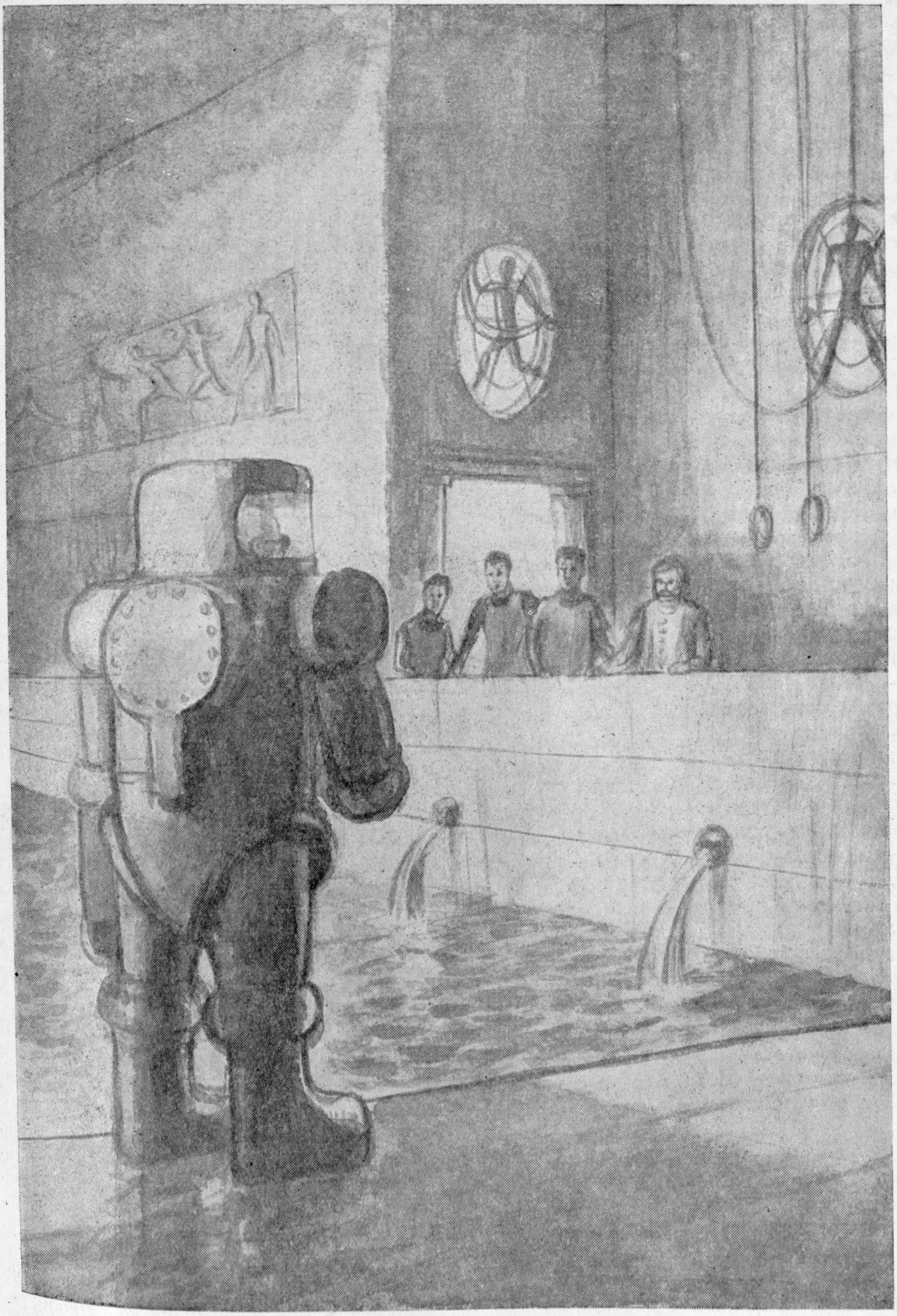
— Там!.. — заплетающимся языком сказал бледный санитар и указал на ванную.— Посмотрите...

Дежурный врач решительно шагнул вперед, а за ним двинулись остальные. Вошли и застыли с изумленными лицами: великан с металлической головой продолжал лежать на дне бассейна; потом он шевельнул железной клешней, уперся ею в дно и сел.

Для всех уже было ясно, что перед ними водолаз, но кто именно находится в скафандре и зачем этому чудаку понадобилось спускаться в комнатный бассейн в костюме водолаза, — этого ни врач, ни санитар, ни уборщица понять не могли. Дед Андрейчик, стоял, опершись на барьерчик, и с интересом следил за поведением водолаза.

Водолаз между тем довольно легко встал в воде на ноги и пошел по дну бассейна к ступенькам. Тяжко ступая высокими, как японские гета, свинцовыми подошвами, взошел он по лестнице, остановился перед изумленными «спасателями» и стал распадаться у них на глазах. Сперва на пол упал один рукав с клешней, потом другой, затем, повозившись у подбородка, комнатный подводник как крышку откинул назад тяжелый шлем. Под шлемом оказалась круглая фарфоровая физиономия Мерса с неизменными оранжевыми очками на носу. Сердито сопя и бросая злобные, косые взгляды из-под очков на непрошенных гостей, антарктический корреспондент отцепил укрепленный у него за плечами баллоновидный аппарат, очень напоминающий камеру для сжатого воздуха капитана Немо, как она представлена в иллюстрациях Риу к «80 тысячам лье» Жюль Верна.

Это была последняя модель скафандра, выпущенная месяц назад заводом подводных приборов и механизмов «Океанстрой». Назывался скафандр Водоходом — и назывался так не случайно. Это была уже не только защитная одежда водолаза. Водоход был самостоятельным механизмом: он передвигался по дну моря вместе с человеком, стоящим в нем; Водоход ходил в воде при помощи огромных круглых труб, напоминающих ноги человека; двумя верхними конечностями, снабженными автоматически выдвигаемыми инструментами, Водоход мог рыть дно, переносить различные предметы, сверлить, долбить, освещать, фотографировать и делать многое другое. Немного похожий внешне на гигантский комплект рыцарских доспехов, Водоход сооружен был из высококачественной легкой стали, способной выдержать давление до 300 атмосфер и удар разрывной



Тяжело ступая свинцовыми подошвами, водолаз взошел по лестнице и остановился перед изумленными «спасателями».

пули электронной «пращи Давида». Герметически закрытый, Водоход обогащал воздух необходимым для дыхания кислородом «собственного производства». Он электролизовал и разлагал воду при помощи комнатной аппаратуры, заключенной в баллоне. Выделяющийся при разложении воды газ аргон Водоход использовал для освещения дна и для получения электроэнергии от фотоэлемента, которым был снабжен. Каскадный усилитель наделял это морское стальное чудовище огромной силой. Это были скафандр и батисфера в одно и то же время, снабженные радиофоном. Он по желанию водолаза мог моментально всплыть в любом месте, даже посреди открытого океана, и в случае надобности плыть по воде как закрытая лодка, при помощи винта. Каучуковый скафандр со стальным креплением и с запасом сжатого воздуха, бывший в употреблении до водохода, вроде того, в котором был подобран на льду замерзший мальчик, выглядел по сравнению с ним так, как выглядел бы воздушный шар братьев Монгольфьер [1], случайно залетевший на газопонтонную станцию «Северный полюс».

Освободившись от своего громоздкого одеяния, Мерс поправил очки и холодно спросил:

— Чем обязан?

Врач и санитар переглянулись:

— Нас вызвали... Мы думали, случилось что-нибудь...

— Чепуха, — небрежно сказал Мерс и надул свои белые щеки. — Я опробовал кислородный прибор в этом скафандре.

— Вы подводник? — вежливо спросил врач.

— Любитель, — нехотя ответил Мерс.

Он явно ждал, чтобы непрошенные гости убрались восвояси.

Уборщица, санитар и врач, извинившись, вышли.

Когда дверь закрылась за врачом, Мерс направился к себе в комнату. Разложил здесь огромный чемодан и стал упаковывать в него легкие стальные части скафандра.

Кто-то кашлянул за его спиной. Мерс быстро обернулся: перед ним стоял дед Андрейчик.

— Вы... Вы разве не ушли? — спросил Мерс.

— Нет, — кротко сказал старик.

— Я сейчас ухожу, мне некогда.

— Я тоже ухожу. А вы гулять едете? Где вы раздобыли этот скафандр?

— Здесь. На острове.

— Давно?

— Вчера.

— Купили?

— Нет, занял. Посмотреть.

— Знаете, товарищ Мерс, о чем я хочу вас попросить? Пока вы будете гулять, дайте мне рассмотреть данный подводный костюмчик. Это — что-то новое. Я такого не видел. Так сказать, полный прогресс в подводном деле.

Старик говорил просительным тоном, но смотрел он на своего соседа отнюдь не просительно, скорее даже испытующе, словно проверял: даст или не даст?

— Нет, — резко сказал Мерс. — Он мне нужен.

— Жалко...

— Я сейчас буду переодеваться, — нетерпеливо сказал Мерс.

— А-а! Ну-ну. Переодевайтесь.

Старик пошел к двери.

— Да, — вспомнил он. — Вы сегодня в больницу придете?

— А что? — Мерс насторожился.

— Интересный сеанс предстоит. Известный бразильский языковед дель Грасиас будет по радио беседовать с ожившим мальчишкой.

Дед Андрейчик взялся за ручку двери.

— В какое время? — спросил Мерс.

— В двенадцать... — старик постоял с минуту. — Ну я пойду. Вы ведь переодеваться хотели.

Через несколько минут после ухода старика Мерс уже спускался по лестнице в вестибюль. В руках он держал тяжелый большой чемодан.

— С'езжаете? — спросил дежурный.

— Нет. Отлучаюсь. Прикажите подать аэросани. Поеду без водителя.

Дежурный связался с гаражом и попросил подать к под'езду аэросани.

Через минуту под самую дверь больничного дома подкатил изящный пепельный лимузин обтекаемой формы, маленький и изолированный как старинная танкетка, юркий и тихий как мышь. Это были аэросани последнего выпуска Горьковского автозавода. Вернее, это были ракетосани, но назывались они аэросанями по старой памяти в честь пропеллерных снеговых самокатов, появившихся еще в первые годы Октябрьской революции.

---

[1] Братья Монгольфьер — пионеры воздухоплавания.

Водитель вылез из саней, помог Мерсу укрепить позади кабины его чемодан, закрыл за ним дверку и отошел в сторону. Сани легким птичьим полетом пошли по снеговой дорожке по направлению к берегу.

Маршрутом саней Мерса никто не интересовался в тот день. Лишь один человек стоял у окна на втором этаже жилого дома больницы и не выпускал из поля биноскопа удалявшийся к морю лимузин. Это был дед Андрейчик. Он видел, как аэросани Мерса, нырнув за темную со снеговыми отметинами скалу, выпрыгнули прямо на береговой лед и пошли прочь от острова. От'ехав около полукилометра, Мерс вылез из саней и скрылся за ближайшим торосом.

Только тогда старик отнял от глаз свой телеоскопический бинокль.

Мальчик говорит на языке племени Золотая улитка

В четвертой палате больницы острова Седова ждали появления на экране стереовизора известного бразильского языковеда и этнографа Мартина дель Грасиас. В палате присутствовали профессор Британов, президент ирландской академии наук, знаменитый психиатр, профессор О'Фенрой, главный врач островной больницы, молодой человек по фамилии Дубинчик и Ася. Шесть корреспондентов, в том числе и Мерс, помещались в смежной комнате. Открытая дверь и дублетный экран стереовизора позволяли журналистам слышать и видеть все, что будет происходить в соседней комнате, и даже задавать в случае необходимости вопросы.

Внимание всех приковано было к загадочному пациенту профессора Британова. Он, этот пациент, находился в четвертой палате, и с ним должен был беседовать бразильский языковед.

Худенький мальчик, на вид лет тринадцати, одетый в белое больничное белье, укрытый до груди легким одеялом, полусидел на койке, обложенный подушками со всех сторон. Смуглое, будто подернутое табачным загаром лицо его казалось сонным и усталым. Большие черные глаза были прикрыты ресницами,— казалось, он дремал. Это и был тот самый мальчик, которого нашли 21 мая летчики противоштормового дивизиона замерзшим в глыбе льда. Профессор Британов блестяще довел до конца свой исторический опыт оживления замерзшего человека: мальчик дышал, видел, слышал, осязал, обонял. Единственное, что отличало его от прочих людей,— это общая слабость, постоянная сонливость и апатия. Профессор О'Фенрой тщательно исследовал мальчика и пришел к выводу: физически мальчик вполне нормален, апатия и сонливость — следствие общей слабости, которая в свою очередь вызвана применением радия при реставрации клеточной ткани.

— Вполне возможно, что у мальчика отсутствует полностью или частично память. Но это мы сможем проверить лишь после того, как кто-нибудь побеседует с ним,— сказал профессору Британову ирландский академик.

Однако побеседовать с мальчиком оказалось не таким легким делом: он молчал и на все вопросы на всех языках отвечал лишь удивленным и напряженным взглядом. Затем взгляд больного рассеянно скользил по стенам комнаты, и он впадал в дремоту. За десять дней своего пребывания в больнице острова Седова мальчик не произнес ни одного слова. Заговорил молчаливый пациент профессора Британова три дня назад, то есть на тринадцатый день второй своей жизни. Собственно говоря, он даже не заговорил, он только произнес несколько слов. Случилось это благодаря Асе.

Ветлугины уже улетели на станцию, но Асе мать разрешила остаться с дедушкой Андрейчиком на острове при условии, если она будет его слушаться. Дочь долговязого гидрографа полюсной станции, лишившись единственного друга Юры, всю свою привязанность перенесла на смуглого и молчаливого обитателя четвертой палаты и потому с большой радостью и безоговорочно подчинилась совету деда Андрейчика никуда не отлучаться от больного мальчика и обо всем вечером рассказывать ему, деду Андрейчику.

Она вбегала в палату к мальчику и, не обращая ни на кого внимания, принималась поправлять постель, поднимала у него солба волосы, щупала лоб и говорила о каком-то Андрюшке Голикове с Новой земли, который всякий раз, когда она разговаривает по радио с учителем, показывает ей на экране язык, о своей станции, о дедушке Андрейчике.

Третьего дня мальчику принесли обед; он безразлично взглянул на бульон и устало опустил глаза.

— Почему ты не хочешь кушать? — спросила его Ася, искренно полагая, что мальчик, так же как и все окружающие,

понимает по-русски. — Ты больной, и тебе нужно кушать. Вот доктор говорил, что ты умрешь, если не будешь кушать.

Мальчик поднял тяжелые веки, в глазах у него появилось выражение нето недоумения, нето внимания. Он следил за выразительной мимикой Аси, за ее широко открытыми глазами. Обычно подобные увещевания кончались тем, что Ася насильно всовывала мальчику в руку одну ложку, сама брала другую и, причмокивая и закатывая глаза от наслаждения, которое ей якобы доставляет бульон, показывала, что она уже сыта и что теперь очередь за ним. Мальчик глядел на нее и как автомат опускал ложку в тарелку, подносил ко рту и снова опускал. Но три дня назад, глядя на уморительные гримасы маленькой хлопотуньи, мальчик вдруг слабо улыбнулся и пошевелил губами. Тихо, едва слышно, он произнес несколько слов. Может быть, это были даже не слова, а лишь не связанные между собой звуки, но фонограф, постоянно висевший у него над койкой, в точности записал эти звуки. Фраза была передана по радио. В самых различных уголках мира ее внимательно выслушали люди всех племен и национальностей. За исключением одного человека, никто не понял языка мальчика. Лишь один бразильский языковед, Мартин дель Грасиас, известный знаток языков Южной Америки, сообщил, что он понял значение слов, сказанных мальчиком. Фраза, как утверждал дель Грасиас, произнесена на языке индейского племени курунга, некогда открытого в лесах Боливии немецким этнографом Вегнером, но затем бесследно исчезнувшего. Мальчик сказал четыре слова:

— Та гра бай нгунко...

Одно из слов («гра») означает еду, другое («нгунко») — желание с отрицательным предлогом («бай»), аналогичным русскому «без» или «не»; «та» — местоимение в зависимости от ясности произношения гласной «а», означающее либо «я» либо «мы». В целом вся фраза означает: «Я не хочу есть...»

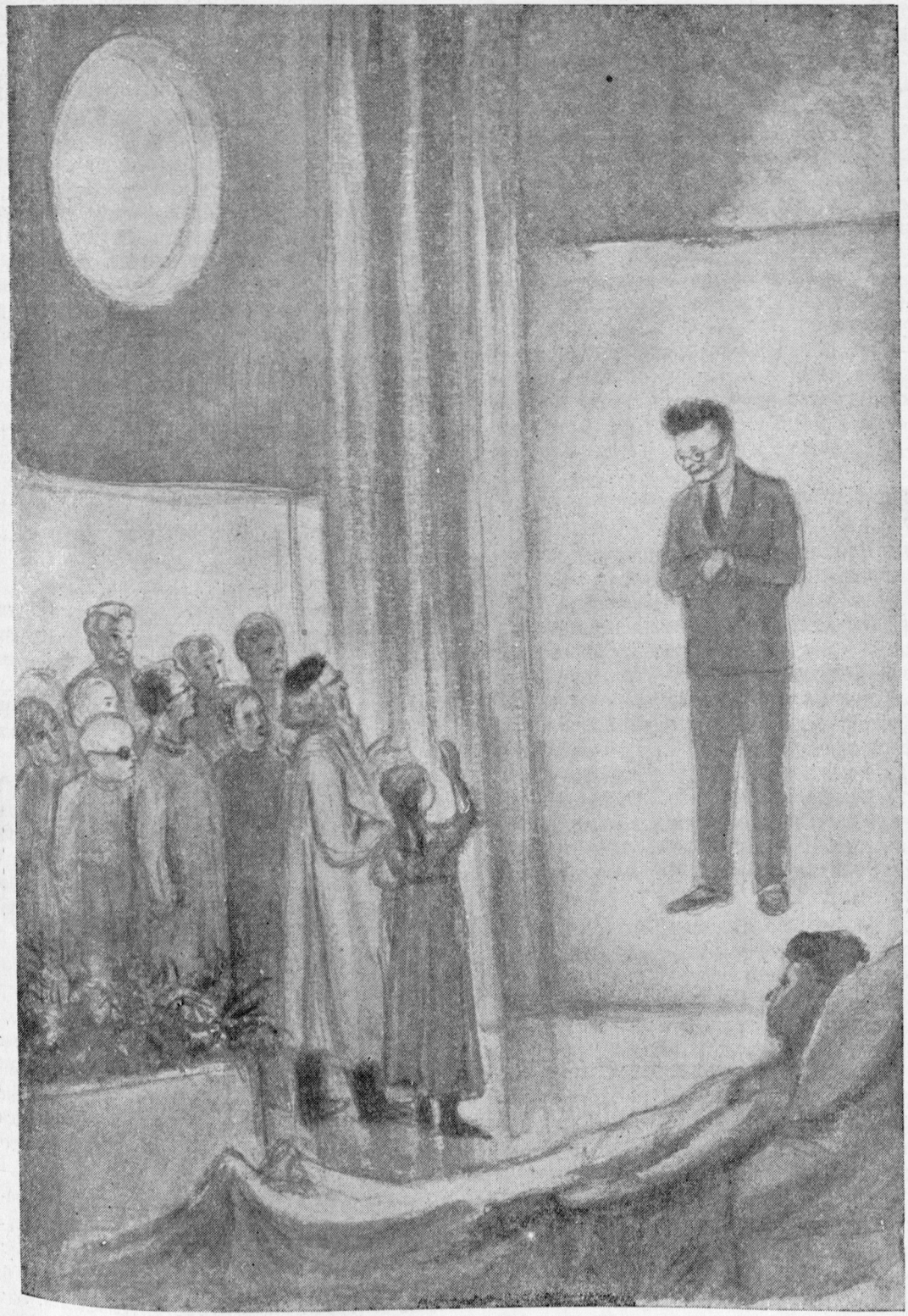
Нужно знать, что курунга (так называли себя люди этого племени, что означало на их языке «Золотая улитка») в свое время очень заинтересовали ученых. Курунга были открыты немецким этнографом Вегнером случайно в самых непроходимых тропических дебрях Южной Америки. Никто не успел хорошо изучить это племя. От Вегнера ученые узнали, что он нашел племя курунга — Золотая улитка — в сильвасах Восточной Боливии, что оно вымирает от гриппа и ведет довольно примитивный образ жизни. Вот описание индейцев курунга, опубликованное 50 лет назад Вегнером:

«Все курунга — удивительно красивые люди: у них темная, почти негроидная кожа и необычайно правильные, если так можно выразиться, «эллинские» черты лица; они великолепно сложены, и взрослые мужчины у них ростом не ниже 190 сантиметров. Волосы у курунга не жесткие, а мягкие и волнистые; глаза большие, у женщин и детей весьма выразительные. Одежды курунга не носят; на лбу у детей выжигают красное пятно, отдаленно напоминающее улитку (для курунга улитка — священное, покровительствующее племени существо)».

Вегнер записал все слова, которые ему удалось услышать от индейцев курунга, и перевел их на немецкий язык. Кроме того немецкий этнограф вывез из лесов Боливии попугая, говорящего на языке курунга. Попугай был необычайно стар; сморщенный и голый, он был похож на большого дряхлого птенца.

Затем племя Золотая улитка внезапно исчезло. Ни знаменитая экспедиция Карла Штейнена, ни другие этнографические экспедиции не могли обнаружить его следов. Ученые решили, что грипп доконал племя боливийских лесных великанов и красавцев. В руках у этнографов и языковедов остались лишь записи Вегнера и полумертвый от старости попугай. Эти записи и болтовня столетнего попугая помогли восстановить язык племени курунга—Золотая улитка—бразильскому этнографу и знатоку индейских наречий Южной Америки Мартину дель Грасиас, появления которого на экране стереовизора в четвертой палате и ждали профессор Британов, ирландский психиатр О'Фенрой, главный врач Дубинчик и шесть корреспондентов, расположившихся в соседней комнате. Ася находилась тут же. Она сидела подле койки, нимало не заботясь о том, понимает ли ее мальчик, рассказывала своему другу, как они с Юрой нашли сперва дохлого моржонка, а затем револьвер, а потом летчики на том же месте нашли его самого и не нашли Юру.

Ровно в 12 часов радиофонная и стереовизорная станции острова соединили больницу с Буэнос-Айресом, и Мартин дель Грасиас, маленький человек с живыми глазами и вздыбленной шевелюрой, появился на экране. Профессор Британов был уже знаком с ним по вчерашним переговорам и



Дель Грасиас галантно поклонился Асе, на что она ответила ему традиционным приветствием ***пионеров.***

потому представил бразильца О'Фенрою и Дубинчику.

— Очень приятно, очень приятно, — на чистейшем русском языке сказал дель Грасиас и чопорно раскланялся с ирландским академиком и арктическим врачом.

— Ну, а с нашим молодым курунга, мы надеемся, вы сами познакомитесь, — улыбаясь сказал московский профессор.

— Да, да, конечно. Но где же он?

Дель Грасиас, вытягивая шею и вставая на носки, стал издали разглядывать койку с мальчиком.

— Вам видно? — спросил главный врач.

— Да, благодарю вас. А это кто сидит рядом с ним?

— Это приятельница нашего курунга — та самая девица, которая заставила заговорить неразговорчивого молодого человека, — смеясь сказал профессор Британов.

— Ах, очень приятно! — дель Грасиас галантно поклонился Асе, на что она ответила ему традиционным приветствием пионеров.

Наступила тишина. Бразильский языковед, ероша свою и без того лохматую шевелюру, с минуту присматривался к мальчику. Внезапно, почти одним горлом дель Грасиас выкрикнул какую-то короткую фразу. Мальчик шевельнулся, поднял веки, повел глазами и остановил их на пышной серебряной бороде Британова. Московский профессор энергично замотал головой, отступил на шаг и указал мальчику на экран. Несколько раз дель Грасиас выкрикивал свои непонятные, похожие на заклинания слова. Наконец мальчик обратил внимание на тщедушную фигурку косматого языковеда.

Оба профессора и врач внимательно следили за выражением лица мальчика.

Маленький индеец пристально смотрел на языковеда, видимо, собирая свои разбегающиеся мысли и стараясь понять, чего хочет взъерошенный человек, разговаривающий с ним издали. Наконец губы его шевельнулись.

— Та бай сгино, — тихо сказал он.

Дель Грасиас просиял и обвел всех взглядом победителя.

— Он понимает язык курунга. На мой вопрос, как его зовут, он ответил: «Я не знаю». Это настоящий язык Золотой улитки.

Профессор и врач переглянулись. О'Фенрой выразительно поглядел на Британова.

— Спросите мальчика, кто его родители, — обратился к бразильцу О'Фенрой.

— Кхаро! — крикнул Дель Грасиас и защелкал пальцами у себя над головой.

Мальчик поднял на него глаза.

— Простите, что означает это слово? — спросил профессор Британов.

— Этим словом курунга окликали друг друга: нечто вроде европейского «алло» или русского «эй».

Дель Грасиас вновь заговорил с мальчиком на своем горловом языке.

В соседней комнате корреспонденты следили за переговорами. Они ходили на носках, перешептывались и поминутно кидались к своим фонографам, установленным на столике подле самой двери. Спокойнее всех вел себя Мерс. Засунув руки в карманы, неподвижно стоял он подле двери и, шевеля ушами, вслушивался в разговор бразильца с мальчиком.

Мартин дель Грасиас между тем по просьбе профессоров задал мальчику еще несколько вопросов. На все вопросы об имени, о родителях, о родине, обо всем, что с ним случилось, мальчик вяло отвечал:

— Та бай сгино...

Это означало: «Я не знаю».

То же самое он ответил, когда дель Грасиас взял у себя со стола книгу и, подняв ее над головой, спросил мальчика, как называется предмет, который он держит в руках. Далее оказалось, что мальчик не знает, как называются одеяло, подушка, стакан и много других вещей.

Профессор и главный врач отошли к экрану и тут же, в присутствии дель Грасиас, составили небольшой консилиум. Профессора и врач пришли к выводу, что мальчик одержим особой психической болезнью, именуемой в науке «провалом памяти».

— Курунга, если не ошибаюсь, являлись обитателями тропической местности, — в раздумье сказал профессор Британов.

— Совершенно верно, — подтвердил дель Грасиас.

— Тогда я никак не пойму, каким же все-таки образом этот мальчик очутился во льдах у полюса?

— Будем надеяться, Сергей Сергеевич, — сказал ирландский психиатр, — что ваш пациент когда-нибудь сам об этом расскажет. Память может вернуться к нему совершенно внезапно, при столкновении с каким-либо исключительным обстоятельством, которое очень живо напомнит ему что-либо из прошлого. Очень возможно также, что припоминать прошлое и запоминать насто-

ящее он станет постепенно, при хорошем лечении.

— Что касается меня, то я просто сбит с толку,— сказал дель Грасиас с искренним недоумением, глядя с экрана на своих собеседников.— Я полагал, что являюсь единственным человеком на земном шаре, говорящим на языке курунга. Ваш феноменальный пациент, профессор, разубедил меня в этом. Вы себе не представляете, какое значение для этнографов имеет появление этого мальчика. Он, очевидно, опровергнет все предположения о судьбе племени курунга. Ведь нельзя же предполагать, что голые, беспомощные курунга совершали полярные экспедиции, прихватывая с собой детей и запасшись водолазными скафандрами довольно усовершенствованных глубинных моделей.

— Факт. Я слышу мудрые слова...

Изображение Грасиас перекосилось. Дед Андрейчик отодвинул экран как портьеру и шагнул в палату.

— Товарищ Грасиас говорит сущую правду,— сказал он, подходя к ученым и приветствуя их поднятой рукой, сжатой в кулак.— Никаких данных насчет индейских полярных экспедиций нет. Но есть другие данные. Во-первых, усовершенствованный, но устаревший уже скафандр, и, во-вторых... я слышал ваш разговор с мальчиком по отводному репродуктору... мне кажется, что вы его не про те вещи спрашивали. Факт. Давайте спросим его, как называется данный предмет, найденный моим внучком Юрой на льду.

Старик опустил руку в карман и достал «пращу Давида».

В соседней комнате возникло движение. Мерс вылез почти до половины в дверь, нарушив общий уговор корреспондентов — не мешать консультации ученых. Корреспонденты сдержанно загудели, но Мерс, не обращая на них внимания, стоял в дверях, исподлобья разглядывая револьвер и самого Степана Андрейчика.

— Пожалуйста,— сказал Грасиас.— Но профессор О'Фенрой определяет у мальчика провал памяти. Вряд ли вы добьетесь от него чего-нибудь, кроме «та бай сгино...»

— Нет, нет,— перебил его О'Фенрой.— Это очень важно. Покажите мальчику это оружие. Я о нем знаю: есть предположение, что револьвер когда-то принадлежал ему. Только не давайте в руки, если револьвер заряжен. А вы, товарищ Грасиас, медленно и отчетливо задайте мальчику три вопроса подряд: «Вспомни: что это, где ты это видел, как это называется?»

— Вот-вот. Только пусть кто-нибудь другой покажет мальчику данный предмет. Ну хотя бы...

Дед Андрейчик оглянулся. Мерс отпрыгнул от двери и отошел в глубь соседней комнаты.

— Ну зачем же вы прячетесь, товарищ Мерс? А я как раз и хочу призвать вас на помощь,— сказал старик.— Товарищ Мерс!

Молчание длилось несколько секунд. Мерс не отзывался. Наконец, он медленно подошел к двери и засунул руки в карманы брюк.

— Что вам от меня нужно? — резко спросил он по-английски.

— Ничего особенного,— сказал старик.— Я стар, руки дрожат, револьвер заряжен. Факт.

— Разрядите...

— Не умею.

Мерс шагнул к старику, взял револьвер. С минуту он держал его как бы в нерешительности, затем твердым шагом направился к мальчику. Подойдя вплотную к койке, Мерс снял очки. Щурясь от света, он уставился в лицо мальчику блеклыми, водянистыми глазами и высоким горловым голосом выкрикнул какую-то непонятную фразу.

Мартин дель Грасиас встал на экране на носки. Казалось, в следующее мгновенье бразилец выпрыгнет из экрана.

Оба профессора и врач удивленно переглядывались, Ася испуганно смотрела на злое бледное лицо Мерса. Корреспонденты заглядывали в дверь.

— Что он сказал?—спросил дед Андрейчик.

— Он говорит на языке курунга!—крикнул дель Грасиас.— Он спросил: «Как ты сюда попал?»

— Друмо! — раздраженно крикнул Мерс.

— Он приказывает мне молчать,— жалобно сказал дель Грасиас.

— Я не приказываю. Я прошу, — уже спокойно сказал Мерс.— Я тоже языковед и знаю язык Золотой улитки. Не мешайте мне, я сам поговорю с мальчиком.

— Пожалуйста, — сказал О'Фенрой. — Мы все очень заинтересованы.

— Факт замечательный! — воскликнул дед Андрейчик, ни на секунду не сводя зорких, наблюдающих глаз с Мерса и с револьвера в его руке.

Между тем мальчик тоже не сводил широко открытых глаз с белой прищуренной физиономии Мерса. Он дышал глубоко и

порывисто, хватаясь худыми руками за одеяло.

— На тум га тархо? — угрожающим тоном спросил Мерс, исподлобья глядя на мальчика.

Грасиас подпрыгнул на экране. Он был возмущен:

— Позвольте! Вы ругаетесь!..

— Друмо!.. — сказал Мерс, покосившись на экран.

Бразилец развел руками.

— То чхо разро? — обратился Мерс к мальчику и ткнул пальцем себя в грудь.

— Раз... ро... — тихо повторил мальчик, не сводя с него глаз.

— ...узнал,— прошептал бразилец.

— То чхо разро?—вновь спросил Мерс, поднимая руку с револьвером и нацеливаясь мальчику в голову

— А-а-а!..— закричал мальчик и закрылся подушкой.

— Он выстрелит! — крикнула Ася и бросилась к мальчику, желая закрыть его собой.

Звонкий щелчок револьвера и сипловатый смешок деда Андрейчика раздались почти одновременно.

— А ведь я пульки высыпал,— насмешливо сказал старик.— Факт...

Мерс швырнул револьвер, бросил на нос очки и, по-бычьи поводя шеей, стал спиной отступать к двери, закрытой экраном. Находу он судорожно хватался за задний карман, стараясь, очевидно, вытащить свой собственный револьвер.

— Задержите его! — крикнул старик и бросился на Мерса одновременно с двумя корреспондентами, подоспевшими из соседней комнаты.

Вытащить револьвер Мерсу так и не удалось. Он оборвал экран, запутался в нем сам, запутал корреспондентов, врача и деда Андрейчика, и все они упали на пол. На одно мгновенье несколько человек сплелось в живой клубок. Мерс отбивался молча.

— Не-ет, не уйдешь, голубчик! — кричал дед Андрейчик и выкручивал за спину руку Мерсу.— Теперь мы тебя самого расспросим!..

Но вдруг, изловчившись, Мерс ударил ногой деда Андрейчика, дал кулаком в зубы врачу и бросился к двери. Через мгновенье Мерс мчался уже по коридору.

Дед Андрейчик, врач и корреспонденты гурьбой ринулись к двери, на минуту в ней застряли, и, когда выбежали в коридор, Мерса там уже не было... Стоявшие подле крыльца больницы аэросани с чемоданом позади рванулись вперед и понеслись по снеговой дороге прямо к морю.

— Это возмутительно! Его непременно нужно задержать! — гневно сказал профессор Британов.

— Скорей сани! Скорей! Под лед уйдет! У него в чемодане чужой Водоход!—суетился дед Андрейчик, бегая подле крыльца.

Главный врач побежал в свой кабинет и вызвал гараж.

— Немедленно! Все сани давайте к крыльцу! — крикнул он.

Только через три минуты погоня тронулась на четырех санях вслед за Мерсом. Впереди ехал дед Андрейчик. Он показывал дорогу, по которой проехал на берег Мерс сегодня утром. Когда преследователи под'ехали к тому месту на льду, где стоял брошенный Мерсом пепельный лимузин, они увидели большую полынью с разбитой тонкой коркой льда и раскрытый пустой чемодан, валявшийся возле аэросаней.

Мы будем с Петером Шайно меняться сыновьями

На станции «Северный полюс» Свенсон и супруги Ветлугины сидели в маленьком кабинетике Владимира Ветлугина и обменивались впечатлениями от разговора по радиофону со стариком Андрейчиком, который только что рассказал им потрясающие новости. Дед Андрейчик начал с того, как он стал приглядываться к очкастому корреспонденту, как узнал, что Мерс никакого отношения к антарктическому радиовестнику не имеет, как подглядел за его странными манипуляциями с Водоходом и как, наконец, решил столкнуть лицом к лицу Мерса с мальчиком. Он, дед Андрейчик, был уверен, что между смертью неизвестного мальчика на льду, между исчезновением, а может быть, даже и гибелью Юры и появлением Мерса на острове Седова существует какая-то связь. Он оказался прав: Мерс не выдержал и выдал себя. Теперь все раз'яснилось. После того как Мерс набросился на мальчика, с маленьким индейцем произошла странная история: он тотчас же вспомнил решительно все, что предшествовало его гибели на льду. Мальчик рассказал невероятные вещи. Его имя — Рума, он действительно индеец из племени Золотая улитка. В то время когда он замерз на льду, то есть пять лет назад, ему было тринадцать лет, столько же, сколько Юре. Он последний из племени курунга, вернее, жалких остатков этого

племени, погибшего на дне Ледовитого океана.

Оказывается, племя Золотая улитка не вымерло, как предполагали ученые: оно тайно было вывезено из лесов Боливии двадцать один год назад, за два года до разгрома крестовиков, и переброшено, по личному секретному приказу Лилиан, атаманши апостольских разведчиков, для каких-то таинственных кессонных работ на дне Северного Ледовитого океана.

Обстоятельства, при которых индейцы курунга попали на дно океана, могут показаться совершенно невероятными. Однако дед Андрейчик утверждал, что рассказу мальчика можно верить, тем более что профессор О'Фенрой признал Руму сейчас психически вполне нормальным. Да и сам старик теперь кое-что припомнил, и многое, что было когда-то для него и для других неясным, сейчас находило себе логическое об'яснение. Дед Андрейчик, например, отлично помнит один любопытнейший факт: двадцать лет назад, за год до налета апостольских воздушных орд на советские государства, в Рио-де-Жанейро агентами Лилиан был убит один перуанский крестовик. Незадачливый перуанец болтал о том, что, по личному приказу апостола, в лесах Боливии якобы было выловлено какое-то племя индейских богатырей и великанов, племя это затем будто было вывезено в Арктику и потоплено в океане. Тогда этому никто не поверил, ибо перуанский крестовик, повидимому, и сам толком ничего не знал. Теперь болтовня перуанца облекается смыслом: племя курунга, которое считалось вымершим, оказывается, было разыскано в боливийских сильвасах крестовиками и тайно вывезено в Арктику на подводных транспортах. Сам мальчик-курунга родился позднее, через два года после этого события, и потому все, что относится к истории гибели его племени, он рассказывает уже со слов своего отца, которого звали Маро.

Очевидно, крестовикам нужны были именно такие рослые, здоровые люди, какими являлись курунга. Кроме того внезапное исчезновение нескольких сот людей не осталось бы незамеченным, и племя, которое считалось вымершим, было самым подходящим для секретной затеи Лилиан.

Под водой курунга работали в батисферах, в кессонных камерах (в «водяных хижинах», как называл их отец мальчика) и в костюмах водолазов («тяжелые одежды» — на языке Румы). Зачем понадобились эти подводные работы крестовикам, мальчик, конечно, не мог знать, но отец его, повидимому, догадался о назначении подводного строительства: индеец Маро понял, что «люди племени Апо-Стол воевали с людьми какого-то другого племени, были побеждены и ушли на дно моря». Его господа часто с ненавистью произносили слово «Боль-ше-Вик»; это слово они выговаривали как ругательство, когда обращались к Руме или к нему, к Маро, и Маро догадался, что так называется могущественное племя, которое победило людей Апо-Стол и изгнало их на дно моря. Эту же мысль о могущественном племени Больше-Вик, обитающем где-то там наверху, над водой, он внушил и своему сыну. Индеец Маро не ошибся. Восстанавливая всю историю лиги крестовиков, их поражение и исчезновение апостольского штаба, теперь можно понять назначение секретного строительства и об'яснить, куда девались Петер Шайно, папа-полковник Пий 12-й, барон Курода, их личная охрана, их дети и жены. Вожаки крестовиков, очевидно, были людьми дальновидными: они допускали в будущем провал своей авантюры, провал, который им лично ничего хорошего не сулил. Кроме того нужно было защитить и засекретить ставку главнокомандующего, из которой должно было осуществляться руководство всеми военными операциями против большевиков. Отсюда и родилась эта идея подводного «штаба-храма».

Расчет был правильный, и он во многом оправдался. Таким образом, версия о гибели самолета вместе с генеральным штабом Петера Шайно где-то у берегов Гренландии рушилась: Шайно и его конклав[1], оказывается, преспокойно сидели на дне Ледовитого океана в каком-то фантастическом своем «штабе-храме». Возможно, что верхушка крестовиков надеялась на «лучшие времена», возможно, что контрреволюционный мятеж в Баварии и движение «новых шуанов»[2] во Франции в первые годы после крушения апостольской авантюры было делом рук таинственной Лилиан и ее шпионской епархии «святого духа». Но надежды апостола крестовиков на новое Ватерлоо не оправдались: народы Германии и Фран-

---

[1] Конклав — совет кардиналов при папском дворе.

[2] Шуанами назывались участники реакционных восстаний во Франции в начале 19-го века, руководимые контрреволюционной знатью и кулаками. Здесь, очевидно, имеются в виду подобного же рода мятежи.

ции в несколько дней ликвидировали реакционные мятежи в своих странах.

Рума оказался смышленым мальчиком: прежде всего он рассказал о том, что белые люди племени Апо-Стол убили всех курунга, которые строили «большую хижину в воде» (так говорил Маро, его отец). Они не убили только Лода, Таго, Мытго, Мума, Харо, Кунга, мать Румы — Миду — и отца — Маро. Но оставленные для черной работы индейцы не захотели жить в неволе, когда убедились, что их не отпустят обратно в лес. Они сами стали себя убивать. Лода перерезал себе ножом горло, когда работал на кухне. Мытго и Харо повесились. Двое пытались спрятаться в подводной лодке, которая отправлялась за запасами продовольствия, закупленного в Аргентине агентом Лилиан. Они выкрали водолазные костюмы и вышли вместе с командой субмарины в воду из шлюзовой камеры главного входа, но вода залила их скафандры, и они захлебнулись. Отец Румы — Маро — говорил, что Мума и Кунга не умели надевать тяжелую одежду и вода убила их. Таго дознался, что в железной банке у белого по имени Хи-Мик хранится жидкость, которая сжигает людей. Таго выкрал банку. Он хотел бросить ее в вождя белых, в самого бородатого Апо-Стол, но умер, как только открыл банку; белые разбежались, Таго упал, он сразу стал черным, и дым окутал его; смертоносная вода разлилась; лишь один белый не испугался — тот, которого все зовут Хи-Мик: он издали подул на огненную воду из какого-то большого твердого шара (повидимому, направил из баллона струю дегазирующего вещества), и все белые остались живы.

Мать Румы худела, худела и умерла. Не умерли только отец Маро и он, Рума. Что случилось дальше с его отцом, Рума не мог сказать; он только знал, что отец Маро ушел из подводной тюрьмы и, наверное, погиб, иначе он вернулся бы за своим сыном и привел бы с собой людей «могущественного племени Больше-Вик, которое победило племя Апо-Стол». Надо полагать, что отцу Румы удалось, наконец, найти какую-то, очень сложную по своей технике тайную лазейку из «штаба-храма»; он, видимо, долго к ней приглядывался, пока, наконец, не разобрался, как можно через нее убежать. Маро, несомненно, представлял себе, какому риску он подвергался, уходя через этот тайный люк, и потому не взял с собой сына. Он решил добраться до поверхности океана, а потом и до земли, привести других людей и выручить сына. О том, что над его головой стояла сплошная кора ледяных полей, Маро, видимо, не догадывался, так как ни разу в жизни не видел льда. Если он и всплыл в своем скафандре и выбрался благополучно на лед через какую-нибудь полынью, он неминуемо должен был погибнуть от холода, ибо, по словам мальчика, под «тяжелой одеждой» (скафандром) у Маро была одна только набедерная повязка. Но, уходя, он подвел сына к стене в подводном туннеле и ногтем сделал царапину на камне.

— Если ты вырастешь на четыре твоих пальца выше этой метки, а твой отец еще не приведет людей племени Больше-Вик, чтобы тебя увести отсюда в лес, тогда знай, что твой отец умер,— сказал он Руме.— Тебе тогда незачем жить здесь. Жди, когда можно будет выкрасть из склада другую «тяжелую одежду», и уходи той же дверью, что и я. Если ты не умрешь в дороге, ты придешь в лес, где жили курунга. Если умрешь, ты попадешь в дом Золотой улитки, где живут все умершие курунга. И так и так будет хорошо...

Маро долго об'яснял сыну, каким образом он может уйти от злых людей племени Апо-Стол, но тут Рума умолк на полуслове и заснул, откинувшись на подушку, окруженный небольшой группой людей, потрясенных невероятной повестью маленького курунга и переводом ее, сделанным Мартином дель Грасиас. Он так и не рассказал, каким же образом ему удалось уйти из штаба Петера Шайно и что с ним случилось дальше.

Сколько их там засело в подводном штабе? Как они вооружены? Что замышляют Петер Шайно и его архиепископы, отсиживаясь вот уже 19 лет под льдами и водой Ледовитого океана? На все эти вопросы, очевидно, ответит самое ближайшее будущее. Все сведения, полученные от Румы, держатся пока в тайне, до приезда ответственного комиссара милиции из Диксона. Деду Андрейчику разрешено было только уведомить мать и отца Юры обо всем, что он узнал.

— Кстати,— сказал в заключение старик,— какую мы дичь упустили, оказывается! Ведь этот агент подводных крестовиков — вовсе никакой не Мерс, это...

Старик тревожно оглядел с экрана кабинет Ветлугина и показал глазами на репродуктор личного радиофонного коротковол-

нового приемника Ветлугина, по которому шел разговор.

— Подойдите поближе...

Все трое, Свенсон, Ирина и Владимир, недоумевая, подошли к диффузору репродуктора, похожему на большой белый венчик магнолии, и старик, гримасничая и делая большие глаза, едва слышно прошептал несколько слов.

— Факт, — сказал дед Андрейчик и выключил свой стереовизор и радиофон.

Все, что Ветлугиным и Свенсону пришлось узнать в эти несколько минут от деда Андрейчика, совершенно озадачило их. Это было похоже на сказку, на фантастический роман о каком-то новом капитане Немо и его таинственном подводном обиталище «Наутилусе», с той только разницей, что гордый подводный навигатор Жюль Верна сам отверг мир насилия и зла и ушел в глубины морей и океанов, а здесь авантюрист Шайно и банда его соучастников были отвергнуты миром как враги человечества, как носители зла и насилия и укрылись на дне океана.

Свенсон несколько минут сидел молча, он вертел во все стороны длинной своей шеей, что являлось у него признаком высшего волнения, и потирал руки.

— Теперь я понимаю, какие гости вынырнули тогда к нам из-под льда. Ты помнишь, Владимир? — сказал он наконец.

— Еще бы. Я думаю о них, — в раздумье сказал Ветлугин.

Глухой гул донесся издалека. Все трое переглянулись.

Свенсон бросился вон из комнаты. Ветлугины последовали за ним.

Механик Хьюз и океанограф Валь уже стояли возле борта станции и оживленно разговаривали о чем-то.

— Что случилось, товарищи? — крикнул еще издали Свенсон.

— Хелло, Свенсон! — сказал Хьюз. — Старые знакомые нас не забывают. Держу пари, что это вторая океанографическая экспедиция.— Хьюз весело подмигнул океанографу.— Вам везет, Валь, вы еще раз увидите профессора Осуду.

— Глупости. Океанография не знает профессора с таким именем, — серьезно сказал худой, тонкий как рапира океанограф.

Подошло еще несколько человек: мать Аси Татьяна Свенсон, ненец Гынко, два механика, моторист.

— Эрик, ты видишь кого-нибудь? — спросил Ветлугин.

— Да, один человек идет сюда, — ответил Свенсон, не отнимая от глаз телеоскопического бинокля.

— Володя! — воскликнула Ирина, разглядывая в биноскоп приближающегося маленького человека. — Это он! Тот самый, что назвал себя Мерсом.

— Ты не ошибаешься? — спросил Ветлугин.

— Нет, нет! Я его прекрасно помню. Это он!

— Он тоже океанограф?—спросил Хьюз.

— Нет, он крестовик, — сказал Ветлугин.

— Ого! Это любопытно. Забытая специальность, — сказал Хьюз.

— Поднимите его, Хьюз, — сказал Ветлугин. — Всем остальным механикам и мотористам разойтись по ракетным камерам и двигателям и ждать моих распоряжений. Предупреждаю: станция должна быть готова ко всему. Ты, Эрик, встретишь его и проводишь ко мне в кабинет. Разговаривать буду только там. Я иду установить тихую связь с островом Седова.

— Есть, товарищ начальник.

Хьюз, насвистывая, направился к под'емнику. Остальные разошлись, не дожидаясь появления Мерса на борту станции. На месте остался только Свенсон.

Мерс в сопровождении Хьюза подошел к Свенсону минут через пять. Не доходя нескольких шагов до гидрографа, крестовик остановился и сказал угрюмо:

— Мне нужен ваш начальник.

Свенсон с интересом разглядывал коротконогого человечка в серой меховой куртке. Перед ним стоял живой крестовик, представитель апостольского «штаба-храма», какого-то таинственного подземно-подводного форта, все еще надеявшегося повернуть вспять историю человечества. Это был редкий экземпляр, и Свенсон старался разглядеть его хорошенько.

— Кто вы такой? — спросил, наконец, долговязый гидрограф по-английски.

— Я скажу вашему начальнику, кто я.

На лице у представителя «апостола Петра» были царапины, нижняя губа вздулась.

«Следы схватки в больнице», — подумал Свенсон и сказал:

— Хорошо. Идите за мной, я провожу вас к нему.

— Я хочу говорить с ним здесь, — глухо сказал крестовик.

— Начальник здесь не принимает.

— Скажите, что у меня очень важное дело.

— Все равно. Начальник станции принимает только в своем кабинете.

Свенсон и очкастый крестовик посмотрели друг на друга внимательным взглядом. Свенсон не видел глаз своего собеседника, защищенных очками-светофильтрами, но он чувствовал, что Мерс разглядывает его настороженно и подозрительно.

— Где помещается его кабинет?

— Здесь недалеко.

— Хорошо. — Мерс снял перчатку и опустил руку в карман своей куртки.— Вы идите вперед... показывайте мне дорогу.

Свенсон зашагал к квартире Ветлугиных. За ним осторожно двинулся Мерс.

Ветлугин, сидя в кресле перед кабинетным столом, казалось, говорил сам с собой: никого в кабинете не было.

— Итак, ты, Джеф, слушаешь все, о чем я с ним здесь буду говорить. Понятно? Я постараюсь его задержать. Кроме того, как мы условились, в случае надобности ты действуешь по своему усмотрению, не дожидаясь конца нашей с ним беседы.

— Правильно, — неожиданно ответил кто-то гулким басом.

— Все, — сказал Ветлугин.

— Все, — подтвердил невидимый Джеф.

Минуты две Ветлугин сидел в абсолютной тишине.

— К вам можно, товарищ начальник?— спросил за дверью Свенсон.

— Можно, — не глядя на визитный экран, сказал Ветлугин.

Вошел Свенсон, за ним протиснулся в дверь Мерс.

— Этот человек хочет с вами говорить.

— Да, я вас слушаю. Садитесь.

— Нет. Я постою.

Ветлугин пожал плечами и посмотрел на руку Мерса, засунутую в карман.

— Как хотите. Я вас слушаю.

— У меня к вам поручение,—глухо сказал Мерс. — Но прежде всего я должен предупредить вас, что ни на какие вопросы, касающиеся личности моей и того, кто меня послал, я не отвечу. Не имею я права также отвечать на вопросы о мотивах поведения лиц, меня сюда направивших.

Ветлугин многозначительно глянул на Свенсона, снова пожал плечами, как бы желая сказать: «Воля ваша».

— Вы, очевидно, знаете, что на острове Седова сейчас находится мальчик-индеец?— осторожно спросил Мерс.

— Да, знаю.

— Вам также известно, что у мальчика отсутствует память?

Ветлугин помолчал. Что бы это могло значить? Притворяется апостольский парламентер, что не слыхал о возвращении памяти к мальчику, или действительно ничего не знает? А может быть, он выпытывает? Мальчик его опознал, это он помнит, а что было дальше, не знает.

— Известно, — сказал он наконец.

Свенсон презрительно усмехнулся. Долговязому гидрографу очень хотелось сказать: «Шпионаж в епархии «святого духа» когда-то был лучше поставлен чем сейчас»,— но он воздержался от замечаний и внимательно продолжал слушать разговор Ветлугина с бледнолицым крестовиком.

— Теперь слушайте меня внимательно, — почти тоном приказания сказал Мерс. — У этого мальчика есть отец. Он хочет, чтобы сын его вернулся домой. Он предлагает вам, чтобы вы были посредником между ним и администрацией острова Седова. Поясняю: вы должны уговорить кого следует, чтобы мальчик был отвезен на то же самое место, где он был найден. Там его подберет отец...

— Почему отец мальчика не переговорит с островом лично? — перебил его Ветлугин.

— Я вам уже сказал, что не имею права отвечать на подобные вопросы.

— Почему этот таинственный отец мальчика избрал меня своим посредником?

— Потому что взамен того мальчика вы получите другого мальчика.

— Какого? — чуть задохнувшись, спросил Ветлугин.

— Вашего сына, — твердо сказал Мерс.

Наступила пауза. Все трое молчали. Свенсон настороженно глянул на своего друга. Мерс, казалось, внимательно разглядывал фонограф на кабинетном столе.

— Так,— сказал, наконец, Ветлугин. — Значит, мой мальчик... мой сын....

— Жив, — деловитым тоном докончил Мерс.

— И находится?..—спросил Ветлугин.

— В полном распоряжении лиц, меня сюда пославших, — быстро подсказал Мерс.

— Кто эти лица?

— Главным образом отец мальчика, оживленного на острове Седова.

— Как Юра попал к вам?

— Это неважно, — нетерпеливо сказал Мерс.

— Значит, вы предлагаете?..

— Обмен, — подсказал Мерс и склонил голову на бок.

— Сына за сына?

— Сына за сына...

— Та-ак...—еще раз сказал Ветлугин.— А почему вы руку в кармане держите?

— Привычка, — невозмутимо сказал Мерс.

— Мне не нравится ваша привычка,— повышая голос, сказал Ветлугин. — Выньте руку из кармана!

Мерс отступил к двери, но Свенсон уже крепко держал его сзади за обе руки.

Ветлугин встал и как огромный зверь двинулся на коротконогого крестовика, парализованного словно током могучей хваткой Свенсона.

— Бросьте револьвер! — сказал Ветлугин, подходя вплотную к Мерсу.

Крестовик презрительно скривил губы:

— Возьмите его сами.

Свенсон тотчас же вытащил у него из кармана новенькую электронную «пращу Давида», точно такую же, какую когда-то нашел на льду Юра.

— Так оно будет лучше, — сказал Ветлугин и спокойно уселся в свое кресло. — А теперь слушайте мое предложение.

Мерс молчал, независимо поглядывая сквозь свои светофильтры на широкоплечего начальника станции.

— Вы тоже являетесь чьим-то сыном. Не так ли?

— Допустим...

— Допускать нечего, — резко сказал Ветлугин.— И дальше разыгрывать эту комедию тоже нечего. Мы все знаем. Вы сын бывшего венгерского дезертира и политического авантюриста Петера Шайно, основателя контрреволюционной лиги крестовиков и организатора бандитского налета на Советский союз.

Презрительная усмешка медленно сползла с губ Мерса. Он смотрел на Ветлугина испуганно.

— Так вот,—продолжал Ветлугин, наклонив вперед голову и глядя в упор, прямо в бледную физиономию крестовика. — Меняться сыновьями мы будем с Петером Шайно, а не с тем несчастным индейцем, который ушел от вас шесть лет назад и, наверное, погиб во льдах Арктики. Понятно вам, Золтан Шайно?

— Понятно, — спокойно сказал парламентер апостольского штаба; он уже овладел собой, голова его вновь склонилась на бок.— Но из этого ничего не выйдет.

— Посмотрим!

Ветлугин отвернулся от него.

Мерс, который внезапно превратился в Золтана Шайно, поднял глаза на розовые огоньки часов:

— Если я через пять минут не спущусь на лед, ваша станция будет разгромлена снарядами моей субмарины, а остров Седова взлетит на воздух: он минирован.

Ветлугин быстро обернулся и несколько секунд внимательно смотрел на бледную физиономию крестовика, занавешенную желто-зелеными очками как маской средневекового злодея. Было что-то в его голосе и во всей фигуре, что заставляло верить в серьезность его угрозы.

«Ася... Британов... люди...» — вспомнил Ветлугин.

— Джеф! — окликнул он. — Ты все слыхал?

— Все, — отозвался невидимый Джеф.

— Скажи, Джеф, ты сможешь поднять в воздух всех людей с острова за четыре минуты? — снова спросил Ветлугин своего собеседника-невидимку.

— Смогу. Я уже отдал распоряжение о посадке, — спокойно сказал Джеф.

— В добрый час! — Ветлугин взглянул на Свенсона. — Эрик, свяжись сейчас же с Хьюзом по внутреннему, прикажи от моего имени снять станцию с якорей, набрать высоту и идти с максимальной скоростью к материку...

— Что вы хотите делать?—спросил Золтан Шайно.

— Это вас не касается, — небрежно ответил Ветлугин и направился к приемнику.

Крестовик ринулся к дверям, но костлявый кулак Свенсона опустился на его меховой малахай раньше, нежели он успел выпрыгнуть. Удар, очевидно, был так силен, что даже мех не защитил Золтана Шайно. Он взмахнул руками и повалился на диван.

— Звони Хьюзу!—крикнул Ветлугин.— Я его свяжу сам.

Через 90 секунд огромная, полукилометровая площадка станции «Северный полюс» чуть качнулась и, быстро набирая высоту, стала уходить к югу. И в тот же момент над нею, завывая, пронесся снаряд. Он пролетел над станцией и разорвался внизу, на льду, километрах в трех, подняв целый фейерверк ярко освещенных солнцем ледяных обломков.

В кабинете Ветлугина, держа палец на спусковой кнопке «пращи Давида», сидел ненец Гынко и, не мигая, смотрел припухшими раскосыми глазами на связанного сы-

на Петера Шайно. Сам Золтан Шайно полулежал на диване и, не глядя на деревянное лицо Гынко, прислушивался к завыванию снарядов и к далеким их разрывам.

Где-то во льдах, почти невидимая, стояла субмарина и обстреливала уходящую станцию. Выстрелов не было слышно, но взрывы снарядов отдавались оглушительным грохотом над молчаливыми льдами. Два снаряда прошли мимо станции, и лишь один разорвал борт и повредил два ракетных якоря. Затем субмарина притихла.

Ветлугин и Свенсон стояли на аэрологической вышке и в биноскопы наблюдали за врагом. Они видели, как тонкая пушка спряталась в башенке субмарины. Затем крышка люка задвинулась, и субмарина стала погружаться.

— Уходят, — сказал Свенсон.

— Боюсь, что нет,—ответил Ветлугин.— Они вынырнут впереди под нами и пустят нам снаряд в упор. Эрик, крикни в усилитель, чтобы все немедленно надели кислородные приборы и стратосферные костюмы.

— Хелло, Хьюз! — крикнул Ветлугин, наклонившись над внутренним рупором.

— Все! Все! Все! — заорал Свенсон прямо в микрофон, стоящий перед его губами.

— Хьюз, выключай бортовые! Давай максимальную скорость донных! — приказал Ветлугин в рупор.

— Надеть кислородные маски и стратосферные костюмы! — разнесся по станции голос Свенсона.

— Сколько, Хьюз?! — спросил в рупор Ветлугин. — Восемь тысяч? Давай, давай выше и ни метра в сторону, Хьюз! Пойдем на юг на высоте тридцать тысяч метров.

„Каждая человеческая песчинка есть большая драгоценность"

В 17 часов 23 минуты станция «Северный полюс» прибыла с одним «пассажиром», Золтаном Шайно, на остров Диксон, в город Арктанию. Станция была повреждена снарядами апостольской субмарины в трех местах, но повреждения эти оказались незначительными.

В Арктании Владимир Ветлугин узнал, что 120 самолетов и 5 дирижаблей 8-й авиобазы забрали все население острова Седова и через минуту небольшой благоустроенный поселок острова был поднят на воздух нитромагнитовыми минами и стал осыпаться в море обломками бетона и гранита. Епархия взрывчатых и отравляющих веществ химика-крестовика Кармона давала миру знать, что она еще существует.

В 18 часов 30 минут супруги Ветлугины и все работники станции были свидетелями замечательного явления: над Арктанией появилась гигантская фигура заместителя председателя Верховного Совета социалистических и коммунистических республик. В тот миг она появилась не над одной только Арктанией: гигантское изображение возникло в воздухе над тысячами городов во всем мире.

Джо из Айдахо — под этим именем заместителя председателя Верховного Совета знал весь мир, хотя у него была и фамилия — Аткинс. Он происходил из потомственной пролетарской семьи негров — строителей Америки. Отец его был коммунистом, и от отца Джо унаследовал чудесный дар агитатора и пропагандиста. Каучуковые плантации в Венесуэле, золотые прииски в Гондурасе, плавучая тюрьма на Багамских островах, работа носильщика в Африке, каторга в Кайене, китобойный промысел у Шпицбергена и, наконец, блестящая эпопея первой партизанской антифашистской эскадры, во главе которой стоял коммунист-адмирал негр Джо из Айдахо, — таков жизненный путь этого замечательного человека.

Старый апостольский пират Курода, архиепископ военно-морской епархии Шайно, не смел сунуть носа в те воды, где замечено было присутствие супердредноутов, авионосцев и субмарин Джо из Айдахо. Искуснейший агитатор-коммунист оказался талантливым командором революционной интернациональной армады. Джо собирал свою партизанскую эскадру из восставших боевых единиц капиталистических флотов и, наконец, собрал такой бронированный военно-морской кулак, что даже владычица морей Британия не решалась затевать с ним драку.

Партизанские авионосцы и субмарины Джозефа Аткинса лишь продолжали дело, начатое много лет назад славной интернациональной дивизией под Мадридом. Это ее легендарный опыт породил идею партизанской интернациональной воздушно-морской эскадры. И негр-коммунист осуществил эту идею.

Эскадра Аткинса не имела своего официального отечества: его родиной становилась любая страна, которой нужна была революционная боевая помощь против интервентов и национальных поработителей.

Темнокожий великан казался стоящим в воздухе над Арктанией.

Черный молот на красном поле был эмблемой революционной партизанской эскадры, и истребители с черными молотами на пурпурных дисках появлялись всюду, где апостольские воздушные и морские дредноуты «неизвестной национальности» сеяли смерть и разрушения.

Негр-адмирал ни на минуту не оставлял в покое эскадру крестовиков, он пускал ко дну лучшие боевые суда барона Курода, исчезая и появляясь внезапно, как некий вполне реальный летучий голландец. Джо имел немало орденов разных стран, но высшую награду, орден Ленина, Джо получил за то, что всей могучей массой своих кораблей и гидросамолетов обрушился на апостольскую эскадру у берегов Аляски, когда дредноуты и авионосцы под серыми знаменами архиепископа Курода двинулись на помощь своей северной армаде через Берингов пролив. До самых Маршальских островов гнал тогда Джо остатки флота крестовиков и здесь пустил ко дну все их корабли, до одного.

Его любили люди всех рас и национальностей, называли ласковыми именами: «наш Джо», «славный парень Джо». Это был Чапаев эпохи окончательного разгрома капитализма. Когда три года назад происходили очередные выборы в Верховный Совет, Джо был избран на пост заместителя председателя подавляющим большинством голосов.

В 18 часов 30 минут исполинская фигура Джо из Айдахо появилась над Диксоном. Это могло показаться людям прошлого сверх'естественным, но люди новой эпохи знали, что над тысячами городов Гениозоры — чудесные аппараты, отражающие в воздухе свечение потока электронов,— передают лишь об'емное изображение человека лет сорока пяти, среднего роста, с темным, почти бронзовым лицом, озаренным лунным блеском огромных белков, человека, стоящего посреди центральной празительственной студии «Гениопередачи» перед сложной осветительной аппаратурой.

Передачи Гениозоров стали практиковаться лишь три года назад, и Владимиру Ветлугину, да и многим другим работникам станции «Северный полюс», постоянно работающим вдали от населенных мест, впервые довелось видеть это чудо современного об'емного телевидения. Сперва огромный столб воздуха над Арктанией стал темнеть, словно сгущаясь; на глазах у зрителей он принимал очертания человека; наконец, исполинская фигура Джозефа Аткинса ясно определилась в воздухе. Фигура имела в высоту не менее трех километров. Темнокожий великан казался стоящим в воздухе над Арктанией, причем стоял он не над самым городом, а где-то на его окраине. Будто фантазия Свифта стала действительностью, и некий реальный Гулливер явился перед взволнованным народом лиллипутов.

Голосом, подобным раскатам грома, Джозеф Аткинс сказал:

— Товарищи! Заседание Верховного Совета социалистических и коммунистических республик окончилось... Совет обсуждал случай в Арктике... Несколько дней назад исчез мальчик Юра Ветлугин... Сегодня мы узнали, что мальчика захватила подводная организация крестовиков. Они обстреляли полюсную станцию и взорвали поселок Седова. Верховный Совет постановил принять все меры и освободить мальчика из рук шайки контрреволюционеров, а организацию врагов мирного человечества предать народному суду. Выполнить свое решение Совет приказывает Чрезвычайной арктической комиссии, созданной сегодня...

Негр-великан смотрел перед собой, чуть наклонив голову. Говорил он с небольшим акцентом по-русски, осторожно подбирая слова и выдерживая паузы между фразами. Это уже стало традицией: к какой бы национально и представитель высшего органа советской власти ни принадлежал, в своих выступлениях на заседаниях Совета и при обращении ко всему миру он говорил на родном языке Ленина. Речь заместителя председателя Верховного Совета в республиках и областях, где население не знало русского языка, переводилась особыми автоматическими аппаратами-переводчиками на язык, преобладающий в этих республиках и областях.

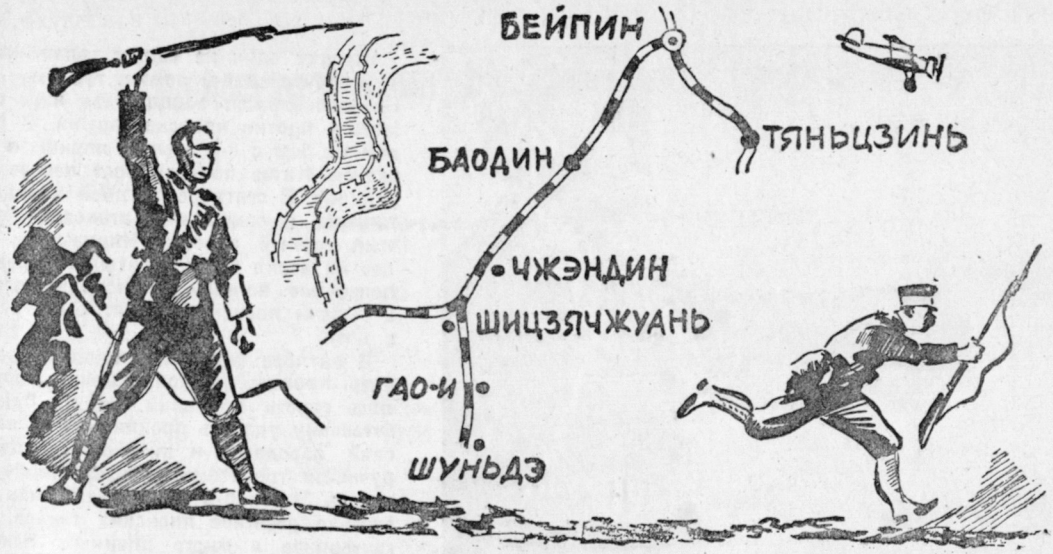
— Товарищи! — сказал негр-великан и глянул вдаль перед собой. — Что случилось на земле? На земле пропал какой-то мальчик... Исчезла маленькая песчинка человечества... Но каждая человеческая песчинка есть большая драгоценность... Поэтому мы спасем мальчика во что бы то ни стало...

Темнокожий великан умолк. Казалось, Джо из Айдахо видит миллионы людей, с которыми так просто сейчас говорит.

— От имени Верховного Совета посылаю вам привет, товарищи!.. — сказал он и потряс над головой обеими руками.

Несколько секунд негр-великан стоял неподвижно, затем он стал прозрачным и исчез, словно растаял в воздухе.

(Окончание в следующем номере)



Война в Китае

В японских школах висят карты „Великой Японии". На этих картах в японские цвета окрашена почти половина мира: Китай, Индонезия, Австралия, Индия и даже СССР до Урала—все это собираются проглотить японские империалисты. Прежде всего они решили завоевать огромный Китай. Шесть лет назад Япония отобрала у Китая Манчжурию. 7 июля 1937 года японские войска снова внезапно напали на китайских солдат в небольшом городишке Лякоуцзяо. Несколько дней шел бой, но взять этот городок японцы не смогли.

Японские генералы мобилизовали больше миллиона солдат и послали их в Китай. Они решили теперь проглотить новый кусок Китая—богатый углем и железом Север—и самый большой промышленный город Китая—Шанхай.

Японские генералы ведут эту войну по-фашистски, не щадя женщин и детей. Японские самолеты летают над мирными городами и деревнями, забрасывают их бомбами, расстреливают из пулеметов. Десятки тысяч женщин, детей и стариков убиты воздушными фашистскими бандитами. Около города Кантона японские военные суда напали на мирных рыбаков и потопили несколько тысяч человек. Когда японцы заняли небольшой городок Шуосян, в провинции Шаньси, они зверски убили 3 тысячи жителей.

На этом снимке вы видите бывшего председателя ЦИК советского Китая тов. Мао Цзе-дуна, который выступает на митинге. Он призывает всех трудящихся организовать единый фронт для борьбы с японскими захватчиками.

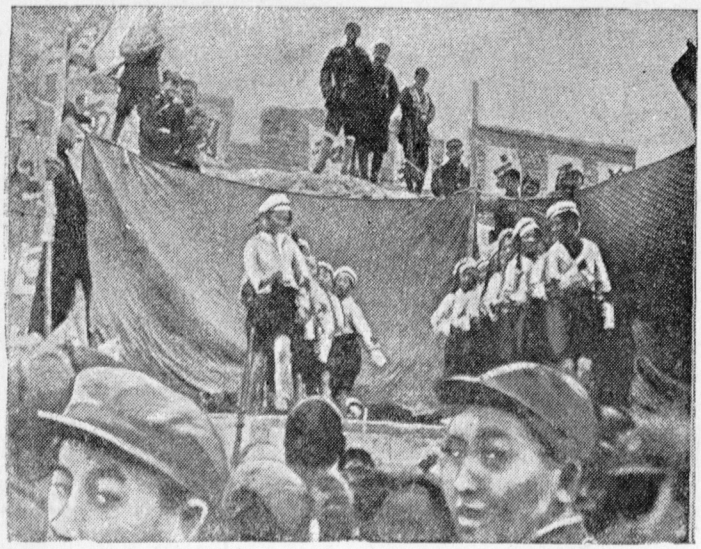
Китайские коммунисты предложили: чтобы успешно бороться с японскими захватчиками, надо прекратить войну китайских генералов между собой и с красной армией Китая и создать единый народный антияпонский фронт. Весь китайский народ поддержал это предложение коммунистов. Солдаты, рабочие, крестьяне вступили в бой с японскими войсками.

Особенно отважно сражается бывшая красная армия Китая, переименованная в 8-ю народно-революционную армию.

Наверху один из самых талантливых руководителей 8-й армии, тов. Чжу Дэ. Он рассказывает бойцам, как надо сражаться против японской армии. В первом же бою с 8-й армией японцы в Северном Китае понесли свое первое поражение. В сентябре 20 дней японцы с танками и самолетами атаковали важный горный перевал Нянцзыгуан. Но все их атаки были отбиты. У перевала полностью погибли 2 японских полка. 2 тысячи японских солдат были взяты в плен.

В октябре 8-я армия снова нанесла удар японцам. 4 полка ночью прорвались сквозь японский фронт. Одному батальону удалось проникнуть на японский аэродром, и китайские солдаты ручными гранатами уничтожили 24 самолета. Части 8-й армии захватили несколько десятков японских танков, 130 грузовиков и много пленных. Некоторые части 8-й армии разбились на мелкие партизанские отряды и нападают на тылы японских войск, не пропуская снаряжения и продовольствия.

Китайские пионеры помогают сражаться за свободу и независимость своей родины. На среднем снимке вы видите, как пионеры-горнисты сзывают на занятия курсантов командной школы 8-й армии. Перед выступлением в поход против японцев все командиры 8-й армии прошли курсы, на которых изучали тактику боя с японской армией. Среди этих командиров было много бывших пионеров из знаменитого 25-го пионерского корпуса красной армии Китая.



В особом районе Китая, где раньше были советы, в пионерской организации работает несколько сот тысяч юных пионеров. Они ухаживают за ранеными бойцами, обучают неграмотных, переодеваясь в лохмотья, ходят по дорогам, собирая сведения для отрядов 8-й армии о враге. Очень часто пионеры выступают в частях 8-й армии с пьесами и живыми газетами. На нижнем снимке пионеры выступают перед бойцами с живой газетой. Они рассказывают бойцам, как боролась и побеждала интервентов во время гражданской войны Красная армия СССР, как завоевали себе счастливую жизнь трудящиеся СССР.

Пример СССР воодушевляет китайский народ на борьбу с интервентами.

Электричество мозга

Ф. Дунаевский

Великое открытие и великая ошибка

Сообщение Луиджи Гальвани об открытии им какой-то особенной роли электричества в жизни организма произвело совершенно небывалое впечатление не только на ученых, но и просто на образованный мир его времени. Это было в 1791 году. Великие революционные события, происходившие в то время во Франции, придавали открытию Гальвани особый блеск: оно казалось ослепительной победой в разгоравшейся войне свободного человеческого разума с деспотизмом религии. И одновременно не было недостатка в легковерах, которым чудилось, что уже разгаданы все загадки жизни. Не было недостатка и в шарлатанах, обещавших новой «гальванической» силой исцелять чуть ли не все болезни и почти что воскрешать мертвых.

Первые факты, поведшие к открытию «животного электричества», обнаружил, собственно говоря, не сам Луиджи Гальвани, а его жена Лючия—и совершенно случайно. Ни Луиджи, ни тем более Лючия не занимались изучением электричества в животном организме. Луиджи был профессором анатомии в веселой и живописной Болонье и изучал мускульные движения. Лючия, может быть, тоже была бы профессором, если бы жила в наше время, но тогда этот путь был еще закрыт для женщины и она удовлетворялась тем, что помогала мужу в приготовлении препаратов из лягушек. Было у нее еще занятие, так сказать, педагогического характера: демонстрировать посетителям приобретенную Луиджи электростатическую машину, которая при вращении стеклянного диска между кожаными подушечками давала искры и треск. Такая машина была диковинкой в то время и привлекала в дом Гальвани немало любопытных. Лючия рассказывала посетителям об американском типографе Франклине, который об'яснил всему миру, что эти маленькие искры сродни молнии и этот негромкий треск сродни грому, а попутно показывала, как приготовлять для опытов Луиджи препараты из лягушек.

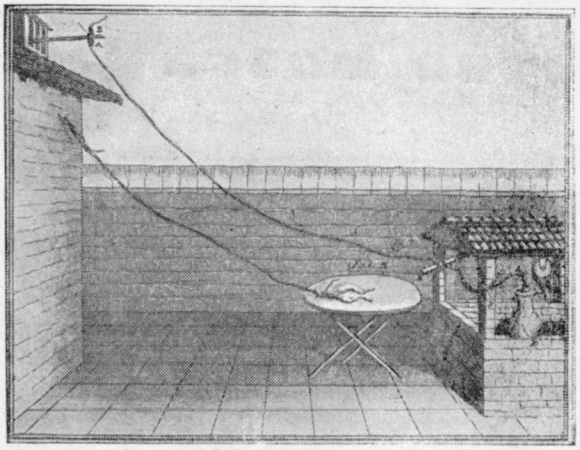
Препараты состояли из лишенных кожи лапок с их нервами и куском спинного мозга. Они готовились в той же комнате, где демонстрировалась электрическая машина. Благодаря такому стечению обстоятельств и произошло случайно то событие, которое оказалось поворотным моментом в истории науки и техники, а самого Гальвани привело к необычайной славе и вскоре затем к величайшему несчастью.

Луиджи Гальвани.

Событие заключалось в том, что лапки одного из препаратов вдруг дернулись сами собой, и произошло это как раз в тот самый момент, когда в машине произошел разряд.

Лючия немедленно оторвала мужа от его размышлений (он был занят совершенно другим делом) и рассказала ему о виденном. Луиджи сейчас же бросился проверять это сообщение.

Дело оказалось совсем не простым. Гальвани сам видел, что лапки действительно дергались и дергались как раз тогда, когда проскакивала искра в разряднике машины.



Опыт с атмосферным электричеством.
(Рисунок из книги Гальвани).

Но когда попробовали повторить опыт в другой раз, оказалось, что лапки не дергаются.

Может быть, причиной дергания был нож, которым препарировали лапки? Гальвани приложил к ним нож и держал так минуту, две, целый час, но это не приводило ни к малейшему подергиванию. Нет, дело было не в ноже.

Но в то время как Гальвани держал нож около лапок, Лючия попробовала пустить в ход машину. Лапки сейчас же дернулись. Гальвани отнял нож — лапки замерли неподвижно.

Было похоже на то, что ни разряд сам по себе, ни нож сам по себе дергания не вызывают—нужно, чтобы было и то и другое вместе.

Сейчас, когда мы привыкли к радио, нам очень легко об'яснить все эти подробности: человек с ножом в руке служил антенной, а лапки — своего рода живым детектором.

Но не только во времена Гальвани: еще и целую сотню лет после него ни один из ученых и понятия не имел о детекторах и антеннах, так хорошо известных сейчас любому школьнику. Положение Гальвани так же отличалось от нашего, как положение Колумба на пути в Америку от положения пассажира современного трансокеанского парохода.

Ничего не было известно. О каждой мелочи: о влиянии материала ручки ножа, о влиянии погоды, о влиянии возраста лягушки—удавалось узнавать только после бесчисленного количества опытов, из которых множество совершенно не удавалось. Лапки то повиновались воле Гальвани, то не повиновались, и понадобились годы, пока он не научился вызывать их движения безотказно.

В конце концов Гальвани соорудил установку, которая заменяла разряды электрической машины разрядами молний. Гальвани убедился, что опыт удается тем лучше, чем длиннее антенна (или, как он ее называл, «кондуктор»). Гальвани пришло на ум, что можно соорудить «кондуктор», который позволит использовать отдаленные вспышки молнии. Для этого он прикрепил один конец антенны к крыше дома, провел ее через весь двор и сделал заземление в колодец. Он знал, что ловить молнию — рискованное дело: судьба петербургского ученого Рихмана, поплатившегося за опыты с молнией своей жизнью, была ему известна.

Опыты оказались удачными. Даже тогда, когда тучи проходили в некотором отдалении и вспышки молнии не все были видны, лапки дергались. Только от зарниц никакого подергивания не получалось

Атмосферное электричество действовало так же, как электричество от машины.

Примерно в те самые дни, когда Гальвани ставил эти опыты с молнией, по аркадам Болонского университета, старейшего в мире, прогуливался Гете, тогда еще молодой, но уже знаменитый поэт. Он любовался открывавшимися из Болоньи широкими видами и горными пейзажами и размышлял о странностях болонских башен, которые ему показывали как главную достопримечательность города: эти башни стояли наклонно, а не прямо и казались падающими. Ни сам Гете и никто из водивших его по городу проводников не подозревали, что в это самое время во дворе Гальвани стояло и действовало сооружение, несравненно более интересное чем вычурные падающие башни.

Между тем новая случайность сделала опыты Гальвани еще интереснее. От квартиры Гальвани спускалась во двор широкая терраса с железной решоткой. На эту решотку Гальвани клал свои препараты лягушачьих лапок с металлическими крючками, воткнутыми в спинной мозг. Относительно металла, из которого были сделаны крючки, есть разноречие. В одном месте Гальвани писал о железных крючках, в другом — о медных. Как увидим дальше, это далеко не безразлично. Крючки касались одним концом решотки. И вот как-то раз Гальвани увидел, как одна из лапок дернулась, хотя на синем небе не было ни облачка. Он стал следить за лапками на же-

лезной решотке целыми часами, целыми днями. Ни одна из них больше не шевелилась.

Утомленный и огорченный напрасным ожиданием, Гальвани подошел к решотке и, быть может, не отдавая себе отчета в том, что он делает, прижал один из крючков крепче к решотке. И вдруг лапки сразу и отчетливо дернулись! Он прижал опять—дернулись!

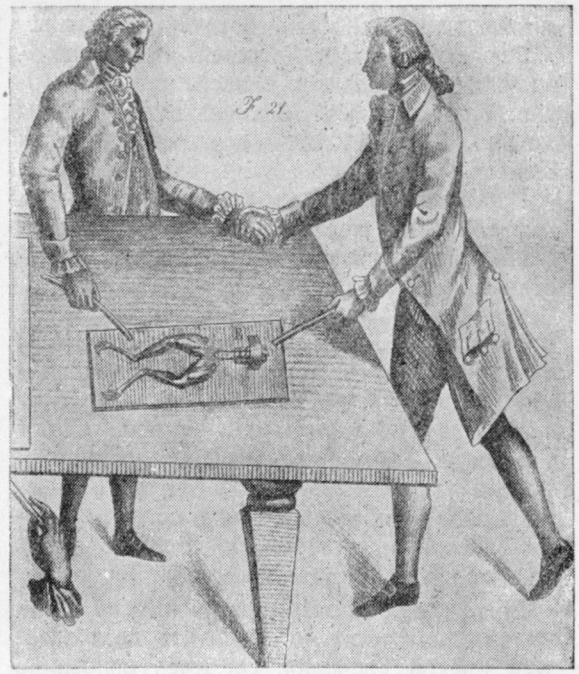
Он решил повторить опыт в запертой комнате, очевидно, полагая, что в запертую комнату никакое электричество из атмосферы не проникнет. Лапки с крючками были положены на железный лист. Но и здесь каждый раз, когда Гальвани прижимал крючок к листу, лапки дергались. Может быть, самое прижимание крючка механически действовало на них? Он положил лапки на непроводник — стекло — никакого действия!

Гальвани охватило необычайное волнение. Он чувствовал, что подошел к какой-то огромной и очень важной тайне. Одно из двух: или электричество происходило от металлов, или оно находилось в самом животном организме.

Гальвани был биологом. Второе предположение прельщало его гораздо больше: оно обещало открыть совершенно новые возможности для об'яснения жизненных процессов. Но Гальвани знал, «как легко ошибиться при экспериментировании и считать, что увидел то, что лишь хотел увидеть». И он постарался честно проверить обе возможности. Для этого Гальвани принялся повторять опыт на всевозможнейшие лады: в разные часы дня, в разных помещениях, с разными металлами.

Он достиг виртуозности в этих опытах. Он заставлял своего гостя держать рукой крючок, а сам прикасался железным прутом к лапке, и лапка не дергалась, но стоило ему взять своего гостя за свободную руку так, чтобы электрическая цепь замкнулась через их тела, — и лапка дергалась.

Особенное удовольствие доставлял посетителям устроенный им «электрический маятник»: лягушку держали за одну лапку так, что другая ее лапка висела над серебряной пластинкой, той же пластинки касался и медный крючок, воткнутый в спинной мозг. Когда лягушку опускали так, чтобы ее лапка коснулась серебряной пластинки, лапка сейчас же отдергивалась; это прерывало ток, и лапка снова спускалась на пластинку и снова отдергивалась. Так могло продолжаться довольно долго.



Опыт с замыканием электрической цепи.

Многократные опыты убеждали Гальвани, что дергание происходит и тогда, когда крючок, дужка и пластинка сделаны из одного и того же металла. Между тем физики уже в его время знали, что «электрический ток появляется только тогда, когда соединяются источники положительного и отрицательного электричества». «Допустить, что оба вида электричества могли скрываться в одной и той же металлической пластинке, казалось совершенно противным природе и противоречащим наблюдениям. Оставалось сделать вывод, что оба электричества находились в самом животном»,— так писал Гальвани.

Опыт с «электрическим маятником».

Это казалось Гальвани очевидным и бесспорным. Правда, он отлично заметил, что опыт удается гораздо лучше, когда применяются металлы разные, например медь и железо, серебро и медь. Но он не придал этому особого значения. Можно ли его упрекать за это? Сложность природы бесконечна, и в любом открытии наряду с ясным и установленным можно подметить

множество неясностей, остающихся на долю грядущих исследователей. Никак нельзя упрекать Гальвани в поспешности выводов: он решился опубликовать результаты только через 11 лет со времени первых опытов.

И все же мелочь, которую он проглядел, оказалась не мелочью, и это привело к очень печальным для Гальвани последствиям.

Сообщение Гальвани вызвало сенсацию. В светских салонах разговоры о животном электричестве стали настолько же модными, как и столоверчение, и гипнотические сеансы, и обыкновенные фокусы. Сотни ученых в Германии, Англии, Франции и России занялись проверкой опытов Гальвани. Среди этих ученых был и соотечественник Гальвани, Алессандро Вольта, тогда еще молодой, но уже известный физик.

Вольта имел особые основания не только взволноваться, но и считать себя задетым книгой Гальвани. Он имел основание считать себя в числе крупнейших знатоков электричества и сделал уже ряд крупных открытий в этой области. И вот является какой-то Гальвани, простой потрошитель лягушек, конечно, невежда в физике, и претендует на открытие электричества там, где ни один из настоящих специалистов никогда его не находил! И легковерная публика платит ему вниманием, какого сам Вольта несмотря на все свои действительно научные открытия никогда не видел!

Вольта делает опыт за опытом. Он вынужден признать, что Гальвани прав. Больше того, ему удается об'яснить, почему это «животное электричество» до сих пор оставалось неведомым для физиков: оно слишком слабо, чтобы его могли уловить обычные электроизмерительные приборы того времени — электроскопы. Но он, Вольта, благодаря изобретенному им самим прибору в состоянии измерить это электричество — и не при помощи лягушек, а настоящими, физическими методами. В сущности, и самые эти лягушечьи лапки есть не что иное, как живой электроскоп, более чувствительный чем обычные, в 10 раз более чувствительный, как показал Вольта.

Гальвани сам признавал, что при разных металлах опыты удаются лучше. Гальвани не придал значения этому обстоятельству. Вольта решил именно на нем сосредоточиться.

И действительно, оказалось, что иногда при применении одного металла опыт не удается вовсе, при применении же двух разных удается. Значит, соприкосновение разных металлов само по себе производит ток! При чем же здесь тогда лягушки? Нельзя ли обойтись без них?

Вольте приходит на ум, что его собственный язык — тоже мускул, и почти обнаженный. Вот «препарат», который можно иметь всегда в готовности, всегда одинаковый и без всякой возни. Он подходит к зеркалу и кладет на язык пластинку олова и серебряную ложечку, конечно, ожидая, что язык должен дернуться независимо от его воли так же, как дергаются лягушачьи лапки. Но оказалось совсем другое: язык не дернулся, а вместо этого Вольта ощутил во рту кислый вкус.

Откуда явилась эта кислота? Ни серебро, ни олово сами по себе не имеют вкуса. Их соприкосновение вызвало электричество, и это электричество и дало ощущение кислоты. Значит, дело действительно в соприкосновении разных металлов.

Мало того, от Вольты не укрылась одна замечательная особенность этого ощущения кислоты: оно было длительным, а не мгновенным. Это означало, что дело было не в разряде электричеств, скопившихся на металлах. Нет, соприкосновение металлов непрерывно производило электричество.

Отсюда уже было недалеко до того великого изобретения, о котором знает теперь каждый, до изобретения вольтова столба, в котором пластинки двух разнородных металлов, положенные попарно друг на друга и переложенные влажными кусочками картона, при замыкании цепи давали ток.

Впечатление от вольтова столба было не меньше чем от открытий Гальвани. Была создана машина, которая сама по себе и непрерывно производила ток, более сильный чем стеклянные диски; этим током можно было не только заряжать лейденские банки, приводить в движение мускулы животных, но и накаливать проволоку. Это было настоящее чудо!

Вот когда, наконец, пришла к Вольту мировая слава! Он не только раскрыл действительное происхождение гальванического тока, но и взнуздал эту таинственную силу, вручив вожжи изумленному человечеству.

Гальвани был оттеснен, посрамлен. Как он мог опровергнуть факты, которые он сам первый заметил, сам показал всему миру, не поняв их значения и не сумев ими овладеть?

И все же было нечто, с чем он не мог согласиться. Ведь все-таки лапки дергались и тогда, когда все было сделано из одного и того же металла!

Гальвани не сдается. Он демонстрирует свои опыты, он пишет Вольте. И Вольта не может отрицать, что, действительно, в некоторых случаях достаточно как будто и одного и того же металла.

Но Вольте мало своей славы. Ему мало того, что знаменитейшее в ученом мире лондонское «королевское общество» избирает его своим членом—высшая форма научного почета того времени. Он не может примириться с тем, что наряду с его открытием существует еще и чужое, притом непонятное. И вот великий экспериментатор, не будучи в состоянии отрицать неугодные ему факты, пытается отделаться от них. Металлы, заявляет Вольта, могут быть разнородными даже тогда, когда кажутся однородными.

Вот на такую теорию было трудно возражать, тем более что Вольта ничем ее не доказывал.

Гальвани брал одно за другим вещества, казалось бы, наверняка однородные: ртуть, уголь, раствор соли. А Вольта в ответ на это ставит опыты с железным прутом и доказывает, что достаточно накалить один конец прута или просто нагреть в горячей воде, чтобы металл сделался неоднородным и образовалось электричество. Если такие незаметные для глаза различия способны вызвать неоднородность, заявлял Вольта, то и во всех других случаях она должна быть, хотя бы мы и не знали, в чем она заключается.

Как можно было спорить против таких теорий? Их нельзя было ни доказать, ни опровергнуть. Но огромный авторитет Вольты был важным доводом в споре, и никто уже не слушал Гальвани. Ученый мир отворачивается от него. Его работы читали со снисходительной улыбкой, как и всякие сообщения об электрических людях, от которых будто бы исходили искры при рукопожатии или поцелуе. По причинам, не очень хорошо известным, он вынужден был оставить кафедру в университете. Через несколько лет он умер совершенно одиноким.

Его книга вызвала слишком большие надежды. При помощи гальванизма хотели излечивать все болезни. Если электричество двигает отрезанные ноги лягушки, то не может ли оно оживлять трупы? Теперь надежды сменились разочарованием. Выражение «гальванизировать труп» вошло в поговорку в смысле «мертвого дела».

А Вольту пригласили в Париж. Он демонстрировал свой столб в присутствии Наполеона, получил деньги, медаль, графский титул, ордена, звание сенатора.

Когда впоследствии он подал в отставку, ссылаясь на старость, Наполеон ответил, что Вольта может оставаться профессором, не обременяя себя трудами: достаточно, если он прочтет одну лекцию в год.

И еще почти полвека спустя знаменитый физик и признанный судья в делах научной славы Франсуа Араго, рассказывая в Парижской академии наук об открытиях, положивших начало блестящим успехам науки об электричестве, назвал вольтов столб «прибором, чудеснее которого никогда не изобретал человек, не исключая даже телескопа и паровой машины», открытие же Гальвани об'явил «мечтой, которая недолго жила: весь роман был уничтожен строгими опытами Вольта».

Но прошли еще десятилетия, и сейчас все биологи знают, что и Гальвани был по-своему прав: в каждом животном организме, в каждом растении, в каждой живой клетке происходят электрические явления, и без них невозможна жизнь.

Открытие в запечатанном пакете

Спустя почти 100 лет после Гальвани австрийский профессор Флейшль фон Марксов сделал другое замечательное открытие в той же области. Но, вместо того чтобы опубликовать его, он вложил его описание в пакет, запечатал сургучными печатями и передал на хранение в Академию наук. Что было в этом пакете?

Раскрыть истину и оправдать Гальвани, хотя бы через полвека после его смерти, удалось потому, что всегда в науке находятся люди, над которыми научные авторитеты так же не властны, как не властны суеверия религий. Эти люди сумели догадаться, что презрение к животному электричеству происходило от слабости науки, а не от ее силы: от того, что приборы физики были еще слишком грубы, чтобы уловить слабые токи живого организма. Эти люди решили задачу тем, что построили приборы более точные.

Так было установлено существование и огромное значение животного электричества.

Из этого сам собой вытекал один очень важный выход, которого, однако, никто не делал. Флейшль был первым, кто не только сделал этот вывод, но и проверил его.

Вывод этот заключался в том, что если электрические явления сопровождают все жизненные процессы, то они должны сопровождать и работу мозга.

Профессор Флейшль.

Флейшль еще мальчиком заинтересовался работой мозга и нервов. Как-то раз он сделал неловкое движение. Он так и не признался, какое именно. Можно догадаться только, что это был промах, очень чувствительный для быстрого и ловкого мальчика, стремившегося быть первым и в гребле, и в плавании, и в танцах, и на охоте. Флейшль задумался: «Отчего это происходит, что когда я принимаю решение поднести стакан ко рту, то все части моей правой руки приходят в движение: пальцы берут стакан, подымают его—короче говоря, как это получается, что мое тело подчиняется моей воле? Если движение может быть вызвано не только волей, но и электрическими токами, то не об'ясняются ли различия в движениях различиями в электрических токах, которые рождаются в мозгу, управляющем нашим телом?».

В те времена многие ученые надеялись таким слишком простым способом об'яснить сложную работу нашего тела. Еще полвека спустя в той же Вене другой ученый заставлял своего помощника думать, будто он двигает рукой или ногой, и отводил в это время электрические токи от его тела к громкоговорителю. Он научился отличать по звуку этих токов, когда его помощник мысленно двигал рукой и когда — ногой.

Не в этих ли различиях тока лежала разгадка и неловкого движения, так сконфузившего когда-то Флейшля-мальчика?

Флейшль вскрывал мозги собак и отводил от них токи.

Но собака не могла рассказать, что она чувствует или чего она хочет в это время. И Флейшль приходит к идее, с которой он и вошел в историю науки.

Надо *найти способ отводить электрические токи от мозга живого человека, разумеется, таким способом, чтобы не разрушать при этом его черепа!* Как это сделать? Несомненно, мозговые токи проходят сквозь череп, и если мы не улавливаем их, то только потому, что наши инструменты недостаточно чувствительны для этого. Надо увеличивать чувствительность электроизмерительных инструментов!

И вот физиолог Флейшль становится инженером. Он изучает все точные измерительные приборы, какие могли изготовляться в Вене, везет венские приборы на выставку в Соединенные штаты Америки, в Филадельфию, чтобы лучше познакомиться со всеми существующими в мире приборами. Через два года он едет с приборами на выставку в Париж, еще через год участвует в электрической выставке в Вене. Но ему мало изучать существующие приборы: он пытается их усовершенствовать.

Речь идет о капиллярном электрометре. Электрический ток заставляет каплю ртути менять свою форму. Эти изменения особенно заметны, если ртуть помещается в тоненькой как волосок стеклянной трубочке (капилляре) и если каплю рассматривать в микроскоп. Так можно уловить ток, в сотни тысяч раз слабее чем ток в батарейке для карманного фонарика.

И вот после многих лет работы Флейшль улавливает, наконец, электрический ток от мозга собаки, не разрушив ее черепа (правда, все же очистив кость от надкостницы).

Это и было тем событием, сообщение о котором он поспешил спрятать в пакет, прошнурованный и засургученный.

Но не проще ли было опубликовать открытие во всеобщее сведение, дружески поделиться с товарищами учеными, чтобы поскорее двинуть дело дальше совместными усилиями?

Дело-то в том, что общество ученых, среди которых жил Флейшль, далеко не было обществом друзей, бескорыстно преданных истине. Скорее, оно походило на стаю волков, готовых вырвать у соседа любое открытие, если оно обещает хоть каплю успеха и славы, и затем оттолкнуть, оклеветать, погубить ограбленного. Времена Галилея, сожженного за истину на костре, правда, как будто уже прошли. Но пример Гальвани еще стоял живым перед глазами. Флейшль, разбитый болезнью, боялся опубликованием своих первых шагов помочь другим обогнать его. Выход, придуманный им, был смешным и недостойным. Флейшль получил по заслугам. Семь лет спустя, в 1890 году, появились сообщения других ученых о мозговых токах. Когда Флейшль в заботе о своем праве первенства вскрыл на заседании Академии наук свой пакет и опубликовал его, один из ученых ответил ему: «Для науки безразлично, хранится ли решение загадок природы под печатью самой природы или под печатью королевской Академии наук в Вене. Первенство принадлежит тому, кто, сломав печать природы над этими загадками, не прячет их под другую печать».

И он был прав.

Поиски продолжаются

Прошло 12 лет после спора о первенстве и 11 лет после смерти Флейшля. И только тогда, наконец, нашелся человек, оценивший открытие электрических токов мозга и решившийся двигать дело дальше. Это был мало кому известный психиатр, 29-летний приват-доцент Ганс Бергер в Иене. И понадобилось еще свыше двух десятков лет, пока Бергеру удалось получить свои первые результаты.

История Бергера — это история постоянной погони за новыми приборами, которые становились все чувствительнее и все же оказывались недостаточными.

Прибором, который позволил, наконец, Бергеру решить свою задачу, был так называемый шпульный гальванометр. Между магнитными полюсами этого прибора помещалась крохотная катушечка, подвешенная таким образом, чтобы она могла поворачиваться очень легко, почти без сопротивления. На катушечку было наклеено крохотное зеркальце. Это зеркальце отбрасывало зайчик, который колебался вместе с колебаниями катушечки. Зайчик через особую щель попадал в фотографическую камеру и оставлял там запись на движущейся фотографической ленте. А зайчик начинал прыгать от самого слабого тока, проходящего через катушечку.

Когда этот гальванометр был придуман, Бергер начал опыты над своим сыном, 15-летним Клаусом. Мальчик знал, что это делается для науки, он позволил остричь себя и вонзить электрическую иглу сквозь кожу головы и надкостницу до самой черепной кости.

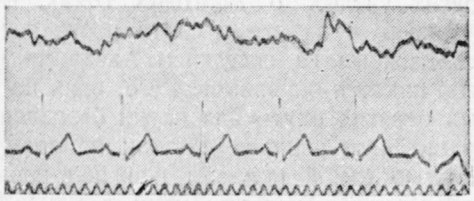
Токи от мозга Клауса были получены и записаны. Их можно было спокойно рассматривать, изучать и показывать другим. Казалось, два с лишним десятка лет ожидания и усилий прошли ненапрасно. Но токи показывали совсем не то, чего Бергер ожидал. Они вели себя очень странно и непонятно. Бергер рассчитывал, что если раздражать глаз светом, ухо—звуком и т. д., то токи будут усиливаться—на самом деле они слабели. Он считал, что когда мальчик думает: отвечает на вопросы, решает задачи,— токи будут возрастать—на самом деле они почти исчезали. Это противоречило всему, что было известно об электрических явлениях в мускулах, нервах и других органах, где деятельность всегда сопровождалась усилением токов.

Не было ли здесь какой-то ошибки в опытах? Бергер принимается с нарочитой придирчивостью проверять все возможные источники ошибки, какими бы невероятными они ни казались. Может быть, это вовсе не мозговые токи? Не происходят ли они от движения кожи на голове? Не вызываются ли биением сердца, колебаниями в кровеносных сосудах, мускульными сокращениями при глотании, при разговоре или случайными сотрясениями?

Действительно, все эти причины могли вызывать токи и вызывали, и Бергер записывал их. Но все эти токи имели совсем другой характер. Бергеру удалось найти способ получать записи, на которых ни

одна из этих побочных причин не отражалась. Это были совершенно несомненные и бесспорные токи от мозга.

Но тогда что же?



Запись электрических волн от мозга сына Бергера — Клауса.

Очевидно, в мозгу существуют особые электрические колебания, которые не вызываются деятельностью мозга, происходят сами по себе во время покоя и как раз исчезают во время работы мозга.

Это было очень важным открытием.

Кроме этих самопроизвольных волн, альфа-волн, как их назвал Бергер, существовали еще разные другие. Но с этого момента Бергер почти исключительно занят альфа-волнами.

Его интересовали тысячи вопросов относительно этих волн. На все эти вопросы он мог теперь получать ответы. Как ведут себя эти волны во сне? Слабеют, но не исчезают. При наркозе? Исчезают. При обмороке? Исчезают.

При отвлечении внимания звуком, светом, уколом они чрезвычайно слабеют, то же самое при решении задачи. Но когда задача решена, они становятся еще сильнее, чем были.

При всем этом длина этих волн остается неизменной. У каждого человека она своя, но в среднем у нормального человека эти волны длятся около $^1/_{10}$ секунды, т. е. происходит 10 колебаний в секунду. Но при сильном волнении, испуге волны эти резко учащаются, иногда почти вдвое. У маленьких детей, до 5—7 лет, волны реже, у новорожденных, в первые недели, их нет совсем.

Точно так же изменяются эти волны и при отравлении разными ядами и при некоторых болезнях. Здесь, однако, Бергера ждало разочарование. Он рассчитывал, что по мозговым токам удастся узнавать душевные болезни, но этого не оказалось, если не считать эпилепсии и еще кое-каких болезней.

Не было также никаких определенных различий и между токами нормальных людей и слабоумных.

Вместо конца

Я знаю, что некоторые из моих читателей рассчитывают прочесть здесь, чем же все эти исследования кончились. Я должен уже заранее предупредить их, что я вовсе не считаю необходимым писать только о том, что уже кончилось. По-моему не менее интересно волноваться и ждать вместе со всем ученым миром раскрытия того, что еще загадочно, и, быть может, попытаться участвовать и самому в раскрытии этих загадок. Те, кому это не нравится, может быть, не захотят читать дальше. Для остальных я расскажу, какие основные вопросы в этой области волнуют сейчас ученых и какими средствами обладает наука для решения этих вопросов.

Бергер уже 13 лет продолжает записывать свои кривые мозговых токов. Он научился обходиться и без прокалывания кожи иглой, посредством простого накладывания металлических пластинок-электродов поверх кожи головы. Он умеет проделывать это уже не только на лысых. Все это позволило ему обследовать не одну сотню людей, накопить целые километры записей и обнаружить множество интересных фактов. О работах Бергера другие ученые сначала молчали, но в последние годы стали их проверять, повторять и продолжать в десятках мест, в том числе у нас, в Москве и Ленинграде. Среди множества возникших интереснейших вопросов два вопроса наиболее важны.

Первый вопрос: с чем связаны эти «непроизвольные» колебания (около 10 раз в секунду), какова их жизненная роль? Бергер считает, что эти колебания связаны каким-то образом с нашим сознанием. Он доказывает это тем, что они исчезают при обмороке, под наркозом, как только наступит смерть (наблюдалось у собаки), но сохраняются, хотя и слабеют, во время сна. Кроме того на волнах этих отражается всякое впечатление, привлекающее наше внимание.

Впрочем, вопрос о связи альфа-волн с сознанием еще нельзя считать окончательно выясненным.

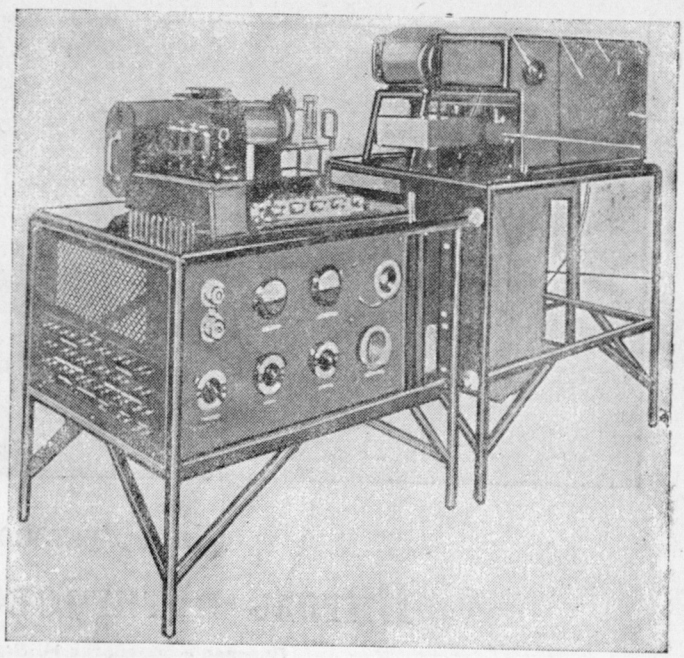
С этим же связан и второй важный вопрос по поводу альфа-волн. Почему при отвлечении внимания они исчезают? Бергер об'ясняет это так, что когда наше

внимание чем-нибудь привлечено, вся энергия мозга сосредоточивается где-то в одном месте и потому исчезает там, куда приложены электроды.

Есть и другая возможность.

Один австрийский ученый поставил опыты в радиотехническом институте, оборудованном еще более совершенными приборами чем бергеровские. И оказалось, что во время деятельности мозга альфаволны не просто исчезают, а смываются волнами, несравненно более быстрыми: тысячи колебаний в секунду. Можно сказать, что теперь уже действительно удалось видеть, что происходит в мозгу во время его работы.

В течение столетия ученые стремились к аппаратам, достаточно точным и чувствительным, чтобы можно было уловить все тончайшие электрические колебания жизни. Уже несколько лет эту задачу можно считать решенной. Сейчас возможно отводить токи от каждого отдельного волоконца, от любой клетки мозга, улавливать самые слабые токи и самые быстрые колебания.



Современный осциллограф — аппарат для записи электрических колебаний. Вместе с катушечкой, висящей между сильными электромагнитами, колеблется крошечное зеркальце.

И одновременно открылась новая трудность: получившиеся записи оказались столь огромными и столь сложными, что совершенно не видно, как в них разобраться.

От одной точки мозга во время его деятельности в одну секунду исходит не меньше колебаний, чем можно видеть звезд на небе в самую ясную ночь! Но ведь каждая клеточка мозга имеет свои ритмы, количество же клеточек в мозгу одного человека больше, чем мы в состоянии вообразить. С древних пор количество звезд на небе считалось примером неисчислимости. Но если бы мы, взглянув на небо, вообразили, что каждая звезда — это не точка, а тоже целое звездное небо, и если бы на этом новом звездном небе каждая звезда тоже была целым звездным небом, только тогда получилось бы число, примерно похожее на число клеточек в одном человеческом мозгу.

И все же наука не отступает перед сложностью этих явлений. И звездный мир казался когда-то далеко не таким стройным и понятным, каким он кажется современной астрономии, измерившей и взвесившей каждую звезду и определившей ее возраст, ее состав и ее путь в мировом пространстве. И неисчислимые полчища мозговых клеточек понемногу тоже начинают строиться в ряды и раскрывать свои тайны упорному взору исследователей. Кто знает, не подошли ли мы уже близко к разгадке мозгового электричества! Всякое великое открытие продолжало казаться «мечтой далекого будущего» еще за секунду до того, как оно было сделано.

Каждый из нас может оказаться покорителем этих неведомых областей, не менее увлекательных и не менее важных для нас чем звездные миры, если только решится посвятить этому столько времени и столько сил, сколько такое дело требует.

□ □ □

Шота Руставели

Витязь в тигровой шкуре

Перевел и обработал Н. Заболоцкий

(Продолжение)

Повесть двадцать первая. О том, как Нестан-Дареджан была заключена в крепость Каджети

Закатилось наше солнце, и с тех пор в тоске великой
День и ночь я размышляла о девице солнцеликой.
Стал мне дом мой ненавистен, и наряды, и ковры,
И Усен-клятвопреступник опротивел с той поры.

Раз с прогулки возвращаясь, шла я около харчевни.
Тут для путников усталых был приют устроен древний.
Под деревьями сидели три усталые раба,
И была на них одежда запыленная груба.

Незатейлив был их ужин, но они не унывали,
О дорожных приключеньях двое весело болтали.
Третий раб молчал и слушал. И когда дошел черед,
Молвил он: — Приятно слушать то, что знаешь наперед.

Но со мной случилось, братья, нечто странное сегодня.
Мир велик, различны люди, и на всем рука господня,
Но такое, братья, чудо я увидел в первый раз.
Ваша речь была крупою — будет перлом мой рассказ.

Раб великого царя я, повелителя Каджети.
Умер он. Росан и Родья — от него остались дети.
Их воспитывает ныне Дулардухт, сестра царева,
Хоть и женщина царица, но характером сурова.

Дети счастья и удачи, мы разбоем промышляем,
Ночью грабим караваны и торговцев убиваем.
Сто рабов в отряде нашем, и Рошак — наш предводитель,
Уж немало он сокровищ перенес в свою обитель.

Как-то раз глухою ночью наш отряд в степи скитался,
Вдруг какой-то свет чудесный перед нами показался.
Мы коней остановили, пораженные виденьем.
— Уж не солнце ль там спустилось? — я сказал с недоуменьем.

— Нет, — ответили другие, — это свет звезды падучей.
— Вздор какой, — сказали третьи, — то луна глядит из тучи.
Растянулись мы по степи, и вперед пошли лавиной,
И виденье окружили, что сияло над долиной.

И раздался нежный голос в том колеблющемся свете:
— Я посол из Гуланшаро, еду нарочным в Каджети.
Кто вы, путники ночные? Что вы встали предо мною?
И возник перед нами всадник, сходный с юною луною.

Словно молния ночная, все лицо ее светилось,
Из очей лилось сиянье и по воздуху струилось,
Точно копья из агата висли длинные ресницы,
И Рошак отважный понял, что пред нами лик девицы.

Мы девицу задержали и спросили: — Кто ты, дева?
Почему одна ты едешь? — Но, исполненная гнева,
Наша пленница, рыдая, не сказала ничего нам.
Жаль тебя, луна ночная, поглощенная драконом!

И сказал Рошак нам: — Братья, что стоим мы в самом деле?
Не понять нам этой девы, как бы мы ни захотели.
Бог ее послал нам в руки. Отведем ее царице.
Дулардухт довольна будет и заплатит нам сторицей.

Мы на это согласились и в Каджети поскакали.
Дева плакала безмолвно, опустив конец вуали.
Я заехал в Гуланшаро и купил товаров кучу,
Догоню друзей я завтра, если лошадь не замучу.

Раб свою закончил повесть. Услыхав ее случайно,
Я возрадовалась сердцем в этот день необычайно,
Луч затеплился надежды, иссушился слез поток,
Но до пленницы несчастной путь был страшен и далек!

Двух рабов, как сажа черных, в доме я своем имела,
С детства эти эфиопы колдовское знали дело:
Стать невидимыми глазу без труда они могли,
И как тени проносились над просторами земли.

Я послала их в Каджети, и они слетали мигом
И, вернувшись, рассказали мне в смущении великом:
— Дева в башне неприступной на скале заключена,
И с царевичем Росаном уж помолвлена она.

Но царице не до свадьбы: Дулардухт об'ята горем:
У нее сестра скончалась, где-то жившая за морем.
Дулардухт за море едет и с собою хочет взять
Колдунов своих искусных и бесчисленную рать.

Показался неприступным нам великий город каджей.
Там скала стоит до неба, вся оцепленная стражей,
И внутри скалы той чудной проведен подземный ход,
Он на самую вершину, в башню пленницы, ведет.

Стерегут проход подземный десять тысяч самых лучших
Юных витязей отважных и воителей могучих.
И у трех ворот стоят там по три тысячи людей.
Горе мне с тобою, сердце! Нет защиты от цепей.

Автандил, купцом одетый, услыхал известья эти,
Молвил: — Фатьма, расскажи мне все, что знаешь о Каджети.
Если оборотни каджи или духи, — об'ясни,
Почему людьми простыми смертным кажутся они?

— Нет, не оборотни каджи, — Фатьма витязю сказала, —
Колдуны они простые, но вреда от них немало.
Кто пойдет на них войною, будет мигом ослеплен
И вернется из похода чуть живой в отчизну он.

Что творят они над нами, эти злые изуверы!
Поднимают ураганы, топят лодки и галеры,
По воде умеют бегать и взлетают в высоту,
Ночь сияньем освещают, днем наводят темноту.

Автандил расстался с Фатьмой и вознес молитву богу.
— Боже, — он сказал, — не даром я отправился в дорогу.
Ты на путь меня наставил и привел меня сюда.
Не оставь меня, великий, если встретится беда!

Автандил проснулся утром с упованьем и надеждой
В этот день решил расстаться он с купеческой одеждой.
Снова витязем оделся и хозяйку пригласил,
Лев, от муки исцеленный, стал светилом из светил.

Лик его, подобный розе, я сравнил бы с пышным садом.
Вот на зов явилась Фатьма, он уселся с нею рядом,
Улыбнулся он хозяйке и румян и белолиц,
И на садик роз упала тень от хижины ресниц.

— Фатьма, — он сказал, — не гость я, не начальник каравана,
Я великий полководец государя Ростевана.
Рать подвластна мне большая и доспехов полный дом,
Лишь на время пред тобою я прикинулся купцом.

Есть у нашего владыки дочь — царица Тинатина.
Чтоб руки ее добиться, я покинул господина.
Отыскать я обещался деву, лучшую на свете, —
Ту, которая томится ныне в крепости Каджети.

И поведал витязь Фатьме о любови Тариэла.
— Слушай, Фатьма, — он воскликнул, — нет любви его предела,
Помоги спасти мне деву, что томиться ей в неволе!
Пусть влюбленные воссядут на отеческом престоле.

Мы пошлем раба в Каджети, пусть к царевне он слетает,
Пусть снесет посланье деве и о новостях узнает.
Мы со временем исполним все, что скажет нам девица.
Уж недолго ей осталось в этой крепости томиться!

Фатьма в радости сердечной прошептала: — Славу богу!
Ты меня утешил, витязь, и прогнал мою тревогу.
За рабом она послала. Тот пришел, как ворон черный,
И собрался в путь далекий, госпоже своей покорный.

Повесть двадцать вторая. О том, как Нестан-Дареджан написала письмо своему возлюбленному

Фатьма деве написала: «О небесное светило!
Ты ушла от нас и горем нас навеки поразила.
О судьбе своей печальной не сказала ты ни слова,
Лишь теперь узнала тайну я от гостя молодого.

Ныне прибыл в Гуланшаро из далекого предела
Автандил, арабский витязь, брат названный Тариэла.
Ищет он тебя повсюду, чтоб помочь в несчастьи брату.
Твой возлюбленный не в силах позабыть свою утрату.

Через нашего посланца получив известья эти,
Напиши нам, о царевна, все, что знаешь о Каджети:
Уезжают ли за море колдовские эти каджи,
Сколько войска остается и достаточно ли стражи.

И еще пошли, царевна, Тариэлу знак любови.
Вырвем мы тебя из плена, будь отныне наготове.
Успокойся же, о солнце, и забудь былые муки:
Лев найдет свое светило после тягостной разлуки».

Фатьма кончила посланье и рабу его вручила
И отдать письмо царевне в тот же вечер научила.
Раб накрылся с головою некой мантией чудесной
И над кровлями помчался, словно призрак бестелесный.

Как стрела летит из лука и трепещет от полета,
Так достиг он до Каджети и прошел через ворота.
Мимо витязей отважных он, как призрак, промелькнул,
И никто из них ни разу на пришельца не взглянул.

Солнцеликая сидела в тесной каменной темнице.
Вдруг явился перед нею некий странник чернолицый.
Безобразный и косматый, был он в бурку лишь одет
И, как пленнице казалось, предвещал немало бед.

Дева вскрикнула в испуге и отпрянула, робея.
Раб сказал: — Не бойся, солнце! Послан Фатьмою к тебе я,
Я принес тебе посланье от любимой госпожи.
Близок час освобожденья! Не томись и не дрожи!

Изумленная царевна глаз миндалины открыла,
И посланье прочитала, и слезами оросила.
— Кто же он, — она спросила, — этот витязь молодой?
После долгих лет изгнанья кто сочтет меня живой?

Раб сказал: — С тех пор, как, солнце, ты попала к этим каджам,
Я клянусь тебе судьбою, нет конца страданьям нашим.
Ныне к нам приехал витязь, и на твой напал он след.
Должен я спешить, царевна. Напиши скорей ответ.

— Вижу я, — сказала дева, — справедливы вести эти.
Но откуда знает Фатьма, что попала я в Каджети?
Значит, он еще не умер, мой возлюбленный жених.
Напишу письмо я Фатьме о страданиях моих.

И царевна написала: «Госпожа моя сестрица!
Ты мне матери дороже, лишь к тебе мой дух стремится!
Ты меня спасла когда-то, снова я теперь в плену,
Сотни витязей отважных стерегут меня одну.

Что еще могу ответить на твои благие вести?
Повелительница каджей и войска ее в от'езде,
Но бесчисленная стража здесь стоит и день и ночь.
Как бы вы ни захотели, невозможно мне помочь.

Пусть возлюбленный мой витязь не спешит сюда с войною.
Если он в бою погибнет, смертью я умру двойною.
Напиши ему посланье, пусть не плачет обо мне,
Я о нем не позабуду в этой дальней стороне.

Ныне шлю ему на память в знак любови и печали
И сырой моей темницы лоскуток моей вуали.
Та вуаль отбита милым у хатавов, и она,
Всюду странствуя со мною, как судьба моя, черна...»

Кончив скорбное посланье, дева пишет Тариэлу.
Сердце в муке пламенеет, слезы льются без предела.
Сквозь расщепленную розу чуть виднеется алмаз.
Вот письмо царевны юной, поражающее нас:

«О мой милый! В заточеньи вот письмо я начинаю.
Стон пером мне нынче служит, в желчь перо я окунаю.
На твоем пишу я сердце, чтобы слить его с моим.
Не забудь о друге, сердце, навсегда останься с ним!

Жив ли ты, о мой любимый, я не ведала доселе,
Все мои иссякли слезы, дни тянулись, как недели,
Ныне я узнала правду от надежного гонца,
И смирилась перед богом, и прославила творца.

Если жив ты, мой любимый, — сердцу этого довольно,
Пусть, израненное, ноет, — утешаюсь я невольно.
Вспоминай меня в разлуке, нелюдим и одинок.
Я любовь мою лелею, как диковинный цветок.

Как сумею рассказать я о былой моей печали?
Удивится каждый смертный, но поверит мне едва ли...
Фатьма — славная подруга — от рабов меня спасла,
Но, застигнута судьбою, снова я в пучине зла.

Мир страданьями моими не насытился доныне.
В руки каджей я попала, проезжая по пустыне.
В башне я сижу высокой, вдалеке от всех людей,
И ведет лишь ход подземный к келье каменной моей.

Дни и ночи злые стражи стерегут мой дом высокий.
Не ходи сюда, мой милый, не пытай судьбы жестокой.
Если в битве беспощадной колдуны тебя убьют, —
Сожжена я буду так же, как сожжен огнивом трут.

О не думай, мой любимый, что достанусь я другому.
Если нет тебя со мною, я чужда всему земному.
Заколю себя клинком я или брошусь из окна,
Но тебе останусь верной, как всегда была верна.

Без тебя не светит солнце, ибо ты его частица,
Ты вернешься к Зодиаку, чтобы в Льва преобразиться.
Буду я в твоем сиянье, безмятежная, гореть...
Горько было жить на свете — сладко будет умереть!

Что бояться мне кончины? Душу я тебе вручила,
Навсегда твой милый образ в бедном сердце заключила.
Вспоминать былое тяжко, слишком много в сердце ран.
Обо мне не плачь, мой милый! Уж таков мне жребий дан.

Лучше в Индию, мой витязь, отправляйся ты с полками,
Там отец мой неразумный окружен теперь врагами.
Помоги ему в сраженье и в печали успокой.
Я тебя до самой смерти не забуду, милый мой.

Шлю тебе кусок вуали — дар любови и участья.
Это все, что мне осталось от потерянного счастья.
Горе мне! Надежды призрак навсегда от нас исчез,
Повернулось к нам с угрозой колесо семи небес...»

Дева кончила посланье и кусок вуали черной
Приложила, и умчался от нее гонец проворный.
Вот он прибыл в Гуланшаро и спустился на дорогу.
Автандил прочел посланье и вознес молитву богу.

— Госпожа, — сказал он Фатьме, — все желанное свершилось,
Чем, не знаю, заслужил я от тебя такую милость...
Завтра я тебя покину. Истекли часы досуга.
Но вернусь еще я к каджам и возьму с собою друга.

— Лев, — сказала Фатьма, — знаю, ты горишь огнем великим,
Нелегко мне, бедной, будет расставаться с солнцеликим,
Но спеши, не огорчайся. И, пока войска в от'езде,
Да обрушится на каджей справедливое возмездье!

Витязь с Фатьмою простился и позвал рабов Фридона.
— Други, — он сказал, — упала наша главная препона:
О царевне мы узнали, что в плену она томится,
Силен враг, но будет время, и разрушится темница.

Поезжайте вы к Фридону, передайте вести эти.
Пусть, собрав большое войско, выступает он в Каджети.
С полководцем Тариэлом скоро мы к нему прибудем,
Чтоб воздать герою славу и его отважным людям.

Вам же я дарю за службу все, что отнял у пиратов, —
Много там шелков различных, и рубинов, и агатов.
Пусть узнает ваш владыка, как усердно вы служили,
Как его приказом царским на чужбине дорожили.

Повесть двадцать третья. О том, как Автандил возвратился в пещеру

Год прошел, настало лето — трав весенних прозябанье.
Уж цвели повсюду розы, приближая миг свиданья.
Солнце утром поднималось в доме нового созвездья.
Витязь, море переехав, дорогие вез известья.

Небо вешнее гремело, выпадали ночью росы.
Побледневшими устами целовал скиталец розы,
И шептал он им: — О розы! О цветы любви невинной!
Только вы одни остались мне в разлуке с Тинатиной.

Витязь ехал по оврагам, пропадал в пустынях жгучих,
В дикой чаще тростниковой убивал зверей могучих,
Вспоминая Тариэла, слезы горестные лил...
Наконец достиг пещеры и коня остановил.

Недалеко от пещеры, над пустынною рекою,
Тариэл стоял могучий, попирая льва ногою.
Меч, залитый алой кровью, трепетал в его руке,
Конь, прекрасный, как Мерани, мирно пасся вдалеке.

Братья в радости сердечной крепко обняли друг друга.
— Здесь, — сказал печальный витязь, — умирал я от недуга,
Слез кровавыми струями омывал очей агат,
Но, тебя увидев ныне, все забыл я, милый брат.

Автандил, смеясь, воскликнул: — Время розе обновиться,
Нету надобности боле одинокому томиться.
Получил я о царевне утешительную весть.
Есть еще на свете правда, и надежда также есть.

Развернув кусок вуали, Автандил прочел посланье.
Побледнел несчастный витязь. Прекратилось в нем дыханье.
Пал на землю он, как мертвый. Стража черная ресниц
Над закрытыми очами, трепеща, склонилась ниц.

Автандил на тело друга пал, рыдая безутешно.
— Горе мне! — сказал несчастный. — О зачем я так поспешно
Это яростное пламя потушить хотел, глупец?
Неожиданная радость — гибель пламенных сердец.

Кровью льва из темной раны брызнул он на темя друга,
Тариэл зашевелился и очнулся от испуга,
Стража черная открыла очи дивной глубины,
Отражен лучами солнца, стал лазурным луч луны.

Не живут зимою розы: губят их снега и стужи,
Летом, в засуху, от солнца им еще бывает хуже.
Таково людское сердце: горе, радость ли — оно
И безумствовать на свете и страдать осуждено.

Плача горькими слезами, Тариэл читал посланье.
— Что ты плачешь? — друг воскликнул. — Срок окончен испытанья.
Время радости приспело. Завтра сядем на коней
И отправимся в Каджети за невестою твоей.

И воспрянул дух страдальца. И воскликнул он, ликуя:
— Отплатить тебе до смерти, милый брат мой, не смогу я!
На цветок, засохший в поле, ты излился, как родник,
Осушил мои ты слезы, прямо в сердце мне проник.

И пошли они к пещере с песней мира и привета.
У дверей Асмат сидела — вся в слезах, едва одета.
Страх ее об'ял великий: витязь, в горести своей
Вечно залитый слезами, ныне пел, как соловей!

Помутилось в ней сознанье, но они, смеясь, кричали:
— О Асмат, творец всевышний исцелил нас от печали.
Мы нашли царевну нашу. Вот послание ее!
Отвела судьба от сердца всемогущее копье.

Увидав знакомый почерк госпожи своей любимой,
Громко вскрикнула рабыня и, подобно одержимой,
Затряслась, как в лихорадке, и сказала: — Боже мой!
Неужели это правда, а не вымысел простой?

И, рыдая, Тариэла обвила она рукою.
Пали витязи на землю с благодарственной мольбою.
И вошли они в пещеру, и жаровню разожгли,
И, уставшие с дороги, подкрепились, чем могли.

Улыбаясь Автандилу, Тариэл сказал: — Когда-то
Тут в пещерах жили дэвы и привольно и богато.
Проезжая по дороге, перебил я всех чудовищ,
Поселился в их пещере, но не трогал их сокровищ.

Не хотел я раньше видеть, что скрывало это племя.
Распечатать их богатства лишь теперь настало время.
И повел он Автандила, и они в проходах тесных
Сорок входов отворили в сорок комнат неизвестных.

И лежали там богатства многочисленные кучей:
Отшлифованные камни, крупный жемчуг, самый лучший,
Много было там жемчужин с детский мяч величиною,
Груды золота сияли и звенели под ногою.

Так прошли они вдоль комнат и вступили в «зарадхану» —
Кладовую для оружья, что подстать любому хану.
Укреплен на длинных крючьях, там убор висел военный,
И стоял посередине там ковчег запечатленный.

И была на крышке надпись: «Здесь для воинской потехи
Острый меч лежит басрийский, шлем с цепочкой и доспехи.
Если каджи к нам нагрянут, мы отплатим им сторицей.
Кто откроет эту крышку, будет тот цареубийцей».

Тариэл приподнял крышку. В длинных яхонтовых ложах
Там лежали три убора, на другие непохожих:
Три меча, три светлых шлема, три блестящие кольчуги,
Наколенники стальные и щитов литые круги.

Быстро витязи оделись и сразились для примера.
От воинственного шума содрогнулась вся пещера.
Но кольчуги не согнулись, шлемы также устояли,
И мечи простые латы, как бумагу, рассекали.

— Славный знак! — сказали братья. — И надежна оборона!
Взяли три они убора: для себя и для Фридона, —
Горстью злата зачерпнули, и отсыпали жемчужин,
И в пещеру возвратились продолжать веселый ужин.

Нарисуй мне здесь, художник, этих славных побратимов,
Этих храбрых и влюбленных полководцев-исполинов.
Скоро грянет час сраженья, и увидите вы, дети,
Как они с врагом сразятся в заколдованном Каджети!

Повесть двадцать четвертая. О том, как витязи отправились к Нурадин-Фридону

Утром витязи проснулись, вход в пещеру затворили,
На коней могучих сели и рабыню посадили.
В царство славного Фридона путь далекий их лежал.
Время шло, бежали кони, город издали сверкал.

Вечер был. Табун Фридона шел по пастбищам зеленым.
Тариэл сказал: — Давайте посмеемся над Фридоном,
Нападем на это стадо, отобьем его коней —
Царь Фридон прискачет в гневе и увидит здесь гостей.

Вот они помчались к стаду по зеленым этим нивам.
Пастухи фонарь схватили, искру высекли огнивом
И вскричали: — Эй вы, люди! Проходите стороной!
Кто коней Фридона тронет, отвечает головой!

Но друзья, сжимая луки, понеслись за пастухами.
Те в испуге закричали: — Воры гонятся за нами!
Люди добрые, спасите! Помогите! Караул!
Шум поднялся, люд сбежался, свет от факелов блеснул.

Царь Фридон с отрядом стражи прискакал на место боя.
Два могучих незнакомца в поле встретили героя.
Тариэл узнал Фридона и сказал, снимая шлем:
— Царь, кого ты испугался и войска привел зачем?

Знать, разбойников немало бродит около окраин,
Коль друзей — и тех боится хлебосольный наш хозяин!
С удивлением великим посмотрел на них Фридон,
И друзей своих, ликуя, заключил в об'ятья он.

И сказал он, улыбаясь: — Знать, не очень вы спешили:
Войско мы давно собрали и к походу снарядили!
Тариэл смеялся шутке, улыбался Автандил,
И Фридон сиял, как месяц, посредине двух светил.

В город двинулись герои, и в чертогах у Фридона
Ждали витязей отважных три сверкающие трона.
Гости весело уселись и хозяину для сеч
Поднесли убор военный, дорогой вручили меч.

После дружеского пира и отличного купанья
Подарил Фридон героям дорогие одеянья.
И, когда проснулись гости, отдохнувшие вполне,
Царь повел беседу с ними, запершись наедине.

— Пусть, — сказал он, — груб я буду, пусть нарушу я обычай,
Пусть с гостями поступаю против правил и приличий,
Но скажу я без утайки: в путь-дорогу нам пора,
Если каджи возвратятся, — не видать от них добра.

Путешествуя по свету, был когда-то я в Каджети,
Эта славная твердыня — крепость лучшая на свете.
Взять ее, пожалуй, можно только хитростью одной.
Значит, нам большое войско бесполезно брать с собой.

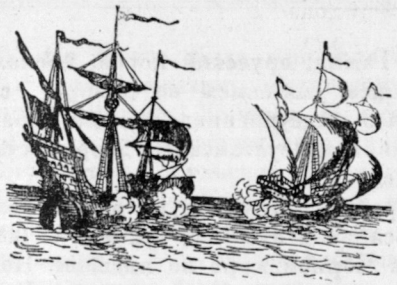
Все с Фридоном согласились. Триста всадников могучих
Отобрал Фридон в дорогу и коней им выдал лучших.
Утром братья вышли к морю и, галеры снарядив,
С домочадцами простились и покинули залив.

Переехав через море, на коней герои сели,
День и ночь они скакали, невредимые доселе.
Уж близка была граница. И сказал Фридон: — Друзья,
Путь становится опасным. Дальше двигаться нельзя.

Днем в оврагах укрываясь, будем пользоваться ночью.
Скоро грозную твердыню вы увидите воочью. —
И с тех пор в ночном тумане шли они. И, наконец,
Подняла над ними крепость свой сверкающий венец.

Месяц сладостным сияньем заливал твердыню каджей,
Сторожили ход подземный десять тысяч храбрых стражей,
На скале чернела башня, упираясь в небосвод,
И бессонные ходили часовые у ворот.

(Окончание в следующем номере)



ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО „КОМПАС“

Известия Географического общества читателей журнала «Пионер» № 14

Турецкие моряки XVI столетия и евнух Сераля.

Приключения карты Колумба

Л. С. Баранов

НАХОДКА АТЛАСА

1789 год. В Серале — старом дворце султанов—властителей Турции—траур: только что умер султан Абдул Гамид.

По рассказу немецких историков, в это время произошло одно незаметное событие: после смерти султана к прусскому послу Фридриху-Генриху Диц пришел евнух [1] из султанского гарема и передал ему об'емистую книгу, которой играли жены султана. Это был турецкий рукописный географический атлас из 120 больших карт. На картах были нанесены с величайшей подробностью берега Средиземного и Черного морей. В книге недоставало нескольких первых листов, и поэтому нельзя было узнать, когда и кто составил этот атлас.

Прусский посол, неплохо знавший турецкий язык, исследовал атлас. Прочитав надписи на острове Родос, посол установил, что атлас был составлен еще до завоевания острова Родоса турками, а это случилось в 1522 году. Атласу было более 276 лет, и он был современником эпохи великих географических открытий.

[1] Евнух — надзиратель в гареме, где жили жены султана.

Скоро узнали, кто составил этот древний атлас. Это был выдающийся турецкий ученый начала 16-го столетия по имени Пири Рейс.

Из рассказа германских историков о находке атласа выходит так: прусский посол был любителем древних вещей. Для посла евнух унес из гарема ненужный туркам атлас, служивший там игрушкой. Послу очень понравился атлас, и он его припрятал.

Но поведение прусского посла вовсе не было безобидным собиранием музейных ценностей, как это изобразили немецкие историки.

После Кучук-Кайнарджийского мира (1774 год) России с Турцией, заключенного за 15 лет до смерти султана Абдул Гамида, в водах Черного моря появились русские корабли. Но их капитаны плавали неуверенно. Необходимые для плавания бухты и заливы приходилось открывать заново; корабли неожиданно встречали мели, подводные камни. Многие суда терпели крушение и гибли. Черное море долгое время внушало морякам ужас.

Но ведь Черное море было оживленной морской дорогой свыше двух тысяч лет назад — еще во времена древних Греции и Рима. Почему же теперь было так трудно плавать по нему?

После завоевания Константинополя в 1453 году турки триста лет никого не пускали плавать в Черном море. И другие народы, в том числе и русские, отвыкли от плавания в этом море. Ни у кого другого, кроме турок, не могло быть карт Черного моря. Но турки их скрывали от других народов. Старый атлас Рейса был классическим трудом в турецкой географической литературе.

В гареме Сераля многие годы жили и воспитывались наследник султана и его младшие братья. Здесь же они и учились. Турция всегда славилась как страна отважных моряков, поэтому среди учебников детей султана были география и морские карты. По атласу Рейса учились дети султана, и от долгого употребления он пострадал. Не игрушкой был атлас, как пишут немецкие историки, а учебником.

Прусский посол оказался хитрее других дипломатов: когда умер султан Абдул Гамид, прусский посол, воспользовавшись смятением во дворце, с помощью подкупленного евнуха украл из библиотеки султанского дворца старый атлас.

Правда, Пруссия не могла пользоваться этим атласом, так как ее корабли в Черном море не плавали. Но, перехватив атлас и скрыв его, Пруссия затруднила изучение Черного моря русскими военными и торговыми моряками.

УЧЕНЫЕ-РАЗВЕДЧИКИ

Накануне империалистической войны 1914—1918 годов в Турцию часто ездили немецкие ученые самых различных профессий. Большинство из них, если не все они, одновременно были и разведчиками германского военного штаба. Турция, по замыслу германских политиков, должна была стать колонией Германии. И поэтому немецкие ученые так усердно изучали Турцию.

Одним из таких ученых был Адольф Дейсман, профессор Берлинского университета. Он слыл узким специалистом — знатоком религиозных книг. Приехав в Константинополь перед войной 1914 года, он занял место каталогизатора неисламских рукописей в султанских дворцовых архивах.

В Берлине есть «Германское восточное общество». Член его профессор Пауль Кале из Боннского университета тщательно изучил атлас и рукописи Пири Рейса и нашел, что Пири Рейс один из первых среди турок узнал о новейших в то время открытиях Колумба и Васко де Гама.

Рейс написал о них в стихах, а кроме того сделал карту всего мира, в которую внес эти новые открытия. Стихотворный текст Рейса имелся в Берлинском архиве, но недоставало карты. Тогда «Германское восточное общество» посылает профессора Пауля Кале в командировку в Стамбул (как теперь называется Константинополь) с официальной целью — найти подлинную карту Рейса.

ПОЛОВИНА КАРТЫ

В 1929 году профессор Кале приехал в Турцию. Задача перед ним стояла не-

легкая. Но Пауль Кале направляется прямо к своему земляку, обжившемуся в Турции, Адольфу Дейсман. И перед Паулем Кале открываются двери трудно доступных стамбульских библиотек.

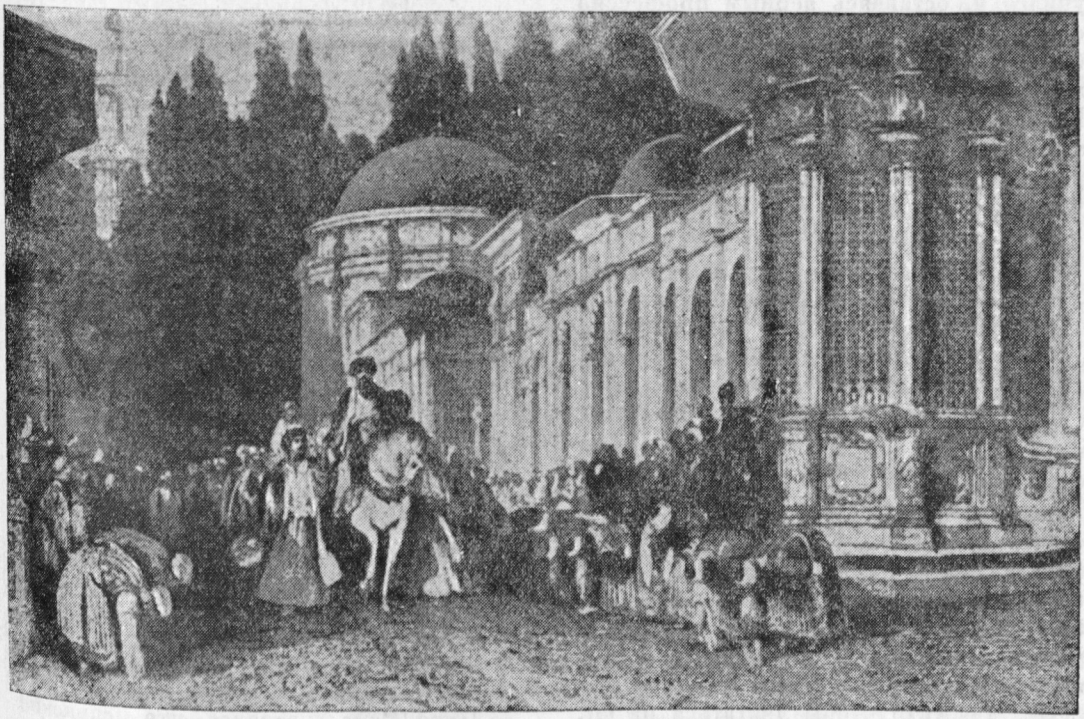
Дейсман приводит Кале к пачке старых морских карт с надписями на турецком языке[1]. А в связке заботливо подобранных карт была половинка одной карты с такой надписью:

«Начертил бедный Пири Хаджи Магомет, племянник Кемаля Рейса, в городе Галлиполи в месяц Мухарам 919 го-

Стали глядеть на карту Рейса и тут на западе Атлантического океана увидели группу Антильских островов, открытых Колумбом.

Среди оставшихся после Колумба материалов нет ни одной его карты. И вдруг карта Колумба найдена в турецкой карте Рейса!

Почему же турецкий географ Пири Рейс так заинтересовался картой Колумба, что даже включил ее в свою карту, и где он достал ее? Почему от карты Рейса осталась только полови-



Султан выезжает из дворца в Стамбуле.

да». Год был указан в магометанском летосчислении, это 1513 год нашей эры.

Прочли «легенду»[2] на карте. Среди источников, использованных Рейсом при составлении своей карты мира, была «карта, которую начертил Колумб во время своего путешествия через океан на запад».

[1] Турецкая карта Рейса является, конечно, исламской рукописью.

[2] «Легендой» карты называется об'яснение условных знаков карты.

на? Для того чтобы ответить на эти вопросы, давайте заглянем в самое начало 16-го столетия.

ВЕНЕЦИЯ НАПАДАЕТ

К городу Галлиполи, на берегу Дарданельского полуострова, подошел большой турецкий флот. Больше двухсот кораблей сверкало на солнце белизной парусов. Флот собирался для отражения нападения главного соперника Турции — республики купцов Венеции. В 15—16-м столетиях по своему могу-

ществу и размеру торговли Венеция походила на современную Англию. Венеция после многих лет борьбы заключила с Турцией мир в 1480 году, но после двадцатилетней передышки она готова была начать новую войну с турками.

Турецкий военный флот собрался у главного театра войны — в Дарданеллах. Начальником флота был седой капудан (адмирал) Кемаль Рейс.

Старый моряк-практик Кемаль любил разговаривать со своим молодым племянником Пири Рейсом. Пири много учился и, оставаясь верным профессии своих отцов, любил морское дело. Он был ученым-моряком, что было в ту пору большой редкостью среди турок. Пири говорил, что Турции нужно как можно больше знающих моряков и хороших карт для плавания судов.

НАДО ИДТИ НА ЮГ

Пири советовал использовать великие выгоды географического положения Турции, лежащей между двумя Средиземными морями, как древние греки и римляне называли Индийский океан и Средиземное море. Вытеснив Венецию из Средиземного моря и овладев морской торговлей с Индией и Китаем, Турция могла стать самой сильной и богатой страной. В ее руках тогда собралась бы вся выгода торговли Востока с Западом. Поэтому завоевывать новые земли надо не на север от Турции — на Балканском полуострове, а на юг — к Индийскому океану.

Но, для того чтобы двигаться на юг, прежде всего надо было справиться с Венецией. Первое же морское сражение венецианского флота с турецким принесло поражение Турции. Первая турецкая эскадра была уничтожена. Тогда турки из резервов своего флота составили вторую эскадру, но и эта была разбита. Но поражение двух турецких эскадр в 1501 году не принесло окончания войны. Война продолжалась долгие годы спустя, превратившись в войну партизанскую. Военные флоты обеих сторон рыскали по Средиземному морю, нападая на торговые корабли противника и грабя их. С этой же целью вышли на запад Средиземного моря остатки флота Кемаля Рейса, на котором был и Пири Рейс. Пири Рейс решил собирать материал для составления своих карт, увидев своими глазами берега и острова Средиземного и Черного морей.

ВЕЩИ ИЗ НЕВЕДОМОЙ ЗЕМЛИ

Однажды был захвачен и разграблен турками испанский купеческий корабль. У экипажа этого корабля турки нашли шапки, украшенные яркими и пестрыми перьями попугаев. Матросы с испанского корабля говорили, что эти шапки привезли из земли, расположенной на западном краю Атлантического океана. Земля эта только что открыта испанцами. Даже матросы, плававшие на запад через океан, опасаясь королевского суда, мало рассказывают о ней, потому что все сведения об этой земле являются королевской тайной.

На другом захваченном корабле турки нашли разнообразные изделия из черного камня. И тут матросы рассказывали, что эти вещи привезены из новой земли, расположенной на западе Атлантического океана. Как европейские матросы, так и турки никогда не видели того материала, из которого были выточены вещи. Пири Рейс вспомнил о черном камне, который Марко Поло видел в Китае и который, по его словам, может гореть. Это был каменный уголь, который стал широко известен в Европе гораздо позже — с конца 17-го века, да и то лишь в Англии.

Пири Рейс догадался, что испанские суда, наверное, достигли самой восточной земли, виденной когда-то Марко Поло, но испанцы нашли ее, плывя на запад. Пири был убежден в шарообразности земли. Если догадка его верна, это означает, что люди обогнули всю землю по ее окружности. Изделия из черного камня, привезенные с запада, и черный камень, виденный Марко Поло в Китае, это доказывали с очевидностью.

ЗАХВАТ ВОСЬМИ КОРАБЛЕЙ

В дождливую осеннюю ночь 1501 года турецкий флот плыл у берегов испан-

ского Леванта. Подходя к берегам Валенсии, Кемаль Рейс получил донесение от ушедших вперед на разведку быстроходных небольших парусных лодок. Разведчики сообщили о том, что 8 испанских «купцов» приплыли с грузом в Валенсию.

Бесшумно подойдя под покровом утреннего тумана, турки сцепились крюками с испанскими кораблями и начался абордажный бой. С больших кораблей турки стреляли из пушек, часть судов высадила людей на берег. Испанцы, застигнутые врасплох, бежали.

Наутро группа турецких морских командиров производила осмотр пленных, отбирая людей для работы в турецком флоте. Остальные пленные предназначались для продажи в рабство на одном из невольничьих рынков. Неожиданно Кемалю Рейсу доложили, что среди пленных есть матрос, который говорит, что плавал на запад через Атлантический океан и видел открытые там новые земли. Матроса привели к Кемалю Рейсу и спросили: «Как называется новая земля и кто первый открыл ее?»

РАССКАЗ МАТРОСА КОЛУМБА

Матрос отвечал: «Эти берега называются Антилия, они были найдены в 898 году (по арабскому летосчислению, что соответствует 1492 году нашей эры).

Один из генуэзцев, по имени Колон-бо (такое имя принял Колумб в Испании), первым открыл эти области. В руки Колон-бо попала книга, в которой говорилось, что Западное море имеет конец, что по ту сторону его имеются берега, острова и очень разнообразные горы, а также район, содержащий драгоценности. О содержании этой книги Колон-бо говорил главе Генуи и просил: «Дайте мне два судна, и я открою эти земли». Ему отвечали в Генуе: «О ты глупец! На западе находятся конец и цель мироздания и его граница, она полна мрака и тьмы».

Колон-бо увидел, что с генуэзцами ничего нельзя сделать. Тогда он обратился к королю Испании и сообщил ему свои намерения, но и он дал ему ответ, подобный генуэзскому. Однако Колон-бо заинтересовал его. Испанский король дал ему два судна и сказал:

«О Колон-бо, если положение таково, как ты говоришь, то я тебя сделаю адмиралом этого района».

С этим он отправил Колон-бо в Западное море.

— Я, — сказал про себя матрос,— трижды ездил с Колон-бо в этот край. Потом матрос показал карту и сказал: «Эту карту начертил Колон-бо во время своего путешествия на запад».

При этом рассказе присутствовал Пири Рейс. Как опытный моряк и картограф, он сразу оценил огромное значение карты и рассказа пленника. Пири Рейс, наконец, получил в руки самый новый и точный документ — карту о самой удаленной части земли, как бы к ней ни ехать: с востока или с запада. Матрос Колумба был оставлен рабом у Кемаля Рейса.

Кемаль Рейс умер в 1511 году. Но Пири и после смерти своего покровителя и дяди продолжал плавать по Средиземному морю, изучая его и собирая материал. Подолгу бывал он и в Черном море. Наконец, Пири Рейс вернулся в Галлиполи и здесь закончил в 1513 году свою карту мира.

Пири придавал большое значение этой работе. Она должна была ясно и убедительно изложить его планы и подействовать на султана. И вот в городе Каире в день торжеств по случаю завоевания турками Египта Пири Рейс вручил султану свою карту. Это был
льшой пергамент размером 120 на 85 сантиметров. На карте были нанесены 7 морей и 4 части света, в центре карты была Турция, через владения которой проходил путь из Индии и Китая в Средиземное море. Карта Пири была начерчена как итальянские портуланы (так назывались в средние века морские карты). На карте градусную сеть заменяли компасные линии, выходившие из двух больших компасных роз, одна из которых была в северном, а другая в южном полушарии.

СУЛТАН РАЗРЫВАЕТ КАРТУ

Пири Рейс ожидал, что турки будут продолжать завоевания с помощью флота на морской дороге в Индию. Но султан Селим I решил по-другому: он велел разорвать карту Пири на две части и ту половину, на которой была начертана Турция, Индия и Китай, передал Али Экберу и приказал ему отправиться в путешествие по сухопутной дороге из Багдада через Персию в Китай и Индию. Али Экбер должен был разведать и доложить султану о дорогах, силе и богатствах народов на пути в Среднюю Азию и Китай.

Али Экбер благополучно закончил свое путешествие и, возвратившись в Турцию, написал книгу о Китае, но половина карты, переданная ему, не сохранилась. Западную же половину мировой карты Рейса, в которую он включил карту Колумба, «нашли» в 1929 году Дейсман и Кале.

На следующей странице помещена половинка карты Пири Рейса, изображающая Атлантический океан и берега Пиренейского полуострова, Африки и Американский берег с островами. На море нарисованы корабли; против каждого из них есть надпись. В Гвинейском заливе написано о том, что «четыре португальских корабля плыли на юго-восток, чтобы об'ехать Африку». Это, без сомнения, рассказ об экспедиции Васко де Гама. Самих четырех кораблей нет, они, повидимому, оторваны вместе с недостающей второй половиной карты.

В северной части карты, направо от большой компасной розы, описана история открытия Атлантического океана.

На северозападе карты нарисованы по карте Колумба Центральная Америка и Антильские острова. Некоторые острова имеют фантастическую форму, не соответствующую действительному их очертанию. На некоторых островах нарисованы попугаи.

На территории Испании нарисован средневековый замок, а в Африке—марокканский и гвинейский султаны, животные слон и страус. В Южной Америке, кроме гор и рек, нарисовано много зверей: тут и обезьяны, и лама, и пума.

Пири Рейс окончил свою работу о Средиземном и Черном морях, оказавшуюся наиболее выдающимся его сочинением. В юности он получил хорошее литературное образование, так как в те годы наука и литература пользовались покровительством султанов Турции. Все сведения о мореведении и искусстве мореходства он изложил в 1200 строках стихов, а в приложении к одной из глав было нарисовано Рейсом много карт. Этот-то атлас «нашел» в 1789 году прусский посол Диц.

КРУШЕНИЕ МЕЧТЫ РЕЙСА

С большим опозданием Турция начала заводить флот в Индийском океане, выполняя мечту Пири Рейса. Но португальские корабли остановили продвижение турецкого флота. Португальцы опередили турок. За 40 лет до появления турецкого флота Васко де Гама показал дорогу в Индийский океан кораблям Португалии.

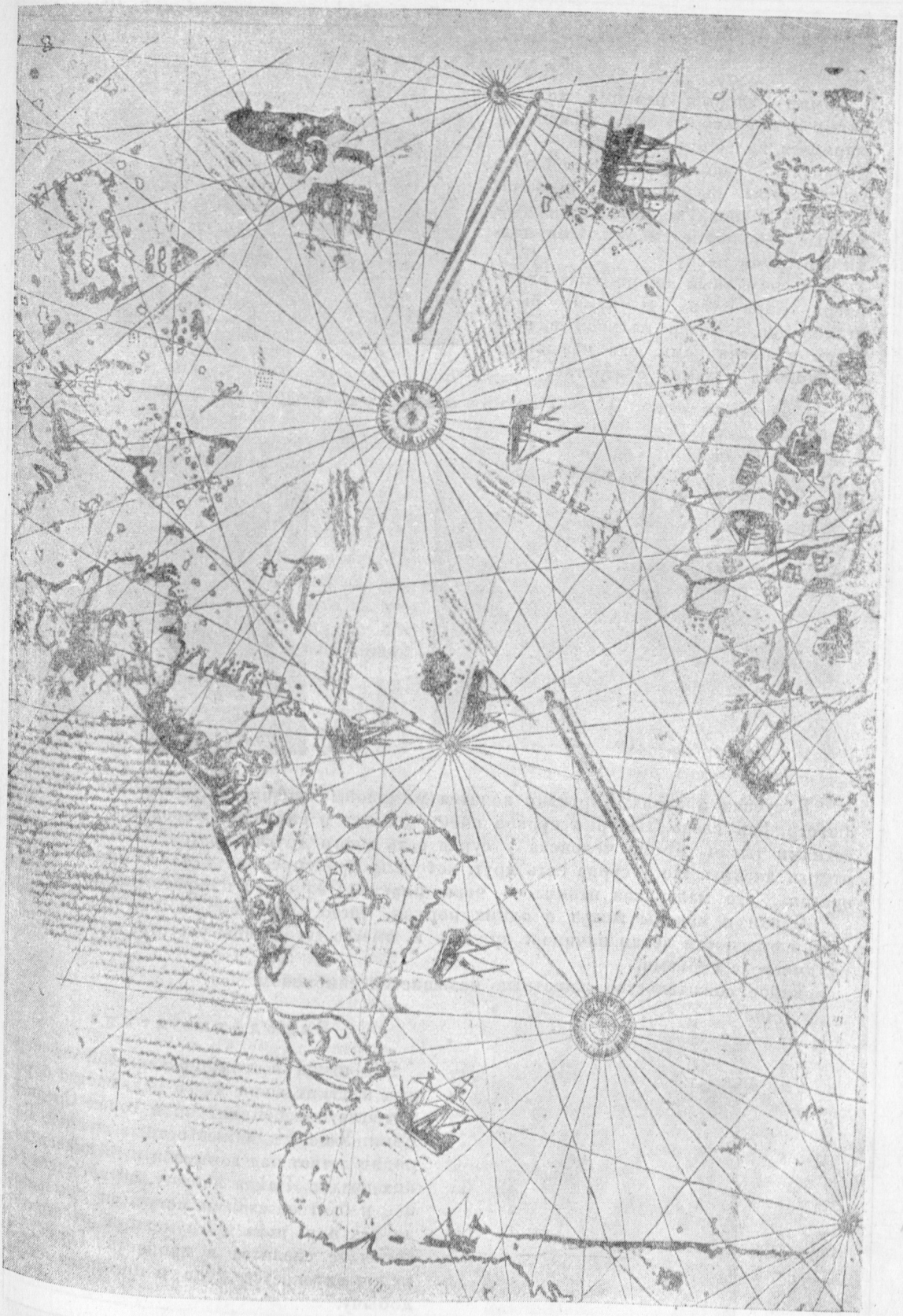
Тогда Пири Рейс назначается адмиралом турецкого флота в азиатских водах. Вновь турецкий морской флаг покрылся победами. Пири Рейс завоевал государства Аравии на берегах Индийского океана.

Но скоро престарелый Пири Рейс ушел с боевой работы, а оба его преемника — Мурад и Сиди Али — были разбиты португальцами.

Вновь, как не раз и в прошлом, составился союз Венецианской республики, испанского короля Филиппа II и папы римского. Их об'единенный флот встретился в 1571 году у входа в Коринфский залив, у Лепанто, с турецким флотом. Турки понесли страшное поражение. Это было концом морского могущества Турции в Средиземном море.

Умирающему Пири Рейсу сообщили о поражении при Лепанто. Тяжела была эта весть для человека, который жил на заре морского могущества своей родины, который сделал так много для ее победы на море и которому было суждено увидеть конец морского могущества Турции.

Старая карта Пири Рейса рассказывает нам о неисполнившейся мечте великого турецкого ученого: Турция осталась центром мира только на его карте.



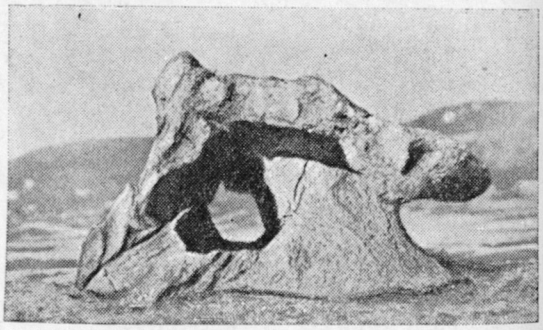
Это западная половина карты Пири Рейса.

Географические фотографии В. Шустова

Ветер-бурильщик

Памир известен резкими колебаниями температуры: днем можно изжариться на солнце, а ночью — замерзнуть. Такие резкие колебания температуры вызываются сильными ветрами. В воздухе носятся бесчисленные небольшие смерчи. Они поднимают тучи песку.

Этот громадный камень снят около озера Кара-Куль. В камне было углубление. Ветер надувал в него песок и песчинками, как наждаком, пробуравил в камне отверстие.



Странные друзья

В степях и горах Киргизии водятся миллионы сурков. Один из них снят на фотографии слева. Шкурки сурков очень ценятся и ежегодно вывозятся заграницу сотнями тысяч. Кроме человека у сурка есть много других врагов: волки, хищные птицы, лисицы. Но у сурка есть друг, который предупреждает его о приближении врагов. Это маленькая птичка — чекан-плясун. Она снята на фотографии справа.

Сурки и чеканы живут в одних норках. Часто можно видеть, как при приближении опасности чекан начинает кричать и, вместо того чтобы улететь, ныряет в нору вместе с сурками.

Такое сожительство животных называется симбиозом.

Бородатая птица

Эта птица с длинной бородой из черных жестких волос так и называется бородач-ягнятник. Живет он в горах Средней Азии. У него длинные острые крылья. Бородач летает над горами и выискивает диких козлов. Найдя добычу, он нападает на нее и бьет ее своими могучими крыльями до тех пор, пока обезумевший от страха козел не свалится в пропасть. Тогда бородач опускается туда и пожирает свою добычу.

Фонд Географического общества.

ПЕТЯ ВАСИЛЬЕВ (деревня Черноярка, Челябинской области) рассказывает об озере Уельге. Лет 30—40 назад оно было большим и рыбаки неводами ловили в нем много рыбы. В 1921 году озеро почти исчезло и на его дне косили траву. Потом в нем снова появились вода и рыба. Откуда же появилась в нем рыба? Однажды, копая яму для колодца на месте бывшего озера, рыбак нашел в тине полуживых карасей. Рыбаки говорят, что караси могут жить до 10 лет, зарывшись глубоко в тину. Когда в 1927—1928 годах в озере было много воды, в нем появилось и много карасей. Теперь озеро заросло и они снова исчезли. Если бы караси подохли, их можно было бы найти на поверхности озера, но никто их не видел. Рыбаки говорят, что караси снова ушли в тину.

ВОЛОДЯ ГЛУЩЕНКО (станция Зеленчукская) с товарищами обследовали пещеру в скале Джица. Вооружившись фонарем и киркой, с трудом цепляясь за камни и корни трав, ребята добрались до узкого входа. Вход расширялся в обширную пещеру. При свете фонаря ее стены переливались всеми цветами радуги. Посредине пещеры был большой колодезь, метров сорок глубиной. В конце этого зала были видны следы костров. Ребята нашли три больших кучи древней глиняной посуды, сделанной в греческом стиле, окаменевшую черепаху и кости древних людей. Володя нашел каменный топор и рисунок человека на стене. Часть найденного ребята отправили в краевой музей. Володя думает, что посуда относится ко времени завоевания Кавказа русскими, когда горцы скрывались в горах и пещерах.

ВИКТОР ФЕДОРЧУК (ст. Тюлькубас, Казахстан) прислал описание, карту маршрута и фотографии девятидневного похода на озеро Байли-Куль. Четверо ребят прошло сто километров через горы и долины. Особенно красивы Куланские горы. Они сложены из черного сланца, во многих местах пронизанного ослепительно белыми жилами кварца. В лупу в кусках кварца видны мельчайшие блестки, вероятно, золота. Ребята прожили около озера несколько дней. Каждое утро они вытаскивали из сети 5—6 рыбин килограммов по 6—7 весом. Жили в камышевом шалаше. Ребята часто покупали кумыс в скотоводческом совхозе. Делается кумыс так. Жена конюха от 52 кобылиц надаивала ежедневно 5—6 ведер молока. Это молоко сливалось в большой бурдюк из целой шкуры лошади. В нем оно закисало, и через сутки кумыс готов. На вкус он кисловат, но очень приятен. От него быстро толстеют, но если выпить его много, то можно опьянеть. В озеро впадает несколько рек. Самая интересная из них — Аса. Она с 15 июня по 1 сентября совсем пересыхает, так как всю ее воду разбирают на поливку колхозных полей.

ДИМА КРАУЗЕ (поселок Барань, БССР) обследовал 25-километровую речку Одровку, впадающую в Днепр. Приблизительно на половине расстояния Одровка раздваивается. В этом месте был полуостров. Но в 1935 году, играя с товарищами в «робинзоны», Дима прорыл узенький канал. Вода его размыла, и теперь там несется быстрый поток, в котором вода сбивает с ног. Полуостров превратился в остров.

Р. Кромптоп

Уж этот мальчишка!

Перевод с английского Н. Олигер

Рис. Ф. Полищук

Вильям Браун проводил свои каникулы на даче вместе со своей семьей, и на этот раз он проводил их совсем невесело. Здесь не было моря. В прошлом же году Вильям жил летом на море и был счастлив. Он несколько раз тонул и был спасен прохожими. Он потерял несколько пар новых сандалий и носков. Само собой разумеется, что он ежедневно приходил домой промокшим и по всему дому, где жила его семья, оставлял за собой следы песка, морские водоросли и маленьких мертвых крабов. Однажды он отправился в открытое море на шлюпке, которую нашел на пляже, и чуть не попал под пароход. В конце каникул измученная мистрис Браун сказала: «В будущем году мы не поедем на море».

Вильям считал, что на даче без моря очень скучно. Тут не было крабов и делать было совершенно нечего. Роберт и Этель, его взрослые сестра и брат, были членами теннисного клуба и не бывали дома целый день. Правда, большого толка от Роберта и Этель Вильям не видел. Он предпочитал вообще от них избавиться.

— Вот что я думаю,— заявил он горестно матери,— никто, совершенно никто не заботится обо мне, никто не беспокоится о том, весело мне или нет. Вам это совершенно безразлично. Ты считаешь, что все в порядке, если папа играет в гольф или думает, что играет в гольф, и если те двое играют в теннис... или в то, что они называют теннисом,—прибавил он сердито,—и если ты можешь сидеть и вязать. До меня же вам дела нет. Я мог бы умереть,— закончил он свою речь,— и никто не шевельнул бы пальцем, чтобы мне помочь.

Мать посмотрела на его надутое веснушчатое лицо.

— Но, милый,— сказала она,— ведь у нас много книг, которых ты не читал.

— Книг! — возразил Вильям ворчливо.— Старье, написанное Вальтер Скоттом, ты называешь книгами?

— Ты можешь пойти погулять.

— Погулять! — рассердился Вильям.— Какое удовольствие гулять без Джумбля!

Отец опустил газету.

— У тебя плохие отметки по арифметике,— сказал он.— Ты бы поупражнялся в сложении. А я тебе подберу примеры.

Вильям бросил на отца взгляд, который вряд ли кто-нибудь мог бы вынести. И даже его отец, столько лет знакомый с этим взглядом, поспешил спрятаться за газету. Тогда Вильям повернулся на каблуках и с горькой усмешкой вышел из комнаты. Это переполнило чашу его терпения. Он решил уйти из дому. Он просто-напросто решил покинуть дом навсегда.

Уже направляясь к забору, он решил попрощаться с родными и всунул голову в окно.

— Я ухожу, мама,— сказал он голосом, полным мрачной тоски.

— Хорошо, милый,— ответила мистрис Браун приветливо.

— Я, может быть, никогда не вернусь,— прибавил он многозначительно.

— Хорошо, милый,— ответила мать.

— Вот что я думаю,— заметил он патетически, обращаясь к фонарному столбу, проходя через калитку,— если бы я вздумал ждать, пока кто-либо заинтересуется мной, то я бы мог так и умереть в ожидании.

И он с видом замученной жертвы пошел на другой конец деревни. Люди уезжают из города на каникулы только для того, чтобы мучить его. В городе остался Джумбль, его можно было бы взять с собой гулять, он стал бы бегать, играть, приносить брошенную палку; в городе у соседей есть кошка, которую можно дразнить; есть мальчик мясника, с которым можно подраться; дома столько знакомых, друзей и врагов, которые делают жизнь интересной. А здесь ему лучше всего умереть.

Около почтового отделения стоял автобус. Пассажиры занимали места. Вильям с завистью наблюдал за ними. Со скучающим видом он стал прислушиваться к разговору двух молодых людей.

— Я так рад, что ты хочешь пройтись,— сказал один из них.— Мы славно

— Какой невоспитанный мальчик — произнесла толстая леди.

пройдемся! Признаться, мне очень жаль, что я взял билеты на автобус. Терпеть не могу ездить на автобусе.

— А если нам не вернут деньги? — сказал другой.

— Ну и бог с ними!

Тут он встретился с упорным взглядом Вильяма и сказал:

— Эй, малыш, не хочешь ли проехаться на автобусе?

Вильям задумался. В этот момент все, что могло освободить его от близости к семейству, казалось ему счастьем.

— А автобус вернется?—спросил Вильям.

— Вероятно, вернется.

Это было не очень утешительно. Вильям предпочел бы уехать так далеко, чтоб нельзя было вернуться домой. Но все-таки и недалеко уехать лучше, чем оставаться здесь.

— Ладно,— ответил он любезно,— я ничего не имею против того, чтобы поехать.

Молодые люди вручили ему билет.

Вильям занял место между очень толстой леди и очень толстым джентльменом.

— Не очень-то много места,— заметил Вильям, обращаясь в пространство.

Толстая леди и толстый джентльмен одновременно кинули на него уничтожающие взгляды. Вильям ответил им тем же. Мало того, он повторял свое замечание.

— Вот что я думаю,— сказал он заносчиво, ухитряясь кидать на обоих одновременно уничтожающие взгляды,— не очень-то много здесь места.

Толстая леди поднесла к своим глазам лорнетку и обратилась к толстому джентльмену через голову Вильяма.

— Какой невоспитанный мальчик!

Сойдясь, повидимому, в этом друг с другом, они разговорились и всю дорогу вели бесконечную беседу, совершенно не обра-

щая внимание на негодование маленького мальчика, сидящего между ними.

Наконец, автобус остановился около деревушки. Кондуктор стал об'яснять, что церковь в этой деревушке является великолепным образцом ранней норманнской архитектуры. Это не произвело на Вильяма никакого впечатления. Он даже не взглянул на церковь. Кондуктор, продолжая описывать достопримечательности деревни, сказал, что в деревенском трактире можно получить прекрасный бифштекс. Тут Вильям оживился, но только на минуту: лицо его опять стало глубоко печальным. Дело в том, что Вильям истратил свои последние два пенса еще сегодня утром на кусок лакричного сахара. Это лакомство послужило вдобавок причиной ссоры между Вильямом и его старшим братом. Вильям, обсосав сахар, положил его на стул и ушел вымыть руки; в это время с тенниса вернулся Роберт и сел на стул. Мокрый сахар прилип к белым фланелевым брюкам Роберта. Сахар отодрали от брюк, но след остался. Роберт был взбешен. Вильям же считал, что Роберт неправ.

— Не понимаю, отчего ты сходишь с ума? — спокойно сказал он брату. — Я же не просил тебя садиться? Ведь не просил? Ты говоришь, что я тебе испортил штаны, но ты ведь мне испортил мой сахар. Ну кто же будет есть сахар после того, как на нем сидел Роберт?

Роберт с негодованием выслушал это заявление и швырнул злосчастный сахар в огонь.

Вильям вылез из автобуса, с грустью думая об истраченных двух пенсах, о пропавшем сахаре и о прекрасном бифштексе, который можно получить в трактире. В эту минуту он считал себя мучеником, страдания которого ничуть не меньше чем мучения праведников, о которых он читал в книжке по истории церкви.

Пожилая леди в пенсне взглянула на него с сожалением.

— Что с тобой, милый?—сказала она.— Почему ты такой печальный?

Вильям только горько улыбнулся.

— Ты здесь с мамой?—продолжала леди.

— Нет,— ответил Вильям, засунув руки в карманы и хмурясь еще более.

— Ну тогда, может быть, с папой?

— Ничего подобного! — сказал Вильям с таким видом, будто бы этот вопрос оскорбил его.

— Но ты же не мог приехать один? — возразила леди.

Тут Вильям дал волю своим горестным чувствам.

— Вот что я думаю,— сказал он,— если бы вы знали мою семью и если бы вы были на моем месте, то вы были бы очень рады уйти от этой семьи подальше.

Леди даже щелкнула языком, выражая этим свое сожаление и сочувствие.

— О бедняжка! — сказала она.— Может быть, ты хочешь чаю?

У Вильяма опять появилось на лице выражение кротости и страдания:

— Мне не дали денег. А какой же смысл идти пить чай, если у вас нет с собой денег?

— Неужели они не дали тебе двух пенсов, чтобы ты мог напиться чаю? — вскричала леди, полная негодования.

— Да, они дадут! — сказал Вильям с усмешкой. — Разве они дали бы мне денег, чтобы прокатиться? Они ни пенса за меня не заплатят. Это уж один мой приятель подарил мне билет, чтобы доставить мне удовольствие. Ну, а они не дали мне денег даже на чашку чая.

— Может быть,— сказала леди,— ты недавно ел, и они подумали...

— Ничего подобного! — воскликнул Вильям.— Мне и на завтрак-то почти ничего не дали поесть! — он не считал нужным вспоминать о двух больших котлетах и о рисовом пудинге, которые он с'ел за завтраком.

— Ах ты, бедняжка! — сказала леди. — Идем со мной, я угощу тебя чаем.

— Благодарю,— сказал Вильям скромно, направляясь вслед за ней к трактиру.

Радость от предстоящего завтрака боролась в его душе с печалью по поводу его несчастной домашней жизни. Он казался самому себе жертвой, которую преследовала жестокая и невыносимая семья. Эта мысль доставляла ему удовольствие. Вильям любил обращать на себя внимание.

— Я надеюсь,— сказала леди неуверенным голосом, пока Вильям поедал яйца,— надеюсь, что твоя семья хорошо с тобой обращается.

— Можете не надеяться,— ответил Вильям, набив рот бутербродом и обращая к ней нахмуренное лицо.— Можете не надеяться. На мое семейство не рассчитывайте.

— Но неужели они жестоки?

— «Жестоки»,—повторил Вильям с содро-

— Я сразу по выражению твоего лица поняла, что ты несчастлив.

ганием,—слово это для них не подходящее. Да... не подходящее.

Леди наклонилась к нему через стол.

— Малыш,— сказала она задушевно,— ты должен мне рассказать все. Я хочу помочь тебе. Я помогаю всем и готова помочь тебе. Не бойся. Ты ведь знаешь, что можно арестовать родителей, которые жестоко обращаются с детьми. Если я доложу этот случай в Обществе по борьбе с жестоким обращением с детьми...

Вильям слегка вздрогнул.

— О, мне бы не хотелось этого!—поспешил он заявить.— Мне не хотелось бы доставить им неприятности.

— Ах,— сказала она,— думай о своем счастье, а не о них!

Она смотрела с удовольствием, как Вильям прикончил третью тарелку с бутербродами, причем его голод, повидимому, еще не был утолен. Ей до сих пор не приходилось сталкиваться с апетитом здорового одиннадцатилетнего мальчика.

— Я вижу, ты совершенно изголодался,— сказала она.— Я сразу по выражению твоего лица поняла, что ты несчастлив. У тебя есть братья и сестры?

Вильям только что всунул в рот целое пирожное; он прожевал его, проглотил, а затем стал отвечать.

— Двое,— выразился он кратко,— брат и сестра. Взрослые. Но они интересуются только своими собственными удовольствиями. Подумайте-ка,— продолжал он, возбуждаясь по мере своего рассказа,— подумайте-ка, как раз сегодня утром я купил немножко сладкого на мелочь, которую мне удалось получить, а брат отнял у меня и швырнул в огонь. Прямо-таки бросил в огонь.

Леди опять щелкнула языком в знак своего сочувствия.

— Ай, ай! — сказала она.— Как нехорошо!

От последнего пирожного Вильям отказался, хотя и с некоторой нерешительностью. Он, правда, вполне оценил прекрасное угощение. После завтрака им овладела приятная истома... Его мысли вращались вокруг его горемычной семейной жизни.

— Мне очень жаль напоминать тебе об этом,—сказала леди,—но я должна непременно выяснить все до конца. Вообще, как

правило, всегда бывает одна причина семейных несчастий. Я ведь расследовала немало дел. Твой отец не пьет?

Вильям печально кивнул головой.

— Пьет,— сказал он,— в том-то и дело.

— Ох,— вздохнула леди,— бедная твоя мама!

Но Вильям вовсе не желал, чтобы жалели кого-нибудь еще, кроме него.

— Мама тоже пьет,— заявил он.

— Ах ты бедняжка, бедняжка!—воскликнула леди.

Вильям задумался, не сказать ли, что Роберт и Этель — тоже пьяницы, но он решил не делать этого. Будучи истинным артистом, он обладал чувством меры.

— Ну не огорчайся,— сказала леди,— как бы там ни было, но у тебя будет приятный вечер.

Она взяла его с собой в деревенскую лавочку и накупила ему шоколаду, пирожных, бананов и игрушку. Вильяму стало трудно сохранять печальное выражение лица, вызванное его несчастной домашней жизнью, но тем не менее он играл свою роль успешно.

По дороге домой его стало клонить ко сну. Славно он провел время! Его карманы были набиты сладким, в руках он держал свою новую игрушку. Он даже был готов простить свою семью. Он устыдит Роберта и подарит ему шоколадку... Он чуть было не заснул, когда автобус под'ехал к почте. Все начали вылезать. Он церемонно раскланялся с пожилой леди и направился домой. Однако ему пришлось убедиться, что леди пошла вслед за ним.

— Ты где живешь? — спросила она.

— О,— произнес Вильям уклончиво,— вон там.

— Я пойду повидаю твоего отца, — заявила леди решительным голосом.

Вильям был совершенно ошеломлен.

— О... я бы на вашем месте не стал этого делать,— сказал он.

— Я очень часто наблюдала,— сказала она,— что пьяница просто не сознает, какое несчастье он приносит дому. Я очень часто наблюдала, что несколько предостерегающих слов доходят до сердца...

— Лучше вы не делайте этого! — вскричал Вильям в отчаянии.— Отец совершенно не понимает, что он делает. Он еще запустит в вас ножом, или застрелит вас, или отрежет вам голову. Он ведь совершенно сумасшедший, когда пьян. Он как раз после завтрака отправился в ресторан. Вы уж лучше и не подходите к нашему дому... Я вот что вам скажу: подойти к нашему дому — это все равно, что умереть.

— Ну а как же ты идешь?

— О, я-то привык,— храбро заявил Вильям.— Мне это все равно. Пожалуйста, не ходите к нам,— уговаривал он.— Я ведь о вас же беспокоюсь.

— Нет, меня будет мучить мысль, что я не выполнила своего долга, если я не попробую доказать твоему отцу его греховность.

Тем временем они подошли к улице, где жила семья Вильяма. Вильям был бледен. События развивались помимо его воли. Вдруг новая идея пришла ему в голову: он пройдет мимо дома своих родных и поведет леди все дальше и дальше, пока кто-нибудь из них двоих не упадет от утомления. Пойдет же она когда-нибудь домой! Не станет же она с ним ходить всю ночь напролет! Он может еще сказать, что он забыл, где живет. Он уже ненавидел леди от всей души. Вот надоедливая старуха! И верит всему, что ей ни скажешь! Связывается с пьяными отцами незнакомых детей! Он осторожно и молчаливо прокрался мимо дома рядом с ничего не подозревавшей леди. Вдруг раздался звонкий голос:

— Вильям! Эй, Вильям! Ты где это пропадал? Мама говорит, чтобы ты сейчас же шел домой!

Это была Этель, выглядывавшая из окна верхнего этажа. Ее хорошенькая фигурка в белом платье не доставила брату ни малейшего удовольствия. Он показал ей язык и горестно открыл садовую калитку.

— Вам бы лучше не входить, — робко сказал он своей спутнице, делая последнюю слабую попытку предупредить катастрофу, которую судьба, повидимому, предназначила ему, — отец сегодня будет ужасно буйствовать.

Его спутница решительно сжала губы и последовала за ним.

— Я должна выполнить свой долг, — сказала она сурово.

●

Мистер Браун поднял от газеты глаза, когда его младший сын вошел в комнату. Сначала он заметил только, что его младший сын непривычно тих. Затем он обратил внимание, что за сыном следовала высокая чопорная леди неопределенного возраста, с пенсне на носу. Мистер Браун внутренно содрогнулся. Не убил ли Вильям ее кошки? Или, может быть, он только расшиб стекло в ее доме?

— Хм... добрый вечер, — произнес он.

— Добрый вечер, — сказала посетительница. — Я провела день с вашим маленьким мальчиком.

Мистер Браун бросил на Вильяма выразительный взгляд. Он не имел ничего против того, чтобы Вильям знакомился с какими угодно чудаками на улице, но он предпочитал, чтобы сын не водил их домой. Вильям не ответил на взгляд отца. Он сидел на кончике стула с бледным лицом, вертя в руках свою кепку, и мерил глазами расстояние между своим стулом и полуоткрытой дверью.

— Это очень мило с вашей стороны, — ответил мистер Браун.

— Он мне рассказал кое-что о том, что происходит в этом доме, — сообщила посетительница. — Я сразу увидела, что он очень несчастен и почти умирает от голода.

Мистер Браун разинул рот. Вильям на цыпочках стал пробираться к двери.

— Он рассказал мне о вас и о своей матери. Я уверена... я уверена... что вы не понимаете, что вы делаете... Вы не понимаете, что значит ваше поведение для этого невинного ребенка...

Мистер Браун положил руку на лоб.

— Вот видите, совесть вас мучает...— сказала посетительница торжествуя.—Ведь этот милый мальчик будет с грустью вспоминать свое детство, побои, ругань, ссоры— и только потому, что вы поддались вашим низменным инстинктам!

Мистер Браун опустил руку.

— Вы меня извините, что я вас прерву,— сказал он слабым голосом, — но, может быть, вы будете добры раз'яснить, о чем вы говорите.

— Ах, да вы же сами знаете! — сказала она с горячностью. — Ваше сердце... Ваша совесть... Вы же знаете! Зачем вы притворяетесь? Я провела с этим милым мальчиком весь день, и я знаю, какие страдания ему пришлось вынести.

В этот момент вошла мистрис Браун, и посетительница обратилась к ней:

— А вы, должно быть, его мать? Неужели вы не можете, не хотите... отказаться от этого ради вашего ребенка? — ее голос задрожал от волнения.

— Я так полагаю, моя милая, — сказал мистер Браун, — что тебе следует послать за доктором: эта леди больна.

— Но кто она такая? — спросила мистрис Браун.

— Не знаю, — ответил муж, — ее отыскал где-то Вильям.

Отысканная где-то Вильямом леди раскрыла свои об'ятия.

— Неужели же вы не хотите!? — вскричала она с глубоким чувством. — Неужели же вы не можете... ради вашего собственного счастья... ради его счастья... отказаться от этого?

Мистрис Браун и ее муж с удивлением смотрели на леди.

— Сударыня, — сказал мистер Браун с отчаянием, — чего вы желаете? От чего мы должны отказаться?

— Вы не должны пить водку, — заявила леди драматическим голосом.

Мистер Браун тяжело опустился на кресло.

— Мы не должны пить водку? — повторил он, как эхо.

Мистрис Браун чуть слышно сказала:

— Пить водку? Да мы оба состоим в обществе пьющих только чай.

Тут уже опустилась на стул незнакомая леди.

— Не может быть,—сказала она,—чтобы этот мальчик меня обманул.

— Сударыня, — ответил отец этого мальчика с горечью, — это более чем вероятно.

Когда посетительница после протестов, извинений, сожалений, однако все-таки не совсем убежденная, покинула дом, мистер Браун, полный гнева, обратился к своей жене.

— Ну, где же этот мальчик?

Но длительные и энергичные розыски по всему дому, саду и огороду не дали никаких результатов. И только спустя час, после того как, отчаявшись, родные уже перестали искать Вильяма, он, мучимый скорее голодом чем угрызениями совести, вылез из ящика для обуви и отдал себя в руки правосудия.

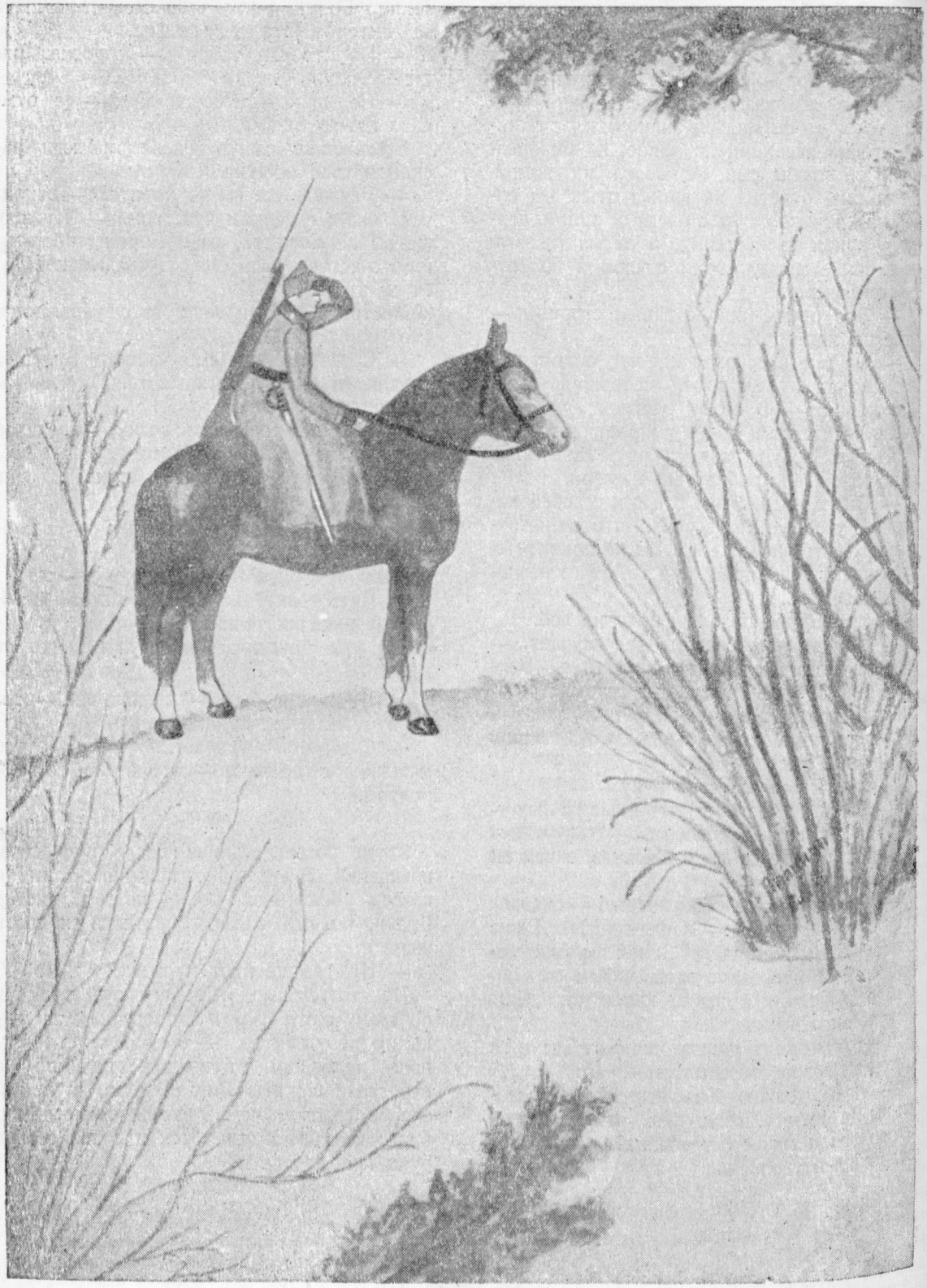


Рис. А. Палкина

Пограничник в дозоре.

СЕКРЕТ ПУНА

Письмо Левы Волик

Станица Казанская, Азово-Черноморского края, Кропоткинского района

В прошлом году я учился в шестом классе. В наш класс во второй четверти приехал новый ученик со странной фамилией — Пун. Как только он пришел в наш класс, ребята прозвали его «Пуненком». Сидел Пуненок на задней парте, и никто его не трогал. Так было до тех пор, пока он не прославился. Вот о том, как прославился Пуненок, я хочу рассказать.

Шел урок физики. Елизавета Александровна об'яснила новый материал, потом стала спрашивать заданный урок. А задано на этот день нам было о равномерном и неравномерном движении. Преподавательница, как всегда, «порылась» в журнале, потом говорит:

— Ну-ка, Пун, отвечай нам урок. Ты ведь уже освоился здесь у нас? — добавила она.

Все сейчас же обернулись к нему: интересно, как новичок будет отвечать.

Его сосед прошептал:

— Ты не бойся, она не здорово «гоняет», ты только примеров побольше приводи: она это любит.

У Пуненка перед глазами лежала тетрадка. Когда он начал отвечать, тетрадка осталась открытой. Рассказывал Пуненок хорошо, сразу видно было, что серьезно готовился к уроку. Примеров он тоже приводил много, и все примеры были хорошие, скорости в них он указывал точно, не так, как другие ребята говорят: поезд идет со скоростью 10 километров в час. Не было случая, чтоб он ошибся в скорости. Это меня удивило, так как вообще все мы делали грубые ошибки в скоростях. В то же время я заметил, что он подглядывал в тетрадь. Я сейчас же подумал, что он читает там урок, но пока никому ничего не сказал. Преподавательница тоже заметила тетрадку. Она молча подошла, взяла тетрадку и стала перелистывать. Просмотрев листа три, она удивленно глянула на Пуна, потом на тетрадку. Затем она сказала: «Садись», — пошла к столу и молча поставила ему «отлично». Потом она опять просмотрела тетрадку, вернула ее Пуну и сказала:

— Хорошая это штука, ты ее не бросай.

Тут мы все загалдели, чтобы нам показали «хорошую штуку». Но Елизавета Александровна строго сказала:

— Тише, ребята, на перемене узнаете, а сейчас давайте продолжать урок.

Но нам было не до урока. Ведь посудите сами: ученик, да еще новичок, во время ответа подсматривал в тетрадь, и учительница похвалила его за это!

Мы кричали и шумели, а Иноземцев, который отвечал урок, все время подсматривал в книгу. На замечание учительницы он ответил:

— Пуну можно подсматривать, и мне можно!

Заниматься в такой обстановке было невозможно. Но Елизавета Александровна — удивительная учительница: вместо того чтобы рассердиться, она сказала тихо:

— Ты, Иноземцев, сядь пока. Ребята, так заниматься нельзя. Если вы сейчас же все замолчите, то я в конце урока покажу вам тетрадку и об'ясню, что в ней есть.

Мы сразу сделались немыми. В классе нельзя было услышать ни звука.

Перед концом урока учительница сказала нам:

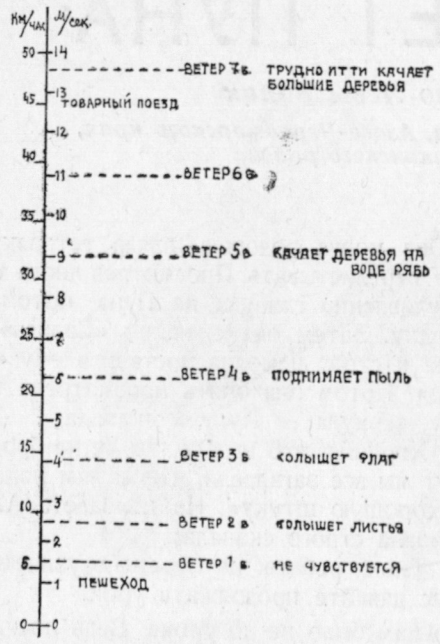
— Ну, ребята, теперь можно приняться и за тетрадку. Дай-ка ее, Пун, — сказала она.

Смущенный Пуненок подошел и положил на стол тетрадку.

— Вот, ребята, когда я буду говорить,

меня не перебивайте, потом спросите, когда кончу.

Мы, конечно, все обещали молчать. Тогда Елизавета Александровна открыла тетрадку и показала нам ее.



— Вот на этом листке, — начала она, — начерчена шкала. Наверху у нее написано: справа — м/сек, т. е. метры в секунду, слева — км/час, т. е. километры в час. Вы ведь знаете, что скорости измеряются метрами в секунду и километрами в час. Следовательно, это шкала скоростей. Если мы посмотрим на надписи сбоку, то против цифры «45» прочтем «товарный поезд». А ведь вы знаете, что приблизительно он такую скорость и имеет. Эта шкала очень удобная и имеет два больших преимущества. Первое — это то, что с помощью этой шкалы легко переводить м/сек в км/час, а это иногда бывает очень нужно. Второе — то, что эта шкала наглядно показывает, какой предмет движется быстрее, а какой медленнее. Чтобы вы лучше поняли, представим себе, что люди взяли все движущиеся предметы: поезда, автомобили, черепахи, — сделали на земле примерно такую шкалу, как у нас в тетрадке, и разделили ее на километры от начала. После этого пустили бы все предметы на шкалу, чтобы они двигались ровно час. По истечении часа все они остановились бы, тогда получилась бы наша шкала, только огромных размеров. Видите, как это наглядно. Теперь у кого вопросы есть?

— У меня! — крикнула одна девочка.

— Говори.

— А вот если самолет имеет скорость 120 км/час, как его записать на шкалу? Ведь какой длины будет шкала!

— Ты говоришь правду, — заметила учительница, — это единственный недостаток шкалы, но его можно исправить...

Но не успела она договорить, как раздался звонок.

— Ну, ребята, после уроков, если хотите, я докончу.

Мы, конечно, все согласились. Тогда она пошла в канцелярию, а мы побежали во двор и сейчас же окружили Пуненка. Пока мы беседовали, к нам подошел второгодник Борис Иванченко.

— Чепуха все это, — проговорил он басом, — ну какой толк от этих шкал?

— А вот и есть, — запротестовал Пуненок, — они все помогают делать. — Вот недавно был такой случай, мать пекла хлеб: раз спекла — он у нее не вышел, другой спекла — опять не вышел. Что тут будешь делать?! Билась, билась она, а хлеб не выходит, да и только. Вот и стал я следить, как она печет хлеб. Смотрю, замесила она тесто и поставила на печку, чтобы «подошел», как говорят. А печка горячая, рукой прикоснуться нельзя. Вот я и думаю: «Если рукой нельзя коснуться печки, — значит температура ее больше 70° (у меня на шкале против семидесятого градуса написано: «рука не терпит»)...

— Постой, на какой шкале, — вскричали мы, — ведь у тебя скорости!

— У меня есть другая шкала... Ну вот, а для дрожжей лучшая температура — немного выше 30° С. Я ей сказал это. Когда она сделала по-моему, то у нее вышел хороший хлеб.

— Вот это здорово! — радовались девчата.

— Я скажу маме, — сказала одна девочка.

Когда кончились уроки, мы все остались в классе. Минут через пять пришла и Елизавета Александровна.

— На чем мы тогда остановились? — спросила она. — Да, на том, как сделать

шкалу более короткой. Так вот, ребята, слушайте. Для того чтобы сделать шкалу более короткой, можно сделать вот как: возьмем, например, шкалу температуры — от нуля вверх до десяти считаем единицами градусов, от десяти до пятидесяти считаем через один градус, а от пятидесяти считаем через 4 градуса. Вы замечаете? Сначала у нас один градус занимает целую клетку, потом один градус занимает только полклетки, а дальше один градус занимает только 1/5 клетки. Правда, под конец мы имеем не такую точную шкалу, но это нам и не нужно. Ведь когда мы имеем десятки градусов, то один или два лишних градуса не имеют значения. Теперь вы поняли, ребята, как надо делать шкалу?

— Поняли, — отвечали мы.

— У меня еще вопрос есть, — крикнул один ученик. — Вы говорили, что можно с помощью шкалы перевести м/сек в км/час. Так вот я и хочу узнать, как это сделать.

— Очень просто. Надо только найти на шкале это количество м/сек и против него посмотреть количество км/час. Возьмем например 7 м/сек. Находим против числа 7 слева 25. Значит, 7 м/сек равняется 25 км/час.

Нам очень понравилась эта тетрадка, и мы тоже захотели себе завести такие тетрадки. Учительница похвалила нас и начертила нам две шкалы: первую — для школьных занятий — до 500° С, вторую — для юнатов. Эта шкала очень точная.

После этого случая мы все завели себе такие тетрадки.

Что будет, если погаснет солнце?

Вопрос учениц Лопушинской и Лимахиной

г. Кыштым, Челябинской обл., Советская ул., д. 4

Нас очень интересует, что будет с землей, если погаснет солнце. Будет ли существовать тогда жизнь на земле? Что произойдет с луной и звездами?

Ответ профессора К. Л. Баева

Если наше солнце «погаснет», как вы пишете, то, конечно, все на земле замерзнет и никакой жизни на ее поверхности не будет. Но это случится через миллионы миллионов лет. Когда солнце «погаснет», т. е. сделается темной звездой, наша земля не удалится, а попрежнему будет вращаться вокруг него. Но на земле исчезнут тепло и свет. А что же будет с людьми? Смогут ли они жить без тепла и света? Конечно, нет. Очевидно, к тому времени у нас будет развито сообщение между планетами и люди переселятся на другую планету, которая ближе к солнцу. Но это время так далеко, что трудно что-нибудь «пророчить».

На темном небе земли попрежнему будут видны звезды, потому что звезды — это далекие от нас солнца, они светят своим светом, а луна тогда уже светить не будет, потому что она получает свой свет от солнца.

Очень интересно вычислить, когда на земле настанет вечная зима. Оказывается, что через один биллион лет температура на земле будет приблизительно ниже на 15 градусов чем теперь, так как земля будет на 10 процентов дальше от солнца. Солнце будет излучать меньше тепла и света, от этого температура уменьшится еще на 15 градусов, значит, через один биллион лет на земле будет холоднее на 30 градусов. Сейчас средняя температура на земле — 12 градусов тепла, а через биллион лет будет 18 градусов холода. Конечно, жить среди вечной зимы человечеству будет трудно.

Но наша наука развивается так быстро, что, конечно, к этому времени люди найдут способы, как и чем заменить солнечную энергию.

СМЕРТЬ ГЕРОЯ

Стихотворение Бори Аникина

Загорск, ул. Клементьева, д. 45

Нет луны, тучи в пасмурном небе,
Пахнет хвоей и палой листвой,
Лишь Амур тихо о берег плещет,
Набегая ленивой волной.
Берег низменный, в дымке туманной,
И на скате примятый песок.
Ходит здесь часовой неустанно:
Сторожит он наш Дальний Восток.
Тихо все, но вдруг плеск раздается:
Лодка к берегу чья-то плывет.
Первый окрик разнесся далеко —
Лодка быстро плывет все вперед.
Лязг затвора, и окрик вторичный —
Ткнулась лодка в примятый песок.
На прицел взял ее пограничник,
Выстрел гулко разнесся и смолк...

Крик раздался. Один из японцев
Ранен выстрелом был и упал,
Но в ответ на винтовочный выстрел
Нарушителей залп прозвучал.
За упавшую ель пограничник,
Как за броню, залег и стрелял:
Он геройски один отбивался
И врагам наступать не давал.
Небо бледной зарей загоралось,
От коричневых сопок шел пар.
Подоспевшим на помощь отрядом
Нанесен был бандитам удар.
Над поваленной елью, склонившись,
Сняли шлемы бойцы: там лежал
Пограничник, врагами сраженный,
Он и мертвый винтовку сжимал...

В БУРЮ НА ОБИ

Письмо Алеши Бржезинского

Западносибирский край, Томск, Даниловский пер., д. 11

Сейчас я живу в Томске. Это большой культурный центр. Школа находится от меня близко: надо пройти всего два квартала. А три года назад я жил на берегу шумной, многоводной Оби, в Богородском лесозаготовительном участке. Школа находилась на другой стороне реки, в селе Шегарском, и нам приходилось ежедневно переезжать через Обь на лодках.

Вспоминаю одно холодное пасмурное утро. Обь разбушевалась: огромные пенистые волны ходили по реке. Мы с товарищем шагали по берегу сумрачные: мы не решались ехать в бурную погоду, но нам не хотелось пропускать занятия, потому что занятия в школе мы все очень любили.

Наконец мы отыскали старый обласок[1] и, наскоро заделав щели, спустили его на воду. Товарищ сел на корму, а я стал грести. Лодка быстро поплыла вперед, рассекая носом волны. Течением нас относило вниз по реке.

Мы проехали добрую половину пути, когда у меня поломалась уключина. Мы испугались; я выпустил весло, и, подхваченное волнами, оно быстро поплыло вниз по реке.

В это время огромная волна залила нашу утлую лодку. На наше счастье поблизости оказалась песчаная отмель, и, подгребаясь руками и оставшимся веслом, мы подплыли к ней. Подтащив лодку, мы вылезли на берег.

[1] Обласок — небольшая лодка, сделанная из целого бревна.

Мы были на середине реки. По одну сторону находился наш дом, по другую — школа.

Мы насквозь промокли. Товарищ сказал мне:

— Придется переждать бурю: с одним веслом далеко не уедешь! А пока положим книги и будем плясать и скакать — живо согреемся!

Я последовал его примеру. Вдруг товарищ закричал:

— Смотри: лодка! Это, наверное, за нами.

— Давай кричать, — сказал я, — нас заметят.

Мы стали кричать, и люди в лодке увидели нас. Они подобрали нас, и мы благополучно приехали в школу.

Когда мы ехали назад, на песчаной отмели было пусто. Наверное, наш обласок смыло волнами.

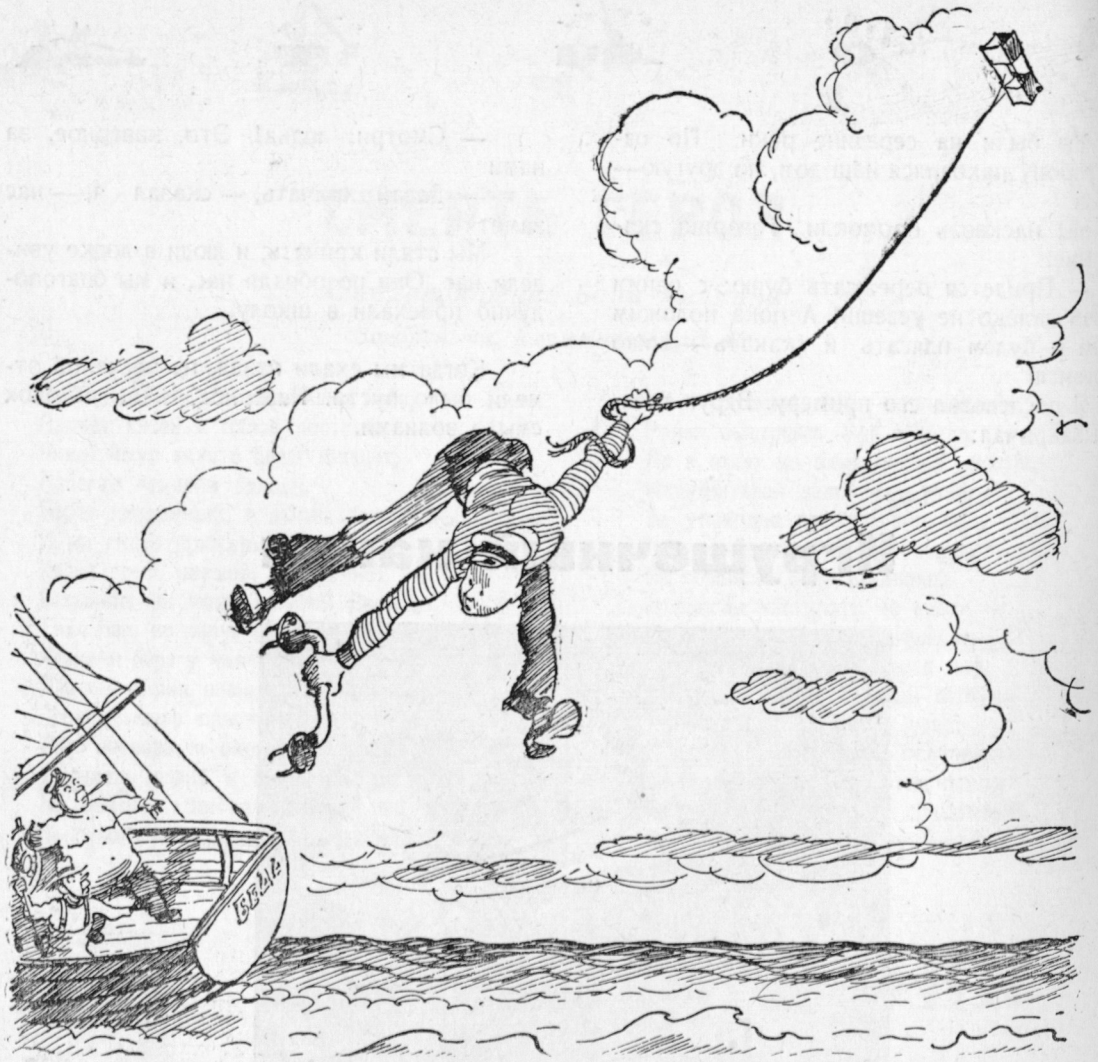
Игрушечный канал

Фотография Жени Лютикова

Летом в нашем пионерском лагере жили октябрята. Они решили построить игрушечный «Волго-канал». Они нарисовали план строительства, и работа закипела. Октябрята вырыли канаву в метр шириной и налили в нее воды — это была Волга. А небольшой ручеек назвали Москвой-рекой. Прорыли между ними канал. Сначала хотели делать канал со шлюзами, но так как наши Волга и Москва были на одном уровне, воду не нужно было поднимать. На берегу канала октябрята построили большой вокзал, а берега обсадили деревьями.

Вечером канал был открыт и началось грузовое движение.

Сначала по каналу ходили всего две—три лодки с резиновыми моторами. На другой же день после пуска все «каналоармейцы» обратились в «судостроителей», а «главный инженер» стал «директором судостроительного завода». Вскоре флот канала возрос до огромных размеров. На десяти—пятнадцати метрах канала у нас плавало больше 150 судов, начиная от бумажных корабликов и кончая деревянно-металлическими резиноходами. Я сфотографировал Лешу Щербакова — «главного инженера строительства», Костю Арлекинова — «начальника строительства», когда они проверяли, как идет «строительство».



Приключения капитана Врунгеля

(Продолжение)

А. Некрасов *Рис. К. Ротова*

В Сиднее я возвратил бумеранги владельцу, попрощался с партнером по гольфу, поднял паруса и пошел.

И вот, знаете, едва мы миновали берега Новой Гвинеи, нас нагнал тайфун чудовищной силы. Снасти стонут, вода встает горами, «Беда», как чайка, мечется по волнам...

Вдруг паруса лопнули со страшным треском, мачта согнулась, как удочка, и весь рангоут вместе с такелажем унесло за борт...

Ну потом стихло. Океан успокоился, я вышел на палубу и вижу: дело дрянь: запасные паруса были у меня в трюме, но без мачт на одних парусах не пойдешь, а болтаться здесь по воле океанских течений — тоже удовольствие маленькое. Нужно что-то придумывать. Ну я и придумал: змей, бумажный змей — вот спасение!

Сварили клейстер, собрали все бумажное, что было на судне: газеты, книжки, разную коммерческую корреспонденцию, нащипали лучины и принялись клеить. Скажу вам, не хвастаясь, змей вышел наславу, а когда высохло это сооружение, мы выбрали канат подлиннее, выждали ветерок, запустили...

И ничего, знаете, прекрасно потянуло, пошла наша яхта.

Вдруг новое несчастье: канат зацепился за брашпиль, перетерся, и не успели мы принять надлежащих мер, смотрю: наш змей на волоске держится.

Я думал: все кончено. Но тут исполинская сила Лома нашла надлежащее применение. Он, понимаете, хватается одной рукой за канат, другой — за скобу на палубе, напрягает бицепсы.

Но тут неожиданный шквал налетает на нос с кормы, змей рванулся, скоба вылетела из палубы, как морковка из грядки, и Лом взвился в облака.

Мы с Фуксом долго смотрели вслед храброму товарищу, так неожиданно покинувшему нас посреди океана... Наконец, я пришел в себя, взглянул на компас, заметил направление, оценил наглаз погоду... И должен сказать: выводы получились неблагоприятные: свежий ветер силою в 6 баллов со скоростью 25 миль в час уносил моего старшего помощника к берегам Японии. Мы же снова беспомощно болтались по волнам, лишенные двигателя и управления...

Я расстроился, ушел с горя спать в каюту, и только немного забылся, слышу: Фукс меня будит. Я протер глаза, поднимаюсь и, поверите ли, вижу: коралловый атолл справа по курсу. Все как полагается: пальмы, лагуна... Тут, знаете, есть из чего мачту вырубить, можно, значит, и парусишки соорудить... Словом, фортуна, как говорится, нам улыбнулась. Но, увы, улыбка-то эта оказалась фальшивой... Посудите сами: ветерок гонит нас неспеша, вот мы поровнялись с атоллом, вот он рядом, рукой подать... Но ведь это только так говорится, а поди-ка ты найди руку в полкабельтова... Словом, вижу: проносит мимо...

Другой бы на моем месте растерялся, но я не таков.

Морская практика в таких случаях рекомендует забросить на берег якорь на конце. Рукой, конечно, не забросишь: тут нужна пушка или ракета... Ну, понятно, я бросаюсь в каюту, ищу указанные предметы, перерыл, перекопал все — нет, понимаете, ни ракет, ни пушек: недосмотрел, не захватил при отправлении. Лезут под руки все больше предметы туалета: галстуки, подтяжки...

И тут меня осенило: я хватаю 6 пар тугих резиновых подтяжек и сооружаю на палубе этакую рогатку увеличенных размеров.

Ну, а дальше понятно: заряжаю ее небольшим якорем, затем мы вместе с Фуксом при помощи лебедки натягиваем ее, я обрубаю конец, и якорь взвивается, унося с собой тонкий, но прочный канат...

Полчаса спустя мы уже были на берегу и наши топоры звенели, нарушая торжественную тишину девственного леса.

Конечно, тяжеленько пришлось. Тайфун потрепал нас изрядно, пришлось, знаете, заново проконопатить борта, покрасить всю яхту, а главное, поставить новый рангоут и такелаж. Но мы справились. А с мачтой у нас просто прекрасно уладилось: выбрали небольшую стройную пальму, выкопали, да так и поставили целиком, с корнями, с листьями... Укрепили, как полагается, вантами, а внизу, в трюме, вместо балласта насыпали грунта, полили, и, знаете, прижилась наша мачта.

Ну, потом сшили парус, подняли его, пошли... Управлять судном с таким вооружением, конечно, несколько непривычно, зато есть и удобства: листья над головой шумят, зелень ласкает глаз. Потом и плоды на пальме созрели, и так это приятно, знаете, стоишь на вахте, жара, мучает жажда, но стоит подняться по выбленкам, и в руках у вас молодой кокосовый орех, полный свежего молока. Прямо не яхта, а плавучая плантация...

Идем. Держим курс к месту предполагаемой посадки Лома. День идем, два идем, на третий день по носу открылась земля. В бинокль видно: порт, входные знаки, город на берегу... Зайти бы, конечно, недурно, но я, знаете, воздержался, не пошел в страну Восходящего солнца. Нас там не больно любят, а у меня еще личные счеты с господином Кусаки. Ну его к чорту!..

Вот я и пошел сторонкой. Иду. День прошел — ничего, а к ночи пал туман. Ни черта не видно, со всех сторон сигналы, гудки, сирены воют, звонят колокола... Тревожно, зато весело.

Вдруг, понимаете, страшный удар, — борта затрещали, вода хлынула на палубу, и «Беда» рассеченная пополам, стала медленно погружаться в воду. Ну, я вижу — конец.

— Фукс, — говорю я, — берите спасательный круг и плывите прямо к берегу, здесь недалеко...

— А вы? — спрашивает Фукс.

— А мне, — говорю, — туда не по дороге, как-нибудь спасусь на обломках...

— И мне не по дороге, не тянет меня в Японию...

— Напрасно, Фукс, — возражаю я, — там все-таки берег, различные красоты, священная гора Фузияма...

— Да что красоты, — отмахнулся Фукс, — там с голоду сдохнешь. Работы нет, а по старой специальности, по шулерской части, мы против японцев никуда не годимся. Обдерут, как липку, по миру пустят... Уж я лучше с вами...

— Ну, — говорю, — раз так, тогда аврал! Судно гибнет, вся надежда на мачту. Снасти долой, забрать ценности, рубить мачту!

И вот, знаете, тихонько спускаем за борт нашу пальму, берем весла, компас, кое-какие пожитки, садимся верхом и наблюдаем, как океан поглощает остатки нашего многострадального судна.

Конечно, после яхты чувствуется некоторый недостаток комфорта. Но все же мы устроились не без удобств. Поставили компас, подняли кое-как парус — пошли.

Ну, идем так, вдруг видим сзади, за кормой, дымок. Оказался «купец» — бродячий пароход под английским флагом. Увидели нас, подняли на борт. Пальму я подарил капитану, он ее в салон поставил.

Ну, поговорили мы с капитаном о новостях, я сижу в салоне, свежие газеты перелистываю... И вдруг вижу заголовок:

«Налет с воздуха... Рука Москвы и Коминтерна... Преступник пропал!»

Я заинтересовался, понятно; читаю и вижу: весь этот шум из-за Лома. Он, оказывается, на своем змее снизился возле самой Фузиямы. Ну, конечно, собралась толпа, змей разорвали в клочья, разобрали на память.

А змей-то ведь был из газет. Ну, и взялась за это дело полиция. Обвинила Лома в незаконном провозе запрещенной литературы... Я не знаю, чем бы это кончилось.

Но тут, к счастью, небо покрылось тучами, раздались глухие подземные удары. Толпу охватила паника, и все разбежались в ужасе...

На склоне знаменитой горы только и остались: мой старший помощник Лом и чины японской полиции.

Стоят, смотрят друг на друга. Земля под ними колеблется... Это, конечно,—необычное состояние для поверхности нашей планеты, и у многих оно вызывает различные проявления страха. Но Лом он, знаете, всю жизнь на борту—привык к качке... Ну, и не сумел надлежащим образом оценить грозную силу происходящего, пошел вверх по склону горы.

И тут, понимаете, как это говорится, «земля разверзлась», и широкая трещина легла между беглецом и погоней. А затем все покрылось хлопьями сажи и мраком неизвестности.

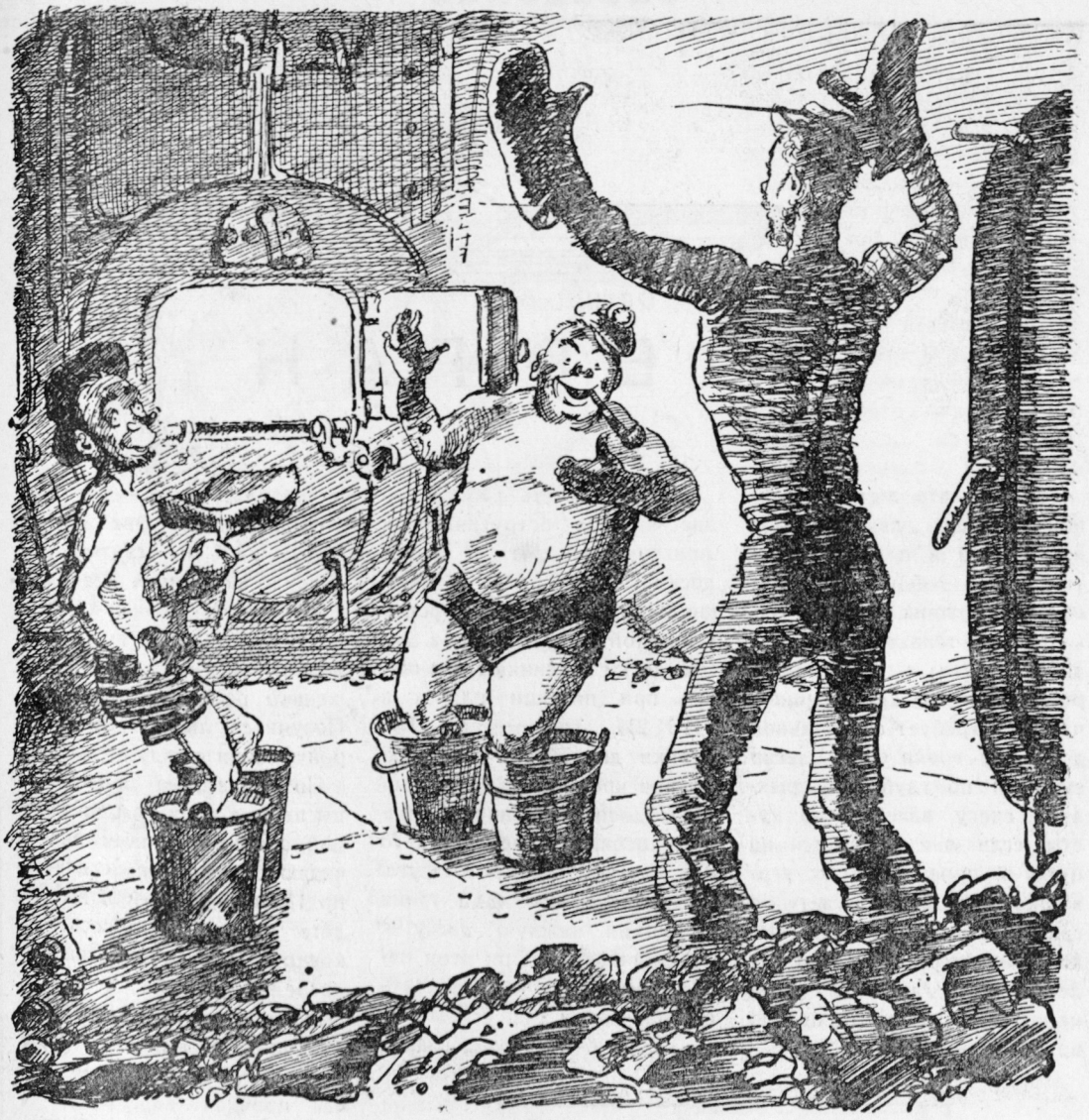
Полиция потеряла следы Лома и теперь ищет его по всей Японии.

Вот, собственно, и все, что я узнал из газет. Но, знаете, и этого достаточно, чтобы расстроиться. И так несладко: шутка ли? Судно потерял, а тут еще товарищ и помощник попали в такую историю. Была бы яхта, плюнул бы на Кусаки, пошел бы в Японию выручать Лома. А теперь жди, пока придем в порт назначения. И оттуда надо как-то выбраться, и в кассе у нас с Фуксом негусто, и пароход идет медленно.

Я к капитану.

— Нельзя ли,— говорю,— прибавить ходу?

— Рад бы,— отвечает тот,— да у меня кочегаров мало — не справляются, еле пар держат...



Ну, знаете, я подумал, с Фуксом поговорил, отдохнули еще денек и нанялись кочегарами. Жалованье, конечно, небольшое, но, во-первых, на стол не тратиться, а, во-вторых, за работой все-таки не так скучно, да и пароход скорее пойдет...

Ну, встали на вахту.

Спецовку там не дают, а у нас только и осталось что на себе. Ну разделись, в целях экономии остались в одних трусиках. Это, впрочем, и лучше: жара в кочегарке... А вот с обувью плохо. Под ногами уголь, горячий шлак, разуться — жарко, а обуться — только последние ботинки погубишь.

Но мы, знаете, не растерялись: взяли четыре ведра, налили воды, и так-то славно получилось. Стоишь в них как в калошах, а если уголек какой упадет, только «пшик» — и все тут...

Я в кочегарке справлялся легко, мне не впервой, а Фукс, вижу, сдает. Набил полную топку, уголь спекся корой, он его ковыряет лопатой...

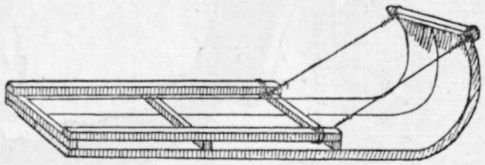
— Эх,— говорю я,— разве здесь лопатой что сделаешь? Здесь подломать надо. Где лом?

И вот поверите ли: слышу за спиной кто-то глухо так:

— Есть Лом к вашим услугам!

Обернулся, смотрю: из кучи угля вылезает мой старший помощник Лом: тощий, черный, небритый, но все же Лом, собственной персоной. Я, знаете, так и сел от неожиданности...

(Окончание в следующем номере)



Общий вид

ТОБОГАН

Тобоган—это лыжина длиной больше двух метров и шириной в полметра. Катаются на тобогане, как на санках, с горы. Разница заключается только в том, что тобоган летит с горы со скоростью 30—100 километров в час и не требует специальной ледяной горки. Он легко скользит по глубокому рыхлому снегу, взлетает на кусты, если они попадутся на пути, и, проехав по их верхушкам, снова прыгает на снег и несется дальше. Налетев на сугроб, тобоган отделяется от земли и через несколько метров плавно приземляется.

Основная часть тобогана — две хорошо оструганные и пригнанные друг к другу доски длиной по 2½ метра, шириной по 25 сантиметров и толщиной в 2 сантиметра. Эти две доски соединяются в щиток при помощи планок в 2½ × 2½ сантиметра. Три планки длиной по 50 сантиметров крепятся с одной стороны досок, начиная от концов досок, на расстоянии 75 сантиметров друг от друга. Прикреплять их надо тремя шурупами каждую доску к каждой планке. При этом необходимо шурупы ввинтить в глубь досок так, чтобы они не торчали. Четвертая планка прикрепляется с обратной стороны досок. Она должна быть на 10 сантиметров длиннее остальных планок.

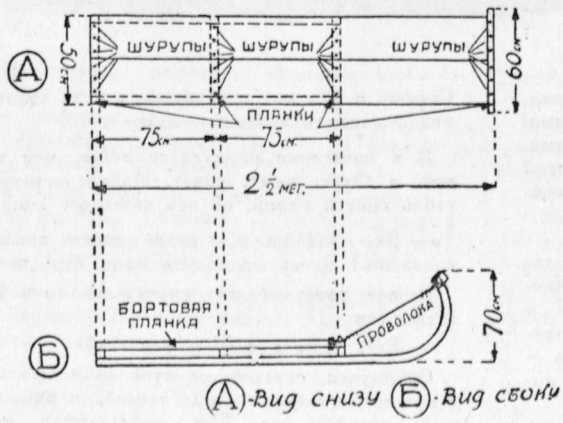
Тот конец щитка, к которому прикреплена последняя, длинная планка, надо хорошенько распарить и загнуть. Получится лыжина, у которой планки придутся сверху.

По бортам, на самые концы первых трех планок, двухдюймовыми шурупами привинчиваются две планки длиной по 1½ метра. За них вы будете держаться катаясь. От концов последней планки, спереди тобогана, к бортовым планкам натягивается проволока толщиной в 2—3 миллиметра (в крайнем случае прочная веревка). Это делается для того, чтобы нос тобогана не разгибался.

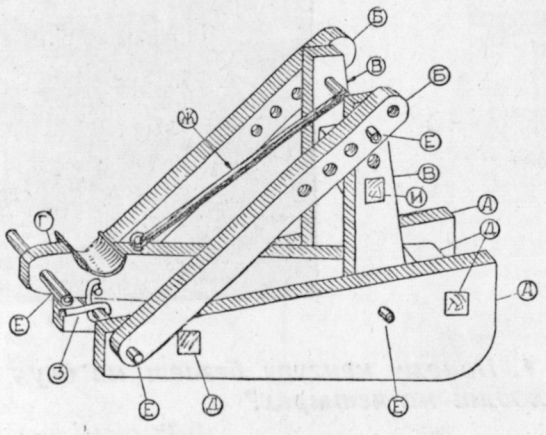
Вот и все (см. чертежи). Самая трудная работа — это загнуть нос тобогана. Если есть возможность, попросите столяра помочь вам в этом деле.

Для того чтобы тобоган лучше скользил, пропитайте его 2—3 раза горячим дегтем, а когда деготь окончательно впитается и высохнет, натрите всю скользящую поверхность лыжной мазью.

О. ШВАРЦ



Эти чертежи показывают, как сделать тобоган.



БАЛЛИСТА

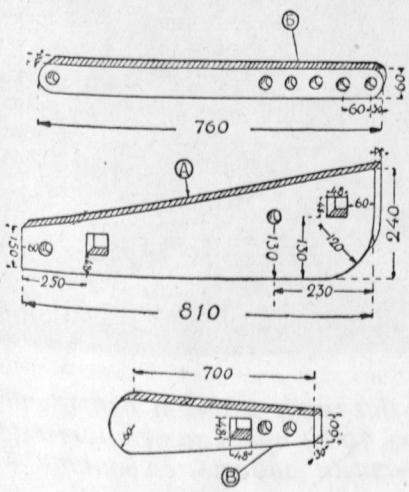
У древних римлян пушек не было, потому что они не знали пороха. Но все же у них были орудия для осады городов и стен. Их называли «баллисты», и порох в них заменяла упругость дерева. Модели баллист можно использовать для игры. Наши баллисты несколько «модернизированы» и основаны не на упругости дерева, а на упругости резины. Когда выпадет достаточно снега, соберите своих товарищей и, разбившись на группы, постройте баллисты.

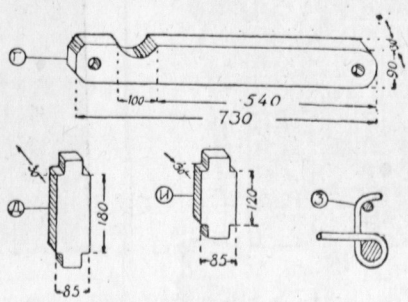
Когда баллисты будут готовы, постройте во дворе крепости для каждой группы отдельно, установите в них баллисты и начните игру — кто скорее разрушит крепость снежками, метаемыми баллистами.

Конструкция баллисты ясна из чертежей и рисунков. Все размеры даны в миллиметрах.

Детали **А**, скрепленные между собой деталями **Д**, представляют собой не что иное, как санки, на которых с помощью кусков водопроводной трубы **Е** крепятся детали **Б** и **В**. Если нет кусков водопроводной трубы, то их с успехом можно заменить кусками толстых железных прутьев или обрезками толстой дубовой круглой планки. Детали **В** соединяются между собой деталью **И**. Между деталями **В** на той же оси **Е** крепится подвижная часть баллисты — деталь **Г**, в другом конце которой воткнута деталь **Е**, служащая ручкой для завода баллисты. Деталь **З** служит для удержания детали **Г** в заведенном положении. Деталь **Ж**—главная деталь баллисты: от нее зависят качества баллисты. Это резина, она должна быть толстой, но очень упругой. Для этой цели можно употребить хорошую резину — амортизатор для планеров. Установкой деталей **Б** и **В** с помощью отверстий на них и детали **Е** можно изменить путь полета снежка и таким образом пристреляться по нужной вам цели. Дальность полета зависит от качества резины.

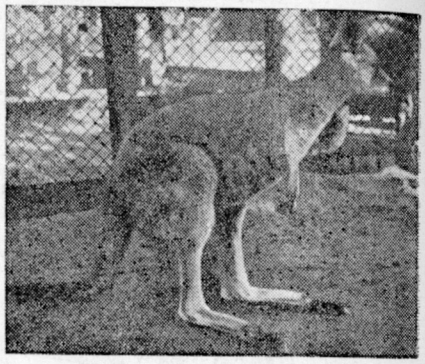
Г. А. ГАСПАРЬЯН





Около всех частей баллисты обозначены их размеры в миллиметрах.

Загадки, задачи, игры и фокусы



ЗАДАЧА О ПАССАЖИРАХ

Почему пассажиры, едущие из Москвы в Сибирь (особенно во Владивосток), ложатся спать очень поздно, когда начинают уже вставать жители мест, мимо которых они проезжают? Когда же пассажиры едут из Владивостока в Москву, то, наоборот, ложатся спать рано и еще при солнышке начинают позевывать?

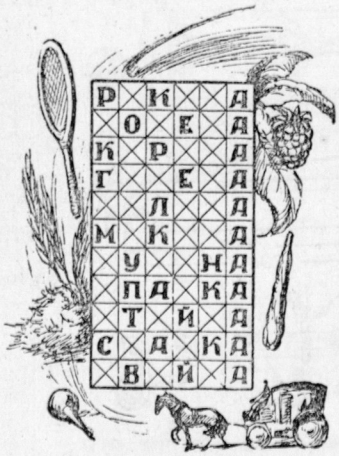
СТРАННЫЙ ЧЕТЫРЕХУГОЛЬНИК

Сможете ли вы начертить такой четырехугольник, который можно было бы одной прямой разделить на 3 треугольника?

12 СПИЧЕК

12 спичек положены в 3 ряда. Переложите 3 спички так, чтобы в каждом горизонтальном и вертикальном ряду было по 4 спички.

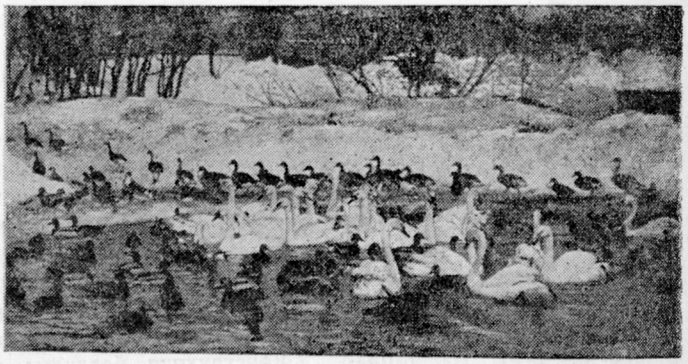
Рифмы



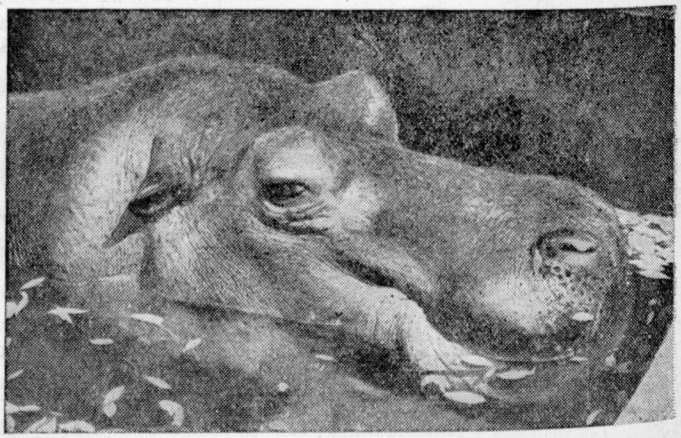
Р	И		Д
О	Е		Д
К	Р		Д
Г	Е		Д
	Л		Д
М	И		Д
У		Н	Д
П	Д	К	Д
Т		Й	Д
С	Д	К	Д
В	Й		Д

В этой таблице вместо крестиков поставьте буквы. Должно получиться одиннадцать рифмованных слов (четыре, три и четыре).

1. Почему кенгуру бегает на двух ногах, а ходит на четырех?



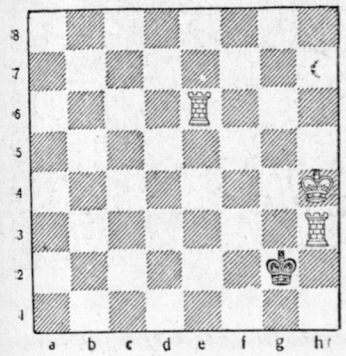
2. Это пруд Московского зоопарка зимой. Почему у птиц, плавающих в проруби, не замерзают ноги?



3. Почему бегемот может оставить над поверхностью воды чуть заметную полоску головы и все-таки видеть, слышать и дышать?

ШАХМАТНАЯ ЗАДАЧА

В. Шинкман (Англия)



Белые: Крh4; Ле6; Лh3(3)

Черные: Крg2

Белые начинают и дают мат в три хода.

Что написано на стене?

Несколько десятков лет назад один чудак решил из камней с высеченными на них буквами построить стену, на которой было бы написано стихотворение. Но во время постройки каменщики перепутали все камни — стену так и бросили недостроенной. Какое и чье стихотворение должно быть написано на стене?

Ответы на задачи, помещенные в № 9

Что он сказал?

Негритенок предложил арабчатам поменяться лошадьми. Они это сделали и тогда помчались во весь опор.

Юннаты в лесу

Собака находится справа от юнната, удящего рыбу. Наверху находятся медведь и рысь, а слева — волк.

Негритянский телеграф

Негры могут передать 4096 сигналов.

Загадочные кружки

Слон этот из басни Крылова «Слон и моська». В кружках написано: «Пускай же говорят собаки: «Ай, моська, знать она сильна, что лает на слона!»

Ответ на кроссворд в № 9

По горизонтали: 2. Оса, 4. Ишак, 6. Сани, 7. Ара, 8. Ил, 9. Причал, 12. Ре, 13. Ока, 15. Як, 16. Ют, 18. Ар, 19. Буря, 21. Аккорд, 24. Киль, 25. Авила, 27. Ло, 28. Вагон, 29. От, 30. Автокар, 33. Инар, 34. Иго, 36. Конго, 40. Мол, 41. Трал, 43. Орда, 45. Ковер, 47. Корона, 48. Каша, 50. Опека, 52. Турист, 54. Боа, 56. Акр, 57. Ми, 59. Енот, 60. Рая, 62. Ум, 63. Ранг, 66. Род, 68. Уда, 69. Иран, 71. Еси, 73. Ном, 74. Азот, 75. Ил, 76. Да, 77. Еда, 78. Атом, 80. Ом, 81. Ра, 82. Вы, 83. Ру.

По вертикали: 1. Баски, 2. Орша, 3. Артиллерия, 4. Испания, 5. Анкара, 8. Ирак, 9. Параван, 10. Чкалов, 11. Люк, 13. Обь, 14. Ку, 17. Толокно, 20. Ява, 22. Кантон, 23. Рота, 26. Игарка, 31. Рим, 32. Вол, 35. Год. 37. Олово, 39. Гидра, 42. Рикошет, 44. Рено, 46. Оракул, 47. Кап, 48. Кораблекрушение, 49. Астурия, 51. Ар, 53. Ибаррури, 55. Амо, 58. Итог, 61. Амортизатор, 64. Ад, 65. Налим, 67. Да, 70. Наст, 72. Солдаты, 74. Ада, 79. Омар, 84. Ус.

Хорошо ли вы знаете географию?

1. Саргассово море. Оно называется по имени морских водорослей, плавающих в Атлантическом океане.

2. В Вест-Индии, на острове Гаити, в его восточной части, находится Доминиканская республика — государство негров, потомков тех негров, которых испанцы привезли из Испании в начале колонизации Америки. В Испанию же эти негры были завезены из Африки арабами.

3. Во время кругосветного плавания русского судна «Надежда» под начальством Ф. Ф. Беллинсгаузена в 1821 году были посещены им наиболее южные широты и здесь открыт остров, названный путешественником островом Петра I (примерно 70 градусов западной долготы), и достигнут материковый берег, названный берегом Александра I (95 градусов западной долготы от парижского меридиана).

Обе эти открытые земли находятся за южным полярным кругом.

Ответ на кроссворд в № 6

Слова по радиусам: 1. Позор, 2. Тесак, 3. Алмаз, 4. Жюри, 5. Рампа, 6. Текст, 7. Этика, 8. Анчар, 9. Тираж, 10. Порок, 11. Тяга, 22. Перо, 24. Злак, 26. Волна, 27. Свита, 28. Тракт.

Слова по окружностям: 1. Потоп, 3. Алжир, 7. Эпоха, 8. Аскет, 12. Ореол, 13. Арест, 14. Катон, 15. Орион, 16. Загар, 17. Муром, 18. Идеал, 19. Чалма, 20. Отара, 21. Песок, 23. Ровно, 25. Опара.

Ответ на кроссворд в № 8.

1а—осока, 2а — мели, 3а — слон, 4а — покос, 5б — село, 6б — мол, 7б — кино, 8б — око, 9б — горн, 10а — гора, 11б — арба, 12а — нота.

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

О Дюре Рашовиче и царице Ирине безумной — *Радуле Стийенский. Перевод с сербского. Рис. Ю. Кискачи* 3
Выборы в Верховный Совет 10
Рассказ доктора Пулькина—*Петр Сажин. Рис. В. Цельмера* 12
Как я летаю — *Рассказ командира корабля старшего лейтенанта Опадчего* 23
Соболь — *Тунгусская сказка. Записал М. Ошаров. Рис. М. Аксельрод* 29
Царь Иван Васильевич Грозный — *Проф. С. Бахрушин* 33
Летающая станция — *Фантастический роман Г. Гребнева. Часть вторая. Рис. Ю. Кискачи* . 42
Война в Китае 67
Электричество мозга — *Ф. Дунаевский* 69
Витязь в тигровой шкуре — *Шота Руставели. Перевел и обработал Н. Заболоцкий* 78
„Компас":
Приключения карты Колумба — *Л. С. Баранов* 89
Фонд Географического общества 97
Уж этот мальчишка! — *Р. Кромптон. Перевод с английского Н. Олигер. Рис. Ф. Полищук* . . 98

ПОЧТА:

Секрет Пуна — *Рассказ Левы Волик* 105
Что будет, если погаснет солнце? — *Лопушинская и Лимахина* 107
Ответ *профессора К. Л. Баева* 107
Смерть героя — *Стихотворение Бори Аникина* 108
В бурю на Оби — *Письмо Алеши Бржезинского* 108
Приключения капитана Врунгеля — *А. Некрасов. Рис. К. Ротова* 110
Самоделки 116
Задачи, загадки, игры и фокусы 118

На обложке картина художника И. Танчик „Виолончелистка".

Адрес редакции: Москва, ул. „Правды", 24, комната 822, тел. Д 3-30-73

Ответ. редактор **Б. ИВАНТЕР**
Зам. редактора **В. Фраерман** Отв. секретарь **В. Поддубная** Худ. редактор **М. Аскинази**

Сдано в набор 26/X—37 г. Подписано к печати 2-/XI—37 г. Изд. № 983

Уполномоченный Главлита № Б — 31731. 82×110 1/16 бум. листа. 38 400 печ. зн. в печ. листе. 15 п. л.

Типография газеты „Правда" имени Сталина, Москва, ул. „Правды", 24. Зак. № 2283. Тираж 90 000.

Ц. 1938

МОСПОСЫЛТОРГ

НАРКОМВНУТОРГ РСФСР МОСКОВСКАЯ КОНТОРА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОСЫЛОЧНОЙ ТОРГОВЛИ

ВЫСЫЛАЕТ ПОЧТОВЫМИ ПОСЫЛКАМИ ВСЕМ ГРАЖДАНАМ и ОРГАНИЗАЦИЯМ (кроме торгующих)

ЗИМНИЙ СПОРТ:

КОНЬКИ беговые завода «Тремасс» . **75 р. 20 к.**
» «Хоккей» (Гаги) II сорт **16 р.**, I сорт . . . . . **17 р. 80 к.**
» «Английский спорт» марки «С» **7 р. 75 к.**
» » фабрики «Динамо» **12 р. 25 к.**
» «Снегурочка» марки «С» . . **11 руб.**
» » » фабрики «Динамо» . . **10 р. 50 к.**

При заказе на коньки могут быть высланы ботинки для коньков на резиновой подошве мужские и дамские по цене от **28 р. 30 к.** до **34 р. 20 к.**

РЕМНИ для коньков за пару **1 р. 55 к.** и **2 руб.**
МЯЧИ хоккейные. . . . . **4 р. 70 к.**
КЛЮШКИ » . . . от **15 р.** до **19 р. 50 к.**
ЛЫЖИ для взрослых завода имени Каракозова типа «Муртома» I сорт **23 р. 40 к.**
ЛЫЖИ детские I сорт . . . . . **16 р. 10 к.**
ПАЛКИ для лыж бамбуковые от **8 руб.** до **14 руб.**
БОТИНКИ горнолыжные на резиновой подошве I сорт. . . . **52 руб.**
КРЕПЛЕНИЕ пяточное сыромятное (пара) . . . . . **2 р. 80 к.**
РЕМНИ носковые . . . . . **1 р. 45 к.**
РЕЗИНА лыжная . . . . . **1 р. 45 к.**
МАЗЬ лыжная плитками . . . . . **18 к.**
КРЕПЛЕНИЕ лыжное «Эпсей» металлическое . . . . . **18 р. 55 к.**
РУКАВИЦЫ кожаные . . . . . **8 р. 65 к.**

Лыжи высылаются только по железной дороге и не менее пяти пар. При заказе необходимо указывать длину лыж.

КЛУБНЫЕ ИГРЫ:

БИЛЬЯРДЫ 6-лузные с 4 киями и 16 шарами 120 × 60 см . . . . . **216 руб.**
ТО ЖЕ с 2 киями 78 × 44 см . . . . . **96 р. 50 к.**
ШАХМАТЫ системы Чигорина . . . . **16 р. 10 к.** и **17 р. 30 к.**
ШАШКИ в деревянной коробке для игры . . . . . **5 р. 59 к.**
» березовые . . . . . **7 р. 50 к.**
» в трафаретном ящике . . . . . **11 р. 15 к.** и **13 р. 50 к.**
ДОМИНО деревянное . . . . . **4 р. 35 к.**
» неоголитовое . . . . . **14 р. 15 к.** и **18 р. 60 к.**
» клубные на 9 очков. . . . . **49 р. 40 к.**

ПРЕЙСКУРАНТЫ НА ФОТОТОВАРЫ, МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ И ЕЛОЧНЫЕ УКРАШЕНИЯ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕСПЛАТНО.

ВНИМАНИЮ ЗАКАЗЧИКОВ: В указанные цены входят все расходы по таре и почтовой пересылке. **Наложенным платежом не высылаются.** Деньги переводите по адресу: Москва, ул. Кирова, 47/п, Расч. счет **№ 460019** в операционном управлении правления Госбанка.

Заказ обязательно пишите на оборотной стороне отрезного купона почтового перевода. Адрес пишите разборчиво и подробно, почтовое отделение, область, район, город или селение, наименование улицы, номер дома. Фамилию, имя и отчество — полностью.

Цена 1 руб. 50 коп.

М8482

П 29
34а